Это в сердце моем навсегда

Николай Васильевич Калинин

SHOUT
SHARE
IT

- Калинин Николай Васильевич

Калинин Николай Васильевич
Это в сердце моем навсегда

Калинин Николай Васильевич
Это в сердце моем навсегда
Содержание
Пылающий Юго-Запад
Путешествие в молодость
Между Доном и Волгой
Здравствуй, граница!
В фашистском логове

Пылающий Юго-Запад

Великая Отечественная война застала меня на западной границе, в районе Новоград-Волынского. Я командовал 131-й мотострелковой дивизией, входившей в 9-й механизированный корпус.

Несколько слов о его рождении.

Осенью 1940 года меня неожиданно вызвали в округ. Вечером того же дня я был уже в Киеве. Остановился в гостинице "Континенталь". На следующее утро перед тем, как отправиться на прием к командующему КОВО Г. К. Жукову, спустился в ресторан позавтракать. Только выбрал место и углубился в изучение меню - подошел незнакомый военный и спросил:

- Вы полковник Калинин?

- Да.

- Вас просит генерал-майор Рокоссовский.

Молча встаю, иду.

За столом, к которому меня пригласили, - полковой комиссар примерно моего возраста и молодой генерал-майор, с веселыми светлыми глазами и ямочками на щеках. Хорошо сидящий на нем голубоватый китель подчеркивал выправку, строгую красоту этого человека.

Когда я назвался, Рокоссовский привстал и подал руку. Присматриваемся друг к другу. Взгляд Константина Константиновича добрый, располагающий. Начинаем беседовать. Рокоссовский интересуется целью моего прибытия в Киев.

- И у меня на это же время вызов, - замечает он. Ровно в десять являемся в штаб округа. Жуков принимает нас, представляет друг другу.

- А мы уже знакомы, - говорит Рокоссовский.

- Тем лучше. - Командующий обращается ко мне в сообщает, что в округе создан 9-й механизированный корпус.

- Ваша дивизия включена в его состав. Командиром корпуса назначен товарищ Рокоссовский. Желаю вам крепкой боевой дружбы, успехов. Если нет вопросов, то вы, товарищ Калинин, свободны.

Константин Константинович попросил:

- Без меня не уезжайте.

- Хорошо, товарищ комкор. Буду ждать вас в гостинице.

В Новоград-Волынский мы с Рокоссовским возвращались в одной машине. О себе он говорил мало и неохотно, больше интересовался моей биографией. Внимательно слушал рассказ о моей службе в кавалерии, о встречах с Василием Константиновичем Блюхером и Григорием Ивановичем Котовским.

- Я ведь тоже прошел через кавалерию, - заметил он с улыбкой. - Теперь в нашей армии коней заменяют машинами. Будущая война будет в высшей степени маневренной. Опыт таких действий уже есть. Особенно у немцев - самого вероятного нашего противника. Так что нам с вами надо поскорее овладевать новой техникой и новой тактикой...

Константин Константинович озабоченно говорил о состоянии наших войск, о тревожной обстановке в Европе, о задачах, которые нам вместе предстояло решать.

День был погожий, дорога хорошая, и автомобиль, казалось, не катился, а летел. На пути часто встречались селения. Опрятные, белые, они утопали в зелени. То здесь, то там в небо тянулись серебристые пики пирамидальных тополей. Осень пылала всеми красками радуги. В садах гнулись от плодов деревья.

Время от времени нам встречались караваны машин, до предела нагруженные яблоками, грушами, позднею сливой, и тогда нас обдавало пьянящим ароматом созревших фруктов.

Красив и богат этот край. Жизнерадостен и работящ его народ. Это здесь совершила трудовой подвиг Мария Демченко. О ней вспомнилось, когда проезжали огромные плантации сахарной свеклы и взгляд задержался на горах сочных и сладких корнеплодов.

Невольно рождались думы о нашем еще более прекрасном будущем, о счастье созидания и о том, что все это мы, военные, призваны оберегать.

Константин Константинович вспомнил о своей службе в Белоруссии, в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, где он командовал кавалерийской дивизией.

За беседой не заметили, как добрались до Новоград-Волынского, въехали в военный городок.

- Вот мы и дома, - сказал я и предложил Рокоссовскому располагаться.

Константин Константинович познакомился с моей семьей, принял с дороги душ. Жилье ему понравилось.

За обедом мы вспомнили об империалистической войне, в которой оба участвовали унтер-офицерами, о гражданской, когда уже командовали красными подразделениями и частями. Потом разговорились об учебе в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Обменялись мнениями и о том, каким быть нашему вновь созданному, а точнее создаваемому, механизированному корпусу. Поделились мыслями о тактике механизированных частей, о которой мы имели еще весьма смутное представление.

Константин Константинович Рокоссовский к делу приступил сразу же. Новое соединение необходимо было как можно скорее укомплектовать техникой, обеспечить недостающим имуществом. Особенно остро ощущалась нехватка в автотранспорте. Машины требовались всем частям и подразделениям.

Обстановка в Европе, да и на востоке, обязывала торопиться с различными реорганизациями. И хотя у нас и был заключен с Германией пакт о ненападении, мы тем не менее не забывали о предупреждении партии, что фашизм - это война, и армия должна быть всегда готова к отпору агрессору. Командиры и политработники частей, командование корпуса не теряли времени зря. Личный состав напряженно овладевал приемами современного боя. Начав с бойца, отделения, мы дошли до учений в масштабе дивизии и корпуса.

Одна из больших военных игр на картах состоялась зимой. Проводил ее представитель Главного управления бронетанковых войск.

Мне тогда выпало командовать механизированным корпусом. Рокоссовский выступал в роли посредника.

В постановке самой задачи, в вводных, которые давали руководитель игры и посредник, было много нового. Особое внимание обращалось на взаимодействие наземных войск с авиацией. Кроме того, в ходе игры мне довелось выводить корпус из окружения. Тогда я, конечно, не думал, что этот опыт мне очень скоро пригодится.

Все занятия, учения мы стремились проводить с учетом реальной обстановки тех лет.

Осенью 1940 года в Киевском особом военном округе прошла серия штабных учений. Одно из них состоялось в районе Славуты, близ Шепетовки. Это - штабное учение кавалеристов. Руководил им Ока Иванович Городовиков. Я тоже участвовал в нем.

Учась сами, мы обучали всему новому наши штабы и части.

В конце апреля 1941 года 131-я дивизия в районе Новоград-Волынский, Чижовка как бы подвела итог зимнему периоду боевой подготовки. Полки преодолевали предполье, прорывали оборону противника в условиях лесисто-болотистой местности.

К этому учению мы тщательно подготовились. За его ходом наблюдал К. К. Рокоссовский. После моего разбора действий частей и подразделений перед командирами и политработниками выступил К. К. Рокоссовский. Он указал нам на недостатки. В частности, обратил внимание, что при преодолении сильно укрепленных позиций надо организовывать более четкое взаимодействие мотострелковых частей с танками, авиацией и артиллерией. Удар основными силами наносить в одном главном направлении.

- Штабы полков и штаб дивизии должны быстрее получать нужную информацию, заметил Рокоссовский. - Иначе командиры не смогут оперативно управлять боем.

В целом учение обогатило всех его участников практическими навыками, помогло отработать многие тактические элементы.

В этот период наша 131-я стрелковая дивизия переходила на штаты мотострелкового соединения. Полки получили автомашины. Артиллерия с конной тяги переводилась на механическую. Был сформирован танковый полк. Разведбатальон укомплектовали "амфибиями".

Зима 1940/41 года прошла в учебе. Было много полевых выездов, дневных и ночных маршей, занятий при любой погоде.

5 мая 1941 года дивизия выехала в лагеря: мотострелковые полки в Таращанский лагерь, артиллерия - в Александровский. Началось обучение подразделений по летней программе. Отдельно проводились военные игры с командно-политическим составом.

10 июня мы выехали в город Луцк на учения, которые проводил генерал армии К.А. Мерецков. В них участвовали штаб 5-й армии и штабы корпусов. Командиры дивизий были посредниками или наблюдателями. 15 июня игра закончилась.

После подведения итогов Рокоссовский собрал командиров дивизий 9-го мехкорпуса и приказал срочно выехать в соединения. Такое распоряжение несколько насторожило многих из нас. Тем более что во время учений мы узнали о показаниях перебежчиков, утверждавших, будто немцы намереваются напасть на Советский Союз между 20 и 25 июня. Правда, нашлись товарищи, которые не придали этому сообщению какого-либо значения. Но у большинства какой-то осадок тревоги остался. Ко мне подошел Рокоссовский и с сожалением произнес:

- Сорвалась наша охота и рыбалка. Опять выходной приходится делами заниматься.

- Что поделаешь! - отозвался я. Немного помолчав, Константин Константинович предложил:

- Давайте перенесем вылазку на следующее воскресенье. Порыбачим, как когда-то в Белокоровичах. И уху такую же придумаем. С перчиком!

В Белокоровичах мы охотились месяца два тому назад. Время провели тогда хорошо, и я был не против такого же отдыха.

- Вот и договорились. Готовьтесь!

Когда возвращались в Новоград-Волынский, Рокоссовский заговорил о последних данных разведки. Они беспокоили его всерьез. Константин Константинович спросил:

- Что вы думаете на этот счет, Николай Васильевич?

- Во всех случаях надо быть начеку. Если даже перебежчиков к нам и подослали, то опять-таки неспроста.

- Я тоже в этом убежден...

От Луцка до Новоград-Волынского мы ехали всю ночь. Домой прибыли на рассвете.

После непродолжительного сна, пообедав, я отправился в гарнизонный Дом офицеров. На спортивной площадке увидел Константина Константиновича. Он уже играл в волейбол. Я даже позавидовал: "Умеет же человек организовать свой отдых!"

Новая неделя ничем пока не отличалась от предыдущей. Та же учеба, те же заботы. Ближе к концу ее я вспомнил об уговоре с Рокоссовским поехать на рыбную ловлю и стал ждать звонка. Он раздался 20 июня. Настроение у Константина Константиновича, видно, было превосходное.

- Итак, завтра едем, - сказал он. - Приглашайте всех желающих, веселее будет. Не забудьте взять приправ. Рыба будет, утки тоже наверняка. О времени выезда сообщу.

Однако нашим замыслам не суждено было свершиться. В субботу вечером Рокоссовский дал знать:

- Рыбалка отменяется. Из Курска приехали артисты...

Наш Дом офицеров находился в военном городке, расположенном на восточном берегу реки Случь, рядом со штабом корпуса. Когда-то здесь было барское имение с огромным парком. Место красивое. По ту сторону Случи раскинулся город Новоград-Волынский.

Много народу на концерт приехало из лагеря. Большинство - с семьями.

К моему удивлению, я не обнаружил в зрительном зале Константина Константиновича.

Во время представления вдруг стали появляться посыльные и

вызывать куда-то командиров. Дошел черед и до меня. Оказалось, что это Рокоссовский приглашал нас по одному в штаб.

- Николай Васильевич, - сказал он мне, - раз уж рыбалка отменена, не теряйте ни минуты, заканчивайте все, что у вас еще не доделано по дивизии. Надо быть готовыми ко всему...

- Ясно, товарищ генерал-майор.

- После концерта поезжайте в лагерь. И никаких отлучек!

- Есть!

На душе у меня стало тревожно. Конечно, мы все это время стремились держать подразделения и части в полной боевой готовности, даже артиллерию свою не отправили на окружной сбор. Но все же было неспокойно - ведь корпус находился в стадии формирования.

В 4 часа утра Рокоссовский вызвал к себе меня и моего заместителя по политчасти Я. Н. Григорьева.

- Объявляю боевую тревогу, - сказал он. - Война! Вашей дивизии быть готовой к выступлению в Луцк. Время объявлю дополнительно.

Мы уехали. А вскоре получили приказ командира корпуса в два часа дня начать движение по маршруту Новоград-Волынский - Ровно - Луцк.

Представители штаба и политотдела разъехались по частям и подразделениям, чтобы обеспечить точное выполнение приказа. Я тоже отправился в артполк. На мой призыв быть стойкими в бою, нещадно бить врага воины этой части заверили:

- Будем уничтожать фашистских завоевателей до последнего дыхания.

Все были возмущены вероломством Гитлера и наперебой заявляли:

- Встретим супостатов как надо!..

- Лучше смерть, чем рабство.

- Не подведем, товарищ полковник...

Люди рвались в бой. Нет-нет да и вспоминали о пакте с Германией, но лишь для того, чтобы лишний раз заклеймить позором вероломство немецких империалистов. Варвары двадцатого века напали на нашу Родину, намереваясь молниеносным ударом поставить советский народ на колени. Но сразу же натолкнулись на упорнейшее сопротивление. Воины бились с врагом не на жизнь, а насмерть.

Первым лагерь покинул 489-й мотострелковый полк подполковника Н. Д. Соколова. Колонны шли по одной дороге. Дивизия сразу же растянулась на 25-30 километров. Когда головная часть подошла к Ровно, то хвост соединения еще только-только отрывался от Новоград-Волынского. Это была явная наша

ошибка. Марш к Луцку, конечно же, надо было совершать одновременно по двум дорогам. Тогда мы намного раньше прибыли бы в назначенный район.

В состав дивизии в то время входили два мотострелковых полка на грузовиках, пушечный артиллерийский полк на механической тяге (лошадьми перевозились лишь несколько орудий), танковый полк, укомплектованный машинами БТ-5 и БТ-7, противотанковый и зенитный дивизионы, разведывательный батальон на броневиках и "амфибиях", саперный батальон, батальон связи и ряд других подразделений.

На привале за городом Ровно одна из колонн была обстреляна сброшенным в этот район немецким десантом, укрывшимся в лесу, в пшенице, на чердаках придорожных домов. Вначале некоторые из наших бойцов и командиров приняли автоматчиков за передовой отряд противника. Но потом быстро разобрались, с кем имеют дело. Для уничтожения десантников каждый полк выделил по группе стрелков на автомобиле. Вскоре фашисты были перебиты.

Я тем временем собрал в Ровно командиров частей, указал им на недостатки в организации марша и поставил задачу на возможный встречный бой в районе Луцка.

Пока колонны отдыхали и шла заправка горючим боевых машин, на высвободившемся транспорте мы перебрасывали из Луцка в Новоград-Волынский семьи военнослужащих и беженцев.

Во время привала установили связь со штабом 5-й армии. Генерал-майор Д. С. Писаревский сообщил, что наша дивизия выводится из 9-го мехкорпуса и поступает в непосредственное подчинение командующего 5-й армией генерал-майора М. И. Потапова. Перед нами ставилась задача: к исходу 23 июня выйти на реку Стырь и занять оборону по ее восточному берегу на участке Жидичи, Млинов. Особое внимание обращалось на луцкое направление.

Рокоссовский с двумя танковыми дивизиями остался в районе Ровно.

За первые сутки гитлеровцам удалось преодолеть рубежи, которые удерживались пограничными войсками.

Мы безостановочно двигались навстречу врагу. Противотанковые и зенитные средства были так распределены по колоннам, что каждая из них в случае необходимости могла вести бой самостоятельно. В направлении Луцка я приказал выслать отдельный разведывательный батальон на бронемашинах и танках-"амфибиях". Командовал им энергичный и смелый капитан Костылев. Вслед за разведчиками шел передовой отряд. В его состав входили 1-й батальон 489-го мотострелкового полка,

усиленный артиллерийским дивизионом, ротой танков, и полковая разведрота. Передовой отряд должен был успеть выскочить на западный берег Стыри и обеспечить развертывание главных сил дивизии. А по возможности и поддержать части, находившиеся в Луцке.

На всем пути от Ровно до Стыри нас бомбила немецкая авиация, но урона нам почти не нанесла.

Когда 131-я дивизия подходила к Луцку, там уже шел бой.

Город горел... Малочисленный местный гарнизон оказывал противнику упорное сопротивление, особенно на юго-западной окраине. Наш передовой отряд, переправившись через Стырь, с ходу атаковал подразделение гитлеровцев. Фашистская противотанковая артиллерия подбила несколько наших боевых машин. Неприятель рвался к занятому нами мосту. Намеревался с ходу проскочить его, но был остановлен.

Подошедшие к Луцку основные силы дивизии заняли оборону вдоль восточного берега реки. Танковый полк из-за Стыри поддерживал их огнем с места. Справа от него к реке вышел 743-й, а слева - 489-й мотострелковые полки. Каждый из них был усилен пушечной батареей, двумя зенитными орудиями, ротой танков. Командный пункт дивизии развернулся на опушке леса, в двух километрах восточное моста через Стырь. Там же расположился резерв - 3-й батальон 743-го полка. Огневые позиции артиллерийского полка оборудовали в 2-3 километрах за рекой.

Фронт нашей обороны растянулся почти на 20 километров.

За ночь части и подразделения окопались. Утром 24 июня продолжали укреплять берег и опушку леса. Саперы сооружали противотанковые препятствия, минировали подходы, устраивали завалы. Почти все это делалось на виду у неприятеля: западный берег Стыри господствовал над восточным, и немцы имели возможность далеко просматривать нашу оборону.

В течение минувшей ночи они пытались переправиться через Стырь на участке 743-го мотострелкового полка, но безуспешно. На рассвете их авиация бомбила передний край и тылы соединения. 24 июня дивизия вела бои с танками и пехотой фашистов. Дело доходило до рукопашных схваток.

Наибольшую активность гитлеровцы проявляли в полосе соседнего с нами 27-го стрелкового корпуса и на левом фланге 489-го мотострелкового полка. Особенно сильно они наседали на позиции 2-го батальона, которым командовал капитан Либанидзе. Я находился в это время на наблюдательном пункте 489-го полка и видел, как мужественно дрались бойцы этого подразделения, отбивая одну атаку за другой.

Неприятеля поддерживала авиация. Нескольким мелким его подразделениям удалось форсировать Стырь. Но это не смутило капитана Либанидзе. Он обрушил на преодолевших реку сосредоточенный огонь, прижал к земле, а затем поднял в контратаку 6-ю стрелковую роту и сбросил гитлеровцев в воду.

Не считаясь с потерями, противник упорно продолжал таранить нашу оборону. В боях участвовало большое количество германских танков. У нас тогда не было сильной противотанковой артиллерии. Отбивались полковыми и дивизионными пушками, гранатами и бутылками с горючей смесью. Бойцы и командиры сражались геройски. Раненые не уходили с поля. Пример этому подавали коммунисты и комсомольцы. К вечеру 25 июня неприятелю все же удалось овладеть Луцком. Когда остатки гарнизона отошли на восточный берег Стыри, я приказал взорвать мост. Гитлеровцы наращивали удары. Их свежие танковые части подтягивались с юга.

Мы тоже пополнялись за счет отходящих с запада одиночек и групп. Но это было слабое подкрепление.

26 июня, после боя, который длился без перерыва сутки, я выехал на командный пункт армии, находившийся в роще восточное Лупка. Начальник штаба генерал-майор Писаревский поставил перед нами новую задачу. На правах товарища по академии я спросил его:

- Ну, Дмитрий, скажи честно, как там наши дела?

- Пока неважные. Двадцать седьмой корпус отходит. Твоя дивизия может попасть под фланговый удар, так что срочно свяжись с соседом...

Немедленно еду на правый фланг. У железнодорожного моста встречаю командира 135-й стрелковой дивизии генерал-майора Ф. Н. Смехотворова.

- А где командир корпуса?

- Он скоро будет, - ответил Федор Никандрович.

- Ну что ж, давайте пока без него обсудим наши дела, - предложил я.

Мы проинформировали друг друга о положении соединений.

Когда я узнал, что готовится взрыв железнодорожного моста через реку Стырь, посоветовал повременить с этим.

- На том берегу есть еще наши части. Вот отойдут они - тогда пожалуйста.

Подъехал командир корпуса генерал-майор П. Д. Артеменко. Я передал ему приказ командарма держаться до подхода 31-го корпуса.

- Хорошо, - ответил он. - А то я хотел уже начать отвод соединений. Ведь мы, по существу, уже в тылу противника.

Мы разъехались. Прибыв на свой КП, я немедленно связался с Писаревским и доложил о разговоре с соседями. Он сказал, что тоже беседовал с Артеменко.

Тут телефон внезапно замолчал.

Через некоторое время связь с 27-м корпусом удалось восстановить и по радио и по телефону. А вот со штабом 5-й армии из-за непрерывных бомбежек телефонная линия все время выходила из строя. С левым соседом, 126-й стрелковой дивизией, связь поддерживали через 489-й полк. Это усложняло управление войсками.

Из частей на КП возвратились начальник штаба дивизии подполковник Чернов и комиссар Григорьев. Они доложили, что на участке 489-го полка противнику удалось в нескольких местах форсировать реку и захватить плацдарм.

Некоторые бойцы под натиском превосходящих сил противника начали отходить. Положение становилось критическим. Я распорядился немедленно провести контратаку своим резервом и восстановить положение.

Офицеров штаба и политотдела направил на позиция, чтобы остановили паникеров. Командира танкового полка подполковника Каншина вызвал к себе. Он доложил о готовности резервного танкового батальона к контратаке и пригласил в выделенный мне танк. Я отказался.

- Кто меня увидит в машине?

Взял коня и на нем поскакал в 489-й полк. Побежавших бойцов удалось возвратить назад. Часть перешла в контратаку и отбила утраченные позиции. В этом бою погиб подполковник Каншин. Немцы подожгли командирский танк, и он взорвался. Потеря тяжелая.

Противник вновь предпринимает отчаянные попытки прорвать нашу оборону. Он то на одном, то на другом участке форсирует Стырь. Все чаще приходится нам пускать в ход гранаты и штыки.

Большой урон врагу причинили артиллеристы и минометчики. Они вели массированный огонь по скоплениям гитлеровцев на противоположном берегу, по переправочным средствам.

С утра 28 июня противник нанес бомбовый и артиллерийский удары по нашему переднему краю. Казалось, ничего живого не осталось после этого налета. На стыке 743-го мотострелкового полка и соседней 135-й дивизии противник переправил через Стырь до батальона пехоты и вклинился в нашу оборону. Пришлось снова бросить в бой свой резерв - 3-й батальон 743-го полка с танковой ротой. Контратаку поддержал правый сосед -

135-я дивизия. Совместными действиями мы разбили переправившегося противника и захватили много пленных.

В это же самое время гитлеровцы начали наводить переправы и на стыке 489-го мотострелкового полка со 126-й стрелковой дивизией. Но все их попытки преодолеть Стырь потерпели неудачу. Немцы понесли тяжелые потери. Более 300 солдат и офицеров неприятеля было уничтожено, свыше 200 человек пленено.

Через несколько дней против нас было предпринято что-то вроде "психической" атаки. На окопы посыпались снаряды, которые при падении испускали какие-то дымы. Часть бойцов с возгласами "Газы" начала надевать защитные средства. Некоторые бросились на землю, зажимая рот руками, иные побежали к болоту или реке. Пришлось срочно наводить порядок. После этого случая политотдел дивизии провел в частях массовые беседы о том, как следует вести себя при газовом нападении, о надежности наших противохимических средств.

Оборона в полосе дивизии была восстановлена. Соединение получило приказ стоять насмерть, хотя фашистские войска с юга уже двигались на Ровно и Новоград-Волынский.

В это время под Луцком противник непрерывно штурмовал обороняемый нами рубеж. Несколько раз завязывались рукопашные бои. Вечером при отражении последней атаки погибли командир 6-й роты Адуашвили и командир 2-го мотострелкового батальона Либанидзе. В критический момент они подняли свои подразделения и с гранатами бросились в контратаку на прорвавшихся гитлеровцев.

Восемь дней части дивизии упорно дрались под Луцком.

Потери наши были велики. Однако наступающие понесли еще больший урон. Они лишились свыше 20 танков, 3 бронетранспортеров, 5 броневиков, положили много живой силы. А главное, долго протоптались на одном месте. Это вынужден признать и враг.

В своей книге "История второй мировой войны" немецкий генерал Типпельскирх пишет: "6-я армия продвинулась через реку Стырь. Но там она, как и 1-я танковая группа, подверглась сначала на юге, а затем на севере интенсивным контратакам русских, в которых приняли участие подтянутые свежие танковые силы.

До 3 июля на всем фронте продолжались упорные бои. Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак против вырвавшихся вперед немецких частей".

В первых числах июля войска 5-й армии начали движение к

бывшему укрепленному району Белокоровичи, Новоград-Волынский. 131-я дивизия получила задачу занять оборону по реке Случь. Промежуточный рубеж проходил по Горыни. Штаб 9-го корпуса в это время находился в лесу, в двух километрах от Березно.

Встал вопрос, как выйти из боя. По этому поводу руководство соединения собралось в землянке. Настроение у всех тяжелое, каждому трудно и выговорить слово "отход". Ведь гитлеровцы так и не сбили нас с позиций. Но и на месте сидеть уже больше нельзя было: неприятель к этому времени занял Ровно, отрезав нам путь на восток.

И вот мы с комиссаром выслушиваем мнения собравшихся. Большая надежда на командующего артиллерией дивизии и на танковый полк. Решили создать в полках 1 арьергарды - по одному мотострелковому батальону, усиленному танковой ротой, батареей полковой артиллерии и саперами. Командиру танкового полка было приказано двумя батальонами во взаимодействии с 489-м стрелковым полком прикрывать левый фланг дивизии. Артиллерии - сниматься с огневых позиций подивизионно с таким расчетом, чтобы в любой момент она могла поддержать вступающие в бой подразделения и части. Зенитный дивизион от нападения с воз-дивизион прикрывал соединение Духа.

Расписано все было хорошо. Но обстановка быстро менялась, и в план приходилось то и дело вносить поправки. Вскоре гитлеровцам удалось вбить танковый клин между нашими частями. В результате 489-й полк оказался отрезанным от своих тылов, остался без транспорта. Сутки он вел бой в окружении, без питания и пополнения боеприпасами.

Когда об этом стало известно Рокоссовскому, в подчинении которого мы оказались снова, он приказал пробиться к полку, накормить людей и вывести их в лес восточное реки Горынь. Для выполнения этого задания срочно был сформирован небольшой отряд. Его возглавил комиссар дивизии Григорьев. Группа эта с броневиком и двумя полевыми кухнями ночью прорвалась к подразделениям 489-го полка. К утру окруженные вырвались из ловушки и завяли оборону в пяти километрах восточное реки Горынь.

Действия 489-го полка были поддержаны танками и артиллерией дивизии.

743-й полк в это время во взаимодействии со 135-й стрелковой дивизией вел упорные бои на рубеже по реке Стырь. По просьбе командира этого соединения мы временно объединили свои силы. В одной из схваток ранило командира 743-го полка майора Угорича.

Части отходили обычно ночью. Днем отражали атаки, иногда даже контратаковали, чтобы дать возможность главным силам и тылам уйти за Случь. Отход совершался на машинах и пешим строем. Транспорта не хватало, он сильно пострадал от бомбежек. Шли по трем маршрутам проселками и просеками. Дойдя до Горыни, заняли оборону по ее восточному берегу. Танковый полк расположился в районе Тучина и северо-восточное Ровно.

Южнее нас противник устремился на Новоград-Волынский.

Трое суток мы удерживали рубеж по Горыни и одновременно частью подразделений прокладывали дороги на Емильчино. Местами через болота приходилось делать деревянные настилы.

Имея большое превосходство в живой силе, танках и авиации, неприятель в конце концов потеснил нас к лесному массиву, расположенному севернее шоссе Луцк-Ровно. Несколько подразделений 743-го полка, продолжая держаться на прежних позициях в открытой степи, оказались отрезанными.

Командир части майор И. М. Угорич отдал инструктору по пропаганде политруку Василию Герасимовичу Изгурскому свою легковую машину, выделил двух бойцов и приказал прорваться к соседям.

По проселочной дороге Изгурский направился в сторону Ровно. Проехав километров пять-шесть, "эмка" наткнулась на засаду. Два вражеских танка, замаскировавшись в высокой ржи, нацелились на проходившее поблизости шоссе. Изгурский увидел только затылки гитлеровцев, высунувшихся из открытых люков. Они рассматривали в бинокли лес, в котором находились наши войска.

Изгурский и красноармейцы выскочили из машины и залегли неподалеку от нее. Немцы вскоре заметили легковушку и дали по ней два орудийных выстрела и несколько пулеметных очередей. Это случилось, как потом рассказывал политрук, часов в 12 дня 3 июля. Очевидно решив, что с экипажем автомобиля покончено, неприятельские танкисты успокоились. Переждав некоторое время, бойцы и Изгурский поползли. Передвигались осторожно, удаляясь от опасного места.

Под вечер несколько приотставший Изгурский услышал лязг гусениц. Он приготовился к неравной схватке. Но оказалось, что по ржи шел гусеничный трактор "Комсомолец". Он тащил за собой 76-мм пушку с полным расчетом и зарядный ящик со снарядами. Вслед за артиллеристами показался БА-10. Из бронеавтомобиля вылез лейтенант Комаров. Он сообщил политруку, что примерно час тому назад 743-й мотострелковый полк прорвался через шоссе Луцк-Ровно и соединился с основными силами дивизии. Но отдельным мелким группам, в том числе и Комарову с расчетом,

не удалось вовремя проскочить в пробитую брешь, и теперь вот они блуждают во вражеском тылу.

- Стрелять пока есть чем, а горючее на исходе, - сказал лейтенант.

Обсудив положение, Изгурский и Комаров решили на рассвете 4 июля по ржи и пшенице вплотную подойти К шоссе и, выбрав удобный момент, преодолеть его. Ночь провели в. поде. С восходом солнца двинулись к дороге.

Высланная вперед разведка вскоре доложила, что противника поблизости нет.

Часов в 7 утра небольшой отряд, который возглавил политрук Василий Изгурский, достиг пересечения железнодорожного пути с шоссе. Здесь стояли четыре наших подбитых танка. Комаров и водитель "Комсомольца" быстро осмотрели их, заглянули в баки. Там было горючее. Они слили содержимое в канистры. Изгурский развернул броневик, затем пушку одного из танков в сторону Ровно оттуда мог появиться враг. Орудие зарядили.

Однако немцы появились со стороны Лупка, откуда их меньше всего ожидали. Три легковых автомобиля неслись на большой скорости. Видимо, стоявшие на шоссе наши машины они приняли за свои и потому катили так смело и беспечно.

Изгурский подал команду открыть огонь и первым выстрелил из пистолета, потом бросил две гранаты. Лейтенант Комаров выпустил два снаряда из пушки, а красноармеец Стефанцов хлестнул по ветровым стеклам из ручного пулемета. Головная машина, словно споткнувшись, остановилась. Шедшие сзади чуть не налетели на нее. Все это произошло молниеносно. Гитлеровцы, сообразив, в чем дело, начали разбегаться кто куда. На месте остались лежать два убитых немецких офицера и один раненый. Остальным удалось скрыться во ржи. Удирая, они отстреливались. Одна из пуль задела каску Изгурского.

Преследовать удиравших было некогда. Как выяснилось потом, это ехала штабная группа одного из фашистских авиационных соединений. Раненого полковника подняли, привязали к зарядному ящику. В одну из отбитых легковых машин перетащили чемоданы с документами. Лейтенант Комаров сел за руль "опель-олимпии". Группа во главе с Изгурским съехала на проселочную дорогу, ведущую к лесному массиву. Вскрое они нашли свое соединение. Их встретили замполит полка батальонный комиссар Панков и заместитель командира дивизии по политчасти полковой комиссар Григорьев.

- Вот молодцы! - воскликнул Панков. - А то тут уже пошел слух, будто вы погибли.

Захваченные документы и показания пленного оказались

очень кстати.

О действиях группы Изгурского сообщило Совивформбюро.

Чтобы закончить рассказ о политруке Василии Изгурском, забегу несколько вперед. В одном из боев он был ранен осколком мины. Оказавшийся неподалеку от него капитан Броварец перевязал Изгурского и отправил в медсанбат. Оттуда он впоследствии был эвакуирован в харьковский госпиталь. В конце июля политрук вернулся в свой полк.

В августе в междуречье Днепра и Десны Изгурский снова попал под мину. Окровавленного, его подобрал у ставший теперь комиссаром полка Панков. Он помог политруку добраться до грузовика, который привозил снаряды. Изгурский был эвакуирован в Майкоп. Там он пролежал до декабря 1941 года. После выздоровления его направили в Москву и вскоре назначили комиссаром 728-го стрелкового полка 175-й стрелковой дивизии. В дальнейшем судьба Изгурского сложились так: он участвовал в боях под Харьковом, в битве на Волге, учился на Высших курсах политсостава при Военно-политической академии имени В. И. Ленина, воевал на Калининском и 1-м Прибалтийском фронтах, дошел до Кенигсберга. Сейчас Василий Герасимович на пенсии.

Проверяя, как идут работы по пробивке путей, я завернул к дорожной будке у моста через Горынь. Один из находившихся возле нее бойцов доложил:

- Товарищ полковник, вас какой-то генерал спрашивал.

- Где он?

- Там, - махнул рукой солдат на небольшое строение. Иду, открываю дверь и вижу Рокоссовского. Я обрадовался и растерялся. Мы обнялись, расцеловались.

- Ну рассказывайте, как дела, - потребовал Константин Константинович.

Я доложил обстановку.

У города Луцка мы отбили все атаки врага. Держались до первых чисел июля. Могли бы еще постоять, но получили приказ отойти.

Раскрываю планшетку, показываю по карте, куда направляемся.

- Это мне все известно... Дайте указания, что делать частям. Тылы отведите за Горынь. Обращаю ваше внимание на возможность наступления противника со стороны Ровно. Примите меры...

Отдав неотложные распоряжения, я вместе с Рокоссовским отправился на его командный пункт. КП комкора состоял из трех небольших палаток, развернутой рации, полевого телеграфа,

землянки и нескольких щелей.

- Прими-ка сначала душ, - предложил Константин Константинович. - Вон как пропылился...

Я с удовольствием воспользовался его любезностью. После обеда приступили к работе. Рокоссовский подробно расспросил о состоянии дивизии, потерях. Очень сокрушался, что командир танкового полка Каншин сгорел в танке.

Мы говорили о том, что у нас пока еще маловато техники, не видать что-то авиации, потому немцы и бьют нас с воздуха безнаказанно. Но люди держатся хорошо. Только очень большая потеря командного состава...

Я рассказал Константину Константиновичу о пленении в районе Лупка гитлеровского полковника разведывательной службы и о том, что мы узнали от него много весьма интересных и важных сведений. Особенно ценной оказалась захваченная оперативная карта с планом наступления на киевском направлении.

Обсудив интересовавшие нас вопросы, мы собрались в части. Перед отъездом Рокоссовский дал указание начальнику штаба корпуса помочь 131-й дивизия в организации обороны и постройке дороги Березно-Емидьчино. Соединение вышло на реку Случь. 743-й полк, в командование которым вступил капитан Костылев, занял оборону от Чижовки до Барышей, 489-й оседлал дороги, идущие из Новоград-Волынского на Житомир.

Под Новоград-Волынским шли ожесточенные бои. Город почти беспрерывно бомбила немецкая авиация. Во многих местах бушевали пожары, густой дым застилал небо.

На этом рубеже нам удалось продержаться три дня. Части сражались самоотверженно. Однако противник значительно превосходил нас в силе.

Здесь мы получили пополнение - из военкоматов прибыли мобилизованные командиры, политработники, бойцы. Это повысило настроение личного состава. Штаб корпуса наладил четкое управление соединениями, и мы почувствовали себя организованной силой, способной решать серьезные задачи. В эти трудные дни мы делали все возможное, чтобы остановить врага, сорвать его наступление на Киев.

На участке 489-го стрелкового полка неприятель пытался с ходу проскочить на Житомир, но был остановлен. Тогда он стал накапливать силы. На той стороне у нас уже никого не было, мы не знали, какое количество танков, артиллерии, пехоты сосредоточили гитлеровцы. Решили послать туда группу смельчаков, чтобы они хотя бы приблизительно определили силы противника. Возглавил добровольцев политрук 4-й роты Сабуров.

На бронемашине он направился с ними к мосту через реку Случь, проскочил по нему на противоположный берег. Через некоторое время там поднялась стрельба. Большинство немцев почему-то устремились к переправе. По ним прямой наводкой ударила наша артиллерия. Пропустив возвращающуюся группу Сабурова, командир взвода 6-й роты младший лейтенант Сидоренко подорвал мост. На той стороне Случи скопилось много неприятельских подразделений. Если бы в это время подоспела авиация, то враг понес бы огромные потери. Но в небе не оказалось ни одного самолета.

Противнику вскоре удалось преодолеть речку вброд. Около 60 его танков вырвались на Житомирское шоссе.

В течение нескольких дней гитлеровцы упорно пытались выбить нас отсюда. Дорога не раз переходила из рук в руки. Немцы несли большие потери, но, несмотря на это, продолжали беспрерывно атаковать позиции 489-го полка, подбрасывая "а этот участок свежие силы. Их автоколонна неожиданно появилась в близлежащем лесу, нависая над левым флангом 2-го батальона. Комбат выслал разведку, а вслед за ней 4-ю и 6-ю роты под общей командой младшего лейтенанта Алексея Перковского. Они ударили по колонне с двух сторон. Завязалась рукопашная схватка. Не выдержав ее, неприятель бежал, бросив 12 автомашин с продовольствием и снаряжением. Был захвачен также генеральский автомобиль.

Ночью батальон сменился и ушел на отдых в сад, расположенный в двух километрах от шоссе. Не успели еще бойцы привести себя в порядок, как послышался гул мотора. Наблюдатели доложили, что прямо на них движется танк. В саду находились штаб части и полковое Знамя. Замполиту батальона Гамолину было приказано выслать навстречу вражеской машине двух гранатометчиков. Вместе с бойцами пошел и Гамолин. Два комсомольца и коммунист спокойно подпустили танк на расстояние броска гранаты и уничтожили его.

Я с радостью наблюдал, как день ото дня все увереннее действовали наши бойцы и командиры, как быстро приноравливались к тактике врага. Их не страшили теперь ни танки, ни клинья и окружения. Воины дрались храбро, все чаще проявляя выдержку, находчивость, инициативу, взаимную выручку. Вот лишь несколько небольших эпизодов, которые мне запомнились с того времени.

Однажды группа красноармейцев во главе с сержантом Сафоновым во время контратаки ворвалась на огневые позиции вражеской батареи. Захватив два орудия, воины быстро развернули их и открыли огонь по гитлеровцам. Этот

неожиданный и решительный удар очень помог нашим стрелкам. Они наконец сломили сопротивление неприятеля и восстановили положение. Примерно так же поступили в другой раз минометчики во главе с Савченко. Они отбили три автомашины с минами и минометами. Савченко и его товарищи тут же освоили немецкую технику и повернули ее против фашистов. Пленных Савченко заставил подносить боеприпасы.

Разведчик старший сержант Завьялов отличился тем, что вышел победителем из поединка с танком и группой автоматчиков. Когда машина направилась на его окоп, он меткими очередями расстрелял сидевший на броне десант, а затем, вскочив на стальную крепость, гранатами уничтожил экипаж.

Несколько позже бойцы совершили подвиг, спасая комиссара 2-го батальона. Было это так. Подразделение находилось в обороне. Оно отбило уже четыре атаки. Однако противник лез снова. Он пустил в ход танки. Гамолин находился в роте, которой было все труднее. Он участвовал в бою вместе со всеми. Воины держались стойко, но их ряды быстро таяли. Тяжелое ранение получил и Гамолин. Остатки роты были потеснены. Оставшемуся среди убитых замполиту грозил плен. На мгновенье он пришел в себя и подал голос. Бойцы, увидя, что Гамолин жив, но в опасности, поспешили на выручку. На большой скорости к Гамолину устремилась полуторка. Под обстрелом из кабины выскочил высокий боец, подхватил раненого на руки и уложил в кузов. Затем, встав на крыло, начал отстреливаться. Шофер дал газ и буквально сквозь немцев пробился к лесу.

Вражеские пули дважды задели водителя, одна попала в его товарища. Несмотря на это, они благополучно доставили политработника в медсанбат.

Отходила дивизия организованно. Неприятеля сдерживали стрелковый батальон 743-го полка и танковый батальон.

По построенной через болота дороге на Емильчино двигались штаб корпуса, дивизионные тылы, за ними строевые части.

Прибыв на новое место, Рокоссовский вызвал меня на свой КП и приказал:

- Прикройте дорогу на Коростень со стороны Шепетовки. В последующем дивизии выйти в район Броники и оседлать шоссе Новоград-Волынский - Киев.

Задачу частям я поставил, когда они еще находились на марше. 12 июля соединение заняло указанный рубеж обороны. 743-й полк расположился в районе Чижовки, седлая дорогу Шепетовка - Коростень. Один его батальон, бывший в арьергарде, я взял в свой резерв. 489-й полк перехватил дорогу Новоград-

Волынский - Житомир. Обе части были усилены артиллерией и танками. Сплошного фронта в это время не было. На наиболее важных направлениях создавались узлы сопротивления. Поэтому, чтобы легче было маневрировать, значительные силы я держал в резерве. Кроме стрелкового, у меня были еще два танковых, разведывательный, саперный батальоны и другие дивизионные подразделения.

Бои в районе Броники, Чижовка мало походили на первые. Теперь у нас был какой-то опыт. Командиры спокойнее реагировали на изменение обстановки, лучше управляли частями и подразделениями.

Запомнился, например, такой случай. На командный пункт дивизии, расположенный в деревне Бараши, приехал Рокоссовский. Его интересовало, как идут дела на левом фланге. Я доложил, что там развернулись упорные бои на дороге Новоград-Волынский - Житомир. Константин Константинович захотел побывать там.

Мы отправились в сторону Броннков я вскоре оказались на передовой. Командир 489-го полка подполковник Н. Д. Соколов доложил, что с утра часть была атакована вражескими танками. 1-й батальон отошел в лес на 1-2 километра. Противник не стал его преследовать, а двинулся по шоссе на Курное. Пропустив его, 1-й батальон снова занял свои позиции.

Командир корпуса и я остались на КП части. Во второй половине дня гитлеровцы, подтянув до полка пехоты, артиллерию и сорок танков, предприняли новый натиск на нашу оборону. После упорного боя они овладели дорогой Новоград-Волынский-Житомир. 489-й полк с приданными ему подразделениями вынужден был отойти на опушку леса, в трех километрах восточное Броников.

По указанию Рокоссовского я ввел в действие весь свой резерв.

После короткого артналета наши подразделения перешли в контратаку. Командиры и политработники, воодушевляя бойцов, подавали пример бесстрашия и отваги. На правом фланге врага удалось опрокинуть, и он отступил к Курному. К исходу дня положение было восстановлено.

Осматривая поле боя, я насчитал полтора десятка сожженных и подбитых танков. Всюду виднелись трупы фашистов. Сто пятьдесят немцев попали в плен.

У нас выбыло из строя свыше пятидесяти человек. В этом бою получили ранения командир 489-го полка Н. Д. Соколов и комиссар М. С. Кудрявцев.

По приказу командующего 5-й армией генерал-майора

танковых войск Михаила Ивановича Потапова 131-я стрелковая дивизия начала отход в район Коростеня. Мы выводились в резерв командира корпуса.

За решительные действия во встречных и оборонительных боях, нанесение противнику большого урона, сохранение людей и техники многие командиры и политработники 131-й стрелковой дивизии удостоились правительственных наград. В том числе орденом Красного Знамени были отмечены военный комиссар соединения Я. Н. Григорьев и я.

20 июля 1941 года я вступил в командование 31-м стрелковым корпусом вместо выбывшего из строя по ранению генерал-майора А.И. Лопатина. Не без грусти прощался я с личным составом дивизии, со своими ближайшими боевыми товарищами. С особой теплотой и благодарностью я пожимал руки военкома дивизии полкового комиссара Я. Н. Григорьева, своего заместителя полковника П. И. Морозова, командира 489-го стрелкового полка подполковника Н. Д. Соколова и его военкома батальонного комиссара М. С. Кудрявцева, командира 743-го стрелкового полка майора И. М. Угорича и батальонного комиссара А. С. Панкова, начальника политик отдела дивизии старшего батальонного комиссара А.Г. Скряго.

Командиром 131-й стрелковой дивизии стал полковник Павел Иванович Морозов. Сдав ему дела, я отправился в деревню Андрееве, где тогда размещались управление и штаб 31-го стрелкового корпуса. В этот корпус входили стрелковые дивизии: 193-я под командованием полковника А. К. Берестова, 195-я генерал-майора В. Н. Несмелова и 200-я - полковника И. И. Людникова. Затем ему были подчинены 224-я механизированная, 131, 138 и 228-я стрелковые дивизии и части усиления. Все эти соединения и части были измотаны в боях. Они не насчитывали и половины штатного состава, а техники - и того меньше. Комиссаром корпуса был бригадный комиссар Иванченко, начальником штаба - полковник Боярский, начальником артиллерии - полковник Кушнир.

Только-только успел я войти в курс дела, познакомиться с соединениями и частями, как 26 июля на наблюдательный пункт корпуса, расположенный в доме лесника, недалеко от Емильчино, прибыли секретарь ЦК КП Украины З.Т. Сердюк и секретарь Житомирского обкома партии. Я доложил им обстановку, рассказал о состоянии войск, стоящей перед нами задаче. Гости побывали в некоторых частях.

Перед отъездом Сердюк сказал:

- К вам идет пополнение из Киева. Две роты комсомольцев. Народ отборный.

- Вот за это спасибо, - ответил я. - Люди, да еще такие, нам всегда нужны.

Ребят мы встретили тепло, побеседовали с ними о положении на нашем участке фронта, боевых традициях соединения, рассказали о воинах-героях. Затем накормили, вооружили и после короткого отдыха направили их в Емильчинский укрепрайон.

Первый для них день прошел мирно, если не считать бомбежки. На вторые сутки комсомольские роты атаковала вражеская пехота. Ребята не растерялись. Они подпустили гитлеровцев на близкое расстояние и открыли по ним шквальный пулеметно-ружейный огонь. Минометчики поддержали молодых воинов, отрезав подразделению противника путь к отходу, и оно было начисто уничтожено. Так состоялось боевое крещение киевских комсомольцев.

В начале августа немецко-фашистские войска уже вели бои на западной окраине Киева, стремясь пробиться к Днепру. Чтобы отвлечь неприятельские резервы от Киева, нам было приказано овладеть рубежом Чижовка - Ивановка, а в дальнейшем освободить город Новоград-Волынский и отрезать немецкие войска, прорвавшиеся к украинской столице. Учитывая обстановку, я пришел к выводу, что эту задачу можно решить силами трех-четырех дивизий. Основная роль отводилась 193-й и 195-и стрелковым дивизиям. Они должны были наступать в первом эшелоне, 200-я - во втором, а 131-я и 228-я дивизии, занимая оборону северо-западнее и южнее Коростеня и Белокоровичей, обеспечивали действия ударной группы.

На командный пункт корпуса прибыл член Военного совета Юго-Западного фронта М. А. Бурмистенко. Собрав командиров и комиссаров соединений и отдельных частей, он разъяснил, какое значение фронтовое командование придает предстоящему удару, посоветовал, как лучше его подготовить.

Бурмистенко обстоятельно информировал нас также и о нависшей опасности над столицей Украины.

- Военный совет фронта, - сказал он, - требует от вас смелых и решительных действий. Вы, товарищи, можете во многом улучшить положение украинской столицы, отрезав группу противника, прорвавшуюся на Киев.

Мы заверили члена Военного совета, что приложим все силы, чтобы выполнить поставленную перед нами задачу.

Ночью войска заняли исходное положение, а с рассветом пошли в наступление. Все работники штаба и политотдела корпуса разъехались по частям.

- Ну а я, товарищ Калинин, с вами - сказал мне Бурмистенко. - В случае осложнений будем вдвоем принимать решения.

И мы направились к Барашам. Село это расположено северо-восточное Новоград-Волынского.

Прибытие члена Военного совета фронта в момент наступления в войска воодушевило бойцов и командиров. Бурмистенко, уже немолодой человек, но еще полный энергии, в первые часы находился на наблюдательном пункте 193-й дивизии и внимательно следил за ходом боя.

Противник оказывал упорное сопротивление. Его сильный артиллерийский огонь мешал продвижению наступающих. Через некоторое время появилась и вражеская авиация.

- Эх, нам бы сейчас побольше самолетов и танков, - высказал пожелание Бурмистенко, продолжая смотреть в бинокль. - Но наши - молодцы. Вон как пошли!..

Однако вскоре со стороны Чижовки немцы нанесли ответный удар. Появилась угроза срыва выполнения задачи. Посоветовавшись с Бурмистенко, я ввел в бой второй эшелон - 200-ю стрелковую дивизию полковника Ивана Ильича Людникова.

- Пойдемте и мы вперед, - предложил член Военного совета фронта, - если что... будем подымать людей в атаку.

Мы двинулись вместе с 200-й дивизией. Вокруг все чаще стали рваться снаряды. Когда дошли до хутора перед Чижовкой, я предложил Бурмистенко расположиться в перелеске.

- Отсюда будет хорошо видно.., Он согласился:

- Да, место, кажется, удобное.

Я приказал развернуть рацию. Установили связь с дивизиями, стали наблюдать за боем. К вечеру Чижовка и Ивановка были отбиты у немцев. 195-я стрелковая дивизия подошла к Броникам и оседлала дорогу Новоград-Волынский - Житомир. Но вот овладеть Новоград-Волынским не удалось. Противник предпринял попытку отрезать нас от Киева, и боевая задача нам была изменена. 2 августа корпус получил приказ отойти на Коростень, занять укрепленный район и отсечные позиции между Барашами и Радомышлем. Здесь мы расположились вместе с 19-м мехкорпусом генерал-майора Н. В. Фекленко. Сразу же развернули работы по укреплению рубежа. Особое внимание уделили сооружению противотанковых препятствий и установке минных полей.

Штаб корпуса переместился в лес рядом с перекрестком дорог юго-восточнее Лугины. Соединения занимали оборону по фронту до 60 километров. Все дивизии располагались в линию от Белокоровичей до Турчинки. В резерве у меня оставались лишь один стрелковый полк и две понесшие большие потери танковые бригады. Не густо, но воевать с такими силами можно было.

Однако вскоре от нас ушел 19-й мехкорпус. Затем в

распоряжение командующего 5-й армией убыла 200-я стрелковая дивизия. Сдерживать натиск противника с каждым днем становилось все труднее. Бойцы и командиры сражались самоотверженно. За стойкость и мужество, проявленные в этих боях, армейское командование объявило личному составу корпуса благодарность. А мне 6 августа было присвоено звание генерал-майора.

Несмотря на большие потери, неприятель бросал в бой все новые и новые части. Во второй половине августа гитлеровцы прорвались к Гомелю. Одновременно они усилили натиск с юга с целью отрезать нас от Днепра. Создалась реальная угроза окружения. Командующий 5,-й армией генерал М. И. Потапов приказал нам оставить Коростеньский укрепленный район.

Покидая его, мы подорвали все важные в военном отношении объекты - почту, телеграф, железнодорожную станцию, командные пункты. Прикрываясь сильными арьергардами, пошли по двум дорогам. Враг неотступно преследовал. Особенно досаждала его авиация. Все же нам удалось оторваться от его мотопехоты и танков и по железнодорожному и понтонному мостам переправиться через Припять.

К 25 августа мы должны были занять оборону по левому берегу Днепра.

Здесь 31-му корпусу вновь были подчинены 200-я и 45-я стрелковые дивизии. Они занимали оборону в 15 - 18 километрах западнее Чернигова, на рубеже Любеч - Губичи - Мнево. А 131-ю стрелковую дивизию придали армейской группе Ф. Я. Костенко.

Штаб наш расположился в деревне Видемцы. Вскоре командующий 5-й армией вызвал меня на западный берег Десны и поставил задачу: прикрыть левый фланг 21-й армии, отходящей за реку.

- Поможет вам в этом пятнадцатый стрелковый корпус, находящийся в районе Олишевки.

Генерал-майор М. И. Потапов проинформировал меня, что немцы форсировали Десну юго-восточнее Чернигова. Одновременно с этим силами 6-й армии с левобережного плацдарма, севернее Киева, они попытались развить наступление на Чернигов и окружить нас между Днепром и Десной. Над нашим корпусом нависла угроза окружения.

Возвратясь к себе, я отдал приказ дивизиям на отход за Десну.

Для переправы соединений и частей были срочно наведены два моста, а также использованы корабли Днепровской речной флотилии. Прикрывала отход 195-я дивизия, усиленная танками и артиллерией. Она с трудом сдерживала натиск превосходящих

сил противника. Бои не утихали ни днем ни ночью.

К 5 сентября гитлеровцы пробились к Десне в районе восточное Чернигова. Однако все их попытки преодолеть реку были сорваны. Фронт нашей обороны изогнулся подковой. Отбивать вражеские атаки становилось все трудней. Соединения несли значительные потери, быстро таяли боеприпасы, особенно снаряды. Начальник артиллерии корпуса полковник Кушнир предпринимал невероятные усилия, чтобы пополнить боезапасы. Переправляться через Десну приходилось под непрерывным огнем неприятеля. За ночь с помощью моряков на левый берег удалось перебросить 193-ю и 200-ю дивизии, некоторые армейские и корпусные части, два дивизиона РС.

Последней к реке подошла 195-я стрелковая дивизия. Командир ее генерал-майор Виталий Николаевич Несмелов и комиссар Иван Власович Кузнецов делали все возможное, чтобы спасти части. Переправы уже были выведены из. строя, и подразделениям пришлось преодолевать Десну на подручных средствах.

Враг висел буквально на плечах. Арьергарды вели ожесточенные бои. Здесь, у Десны, был тяжело ранен генерал Несмелов. Бойцы вынесли его из-под огня на руках и с медсестрой отправили в госпиталь.

На восточном берегу реки наши войска приступили к оборудованию нового рубежа. Я поехал в 15-й корпус, чтобы наладить с ним взаимодействие. Но командир его ошарашил меня сообщением:

- А мы получили распоряжение штаба фронта отходить на Нежин...

Наш корпус остался на Десне один. Держались мы там до 11 сентября. В корпусе насчитывалось всего около 2500 активных бойцов. Артиллерия почти совсем осталась без боеприпасов, танки и тягачи - без горючего. Сплошной линии обороны к этому времени уже не было, и противник зашел нам в тыл.

Связь со штабом 5-й армии прервалась. Попытки восстановить ее успеха не имели.

Я принял решение идти через Козелец в сторону Пирятина. В деревне Смотрики провел совещание с командирами дивизий и отдельных частей. Они доложили, что люди изнурены, уцелевшая техника требует ремонта.

Обстановка сложилась крайне тяжелая. Весь Юго-Западный фронт фактически попал в окружение. Командующий фронтом генерал-полковник М П. Кирпонос отходил с 21-й армией. Мы направились к Пирятину, чтобы соединиться с правым соседом на восточном берегу реки Удай. Ожесточенные удары вражеской

авиации расстраивали наши порядки. В частях полностью иссякли боеприпасы, отбиваться от наседающего неприятеля стало нечем. Мы. несли большие потери. Связи не было даже с дивизиями.

16 сентября полковник Кушнир вынужден был отдать распоряжение уничтожить всю материальную часть корпусного артполка, оставшегося без снарядов и горючего. Артиллеристы отражали вражеские атаки, как пехотинцы, - вступали в рукопашные схватки. Во время одной из них погиб полковник Кушнир.

Когда штаб корпуса прибыл в Пирятин, город уже горел. Противник усиленно бомбил единственный пока еще целый мост через Удай.

Переправившись на восточный берег реки, мы встретили в ближайшем селе офицеров штаба Юго-Западного фронта. Через генерал-майора И. Х. Баграмяна (ныне Маршала Советского Союза) я получил приказ генерал-полковника М. П. Кирпоноса из разрозненных групп сформировать боеспособные части и прикрыть ими отход 21-й армии.

Уничтожив оставшиеся без горючего штабные машины, мы пешком начали выбираться из мелехского кольца. В районе села Чернухи отыскали КП дивизии полковника В. Г. Чернова.

С утра следующего дня из остатков соединений начали комплектовать батальоны и полки. Оборону они заняли в основном у дорог.

Ночью в Чернухи прибыли командующий 5-й армией М. И. Потапов, начальник штаба Д. С. Писаревский и член Военного совета М. С. Никишин. Они только что вырвались из немецких клещей. Не задерживаясь у нас, армейское руководство на грузовике выехало в село Лохвица, где находился генерал-полковник М. П. Кирпонос. Наспех скомплектованные нами части и подразделения вместе с остатками дивизии полковника Чернова удерживали рубеж, проходивший через Чернухи, до 18 сентября. Затем под давлением противника начали пятиться к Городищу.

В северной части этого села нам встретился кавалерийский полк НКВД. Он стоял здесь на позициях. С его помощью дивизии Чернова удалось на какое-то время остановить противника,

В Городище теперь располагались штаб фронта и штаб 5-й армии. Я доложил Кирпоносу, что положение наше катастрофическое.

- Мы окружены, - сообщил я и высказался за то, чтобы переместить фронтовой командный пункт в другое место.

Кирпонос вопросительно посмотрел на своего начальника штаба. У того сведения были несколько иные. Тогда я попросил

Михаила Петровича послать со мной кого-нибудь, чтобы вместе уточнить обстановку.

Командующий выделил для этой миссии заместителя начальника тыла фронта генерал-майора Александра Ивановича Ковалева и одного из офицеров оперативного отдела. Сели в "пикап", поехали. Когда вернулись, доложили М. П. Кирпоносу, что действительно находимся в окружении. Он решил перевести фронтовой управленческий аппарат в село Вороньки. Там же находился и штаб 5-й армии.

Генерал-полковник Кирпонос приказал всему личному составу, находящемуся здесь, вооружиться автоматами, винтовками, пулеметами и гранатами и в ночь на 19 сентября пробиваться к Воронькам (5-8 километров северо-западнее Городища). Туда из-под Городища отошли остатки нашего корпуса.

В Вороньках состоялся Военный совет фронта. Присутствовавшие на нем командарм Пятой М. И. Потапов и начальник штаба Д. С. Писаревский сказали мне, что принято решение о выходе из окружения мелкими группами. Я должен был идти со штабами корпуса и дивизии по маршруту Жданы - Сенчаны - Хорошки. Выйдя к Суде, занять на восточном ее берегу оборону.

Под утро противник атаковал Вороньки. Завязался ожесточенный бой. Штаб фронта переместился в рощу восточное села. Оборонявшиеся в Вороньках подразделения были не в силах сдержать натиск гитлеровцев и ушли из селения в разных направлениях. Управление 31-го корпуса отходило с одним из них и утром 20 сентября подошло к Жданам. Через этот населенный пункт проходили и сохранившие боеспособность части, и разрозненные мелкие группы, и даже одиночки. Я решил организовать в этом районе хотя бы временную оборону. На перекрестках дорог были расставлены штабные офицеры. Они останавливали всех проходивших через Жданы, формировали из них команды, ставили задачи. Вскоре от командующего к нам прибыли три генерала и несколько полковников. Они стали энергично нам помогать.

Вместе со штабными подразделениями управление корпуса расположилось в большом котловане, в трех километрах южнее Ждан. Я запретил кому бы то ни было выходить из него, потребовал от всех ничем не выдавать себя противнику. Танки и пехота гитлеровцев были совсем рядом. Наши наблюдатели видели, как они жгли занятое село, кричали: "Рус, выходи!" Мы выжидали. С наступлением темноты они ушли дальше. Все, кто находился в котловане, перебрались в ближайшую рощу, а затем

пешим порядком двинулись на Хрисановку.

Утром 21 сентября расположились в лесу восточное Хрисанрвки. Сюда прибыл представитель командующего фронтом и передал нам приказ пробиваться из окружения в направлении на Зеньков.

Переночевать решили в Хрисановке. В дома не заходили, устроились в сараях, в скирдах, под навесами. С рассветом послал группу бойцов в колхоз с просьбой накормить нас. Колхозники приготовили обед, принесли его в ведрах, дали продуктов на дорогу. Утром 22 сентября нас атаковали неприятельские танки. Мы скрылись от них в лесу. Шли на Черевки.

В одной из рощ наткнулись на трупы красноармейцев. Их было много. Женщина, полоскавшая в Короле белье, предупредила нас:

- Не ходите в село, там немцы. Идите направо...

- Откуда здесь столько убитых? - спросил я.

- Фашисты лес прочесывали, - ответила молодка.

- А где тут можно перейти реку?

Женщина показала. Мы переправились, нашли проводника. Камышами он вывел нас к северо-восточной окраине села Черевки. Там передохнули, поели. Затем направились к Савинцам. На рассвете 24 сентября услышали стрельбу артиллерийских батарей с восточного берега реки Псел. Выслали разведку. Она установила, что мы находимся в расположении 3-й кавалерийской дивизии генерал-майора М. Ф. Малеева.

Как я потом узнал, разведчики сообщили конникам, что из окружения выходит управление 31-го стрелкового корпуса во главе с генералом Калининым.

- Он, случаем, не из кавалеристов? - спросил командир одного из эскадронов.

- Да, - подтвердили разведчики, - он рассказывал, что служил у Котовского.

- Так мы же с ним вместе были в шестнадцатом кавполку!

Кавалерист подозвал коновода и распорядился:

- Возьми моего коня и отведи генералу...

Я до слез обрадовался встрече со старым товарищем. Мы крепко обнялись.

- Дорогой мой, - говорил я при этом, - вот как нам пришлось повстречаться...

Затем всех нас принял командир дивизии. Он расспросил о наших злоключениях, поздравил с выходом из окружения и распорядился накормить. После краткого отдыха мы на грузовых машинах поехали в Харьков. Там прошли проверку и были направлены в резерв.

Здесь мне удалось кое-что узнать о выходе из окружения штаба Юго-Западного фронта. Многие генералы и офицеры из его состава погибли. Эту участь разделили и генерал-полковник М. П. Кирпонос и мой старый сослуживец по коннице генерал-майор Д. С. Писаревский.

Заканчивался сентябрь, надвигалась глубокая осень. Обстановка на фронте продолжала оставаться крайне напряженной. Я находился в распоряжении главкома Юго-Западного направления и каждый день ждал вызова. Хотелось поскорее снова отправиться на передовую. Но время шло, а назначения все не было.

Правда, совсем без дела сидеть не приходилось. Из прибывающих кавалерийских частей и соединений мне и полковому комиссару Быстрову было поручено сформировать конную группу. Этим мы и занимались с утра до ночи.

Среди старых кавалеристов попадались знакомые. Особенно обрадовался, когда узнал, что к нам идет дивизия полковника Андрея Антоновича Гречко. Я выехал навстречу. После большого марша соединение остановилось в каком-то селе. Бойцы мыли лошадей, готовились к ночлегу. И люди и конский состав основательно выбились из сил. Главком направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко предоставил им две недели на отдых и поправку.

Андрея Антоновича я застал в штабе. Он давал указания командирам о размещении частей, приведении их в порядок.

Мы с Гречко вместе учились в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Последний раз виделись лет пять тому назад. Само собой, начались взаимные расспросы. За чаем переговорили о многом. Вспомнили былое, погоревали о семьях. Я о своих ничего не знал: куда вывезены, живы ли...

Обсуждали положение на фронте, оценивали первые бои.

В заключение беседы Андрей Антонович проинформировал меня о состоянии дивизии. В некоторых подразделениях я уже успел побывать и кое-какое представление о кавалеристах имел. Под вечер мы расстались. Я уехал в штаб главкома. И так случилось, что до конца войны мы с Андреем Антоновичем больше не встретились. Гречко ушел с кавалерийской группой, а я вскоре был назначен заместителем командующего 40-й армией по тылу. Войска армии в это время отходили в район Белгород - Обоянь.

Свою деятельность в новой должности я начал с того, что вместе с секретарем Солнцевского райкома партии организовал эвакуацию местных органов власти.

А вот хлеб не на чей было вывозить. Элеватор на станции

Солнцево ломился от зерна, а у нас - ни вагонов, ни машин. Решили частично припрятать для партизан, отряды которых начали формироваться, остальное роздали жителям. Все, что не смогли распределить и укрыть, сожгли.

4 ноября поехал в Старый Оскол, где размещался штаб армии. Командующий приказал мне связаться с секретарем Курского обкома партии и договориться о порядке празднования 24-й годовщины Октября.

Торжественное собрание было проведено в городском кинотеатре, уже под бомбежкой...

Положение наших войск оставалось критическим. Я обратился к главкому Юго-Западного направления с просьбой назначить меня на командную должность.

В первых числах января 1942 года из штаба фронта пришел наконец вызов, и я немедленно отправился в Воронеж.

- Поедете, - сказал мне Семен Константинович Тимошенко, - заместителем командира шестого кавалерийского корпуса.

Штаб соединения находился недалеко от города Купянска.

Во второй половине января корпус готовился к наступлению. Две кавалерийские дивизии во взаимодействии с танковой бригадой должны были выйти в район Балаклеи, в дальнейшем двигаться на Красноград. Однако этому плану не суждено было осуществиться. Маломощные наши танки застряли в снегу, конница подверглась жестокой бомбежке. Бой пришлось вести в пешем строю с малым количеством артиллерии. Все же за несколько дней мы выбили противника из Красноград. Дальше продвинуться не удалось, и корпус перешел к обороне.

Тут со мной случилось несчастье: начался тяжелый приступ старой болезни. Оказавшийся в соединении инспектор Юго-Западного фронта генерал-майор Бобкин на своем самолете доставил меня в Воронеж.

Госпиталь... Как томительно тянутся здесь дни. О чем только не передумаешь, часами глядя в потолок, о чем не переговоришь с соседями по палате!.. Раненые охотно рассказывают о боях, в которых участвовали, о родных краях, довоенной жизни.

- А что же вы, Николай Васильевич, отмалчиваетесь? - обратился как-то ко мне сосед по койке. - По-моему, у вас тоже есть кое-что за плечами...

- Потому и помалкиваю, что, если заведусь, не остановите, - отшутился я.

А перед мысленным взором уже поплыли видения давно минувшего...

Путешествие в молодость

Вспомнилось детство. Впечатления этой поры самые яркие. Они отложились в сознании прочно, как следы на камне. Перед мысленным взором четко вставали одна картина за другой. Вот глухая ярославская деревенька Комарове, где я родился, маленькая, всего в одну улицу. Опоясывает Комарове мелководная Чернуха, теряющаяся в заросших травой болотах. Впритык к деревне - лоскутные наделы крестьян. А за рекой, сколько хватал глаз, - графская земля.

Рос я, как и все наши деревенские ребятишки, в нужде и голоде. До шести лет бегал без порток, зиму просиживал на печке, а как приходила весна, вырывался на волю и до темна пропадал на улице, у реки.

В шесть лет мать сочла, что одной рубашки, хотя она и длинная, уже мало. Вынула из сундука кусок полотна домашнего тканья и сказала:

- Выкрою тебе портки. Но ты смотри береги их. Изорвешь - других не будет.

Через день посконные штаны были готовы. Шились они на вырост. Запас аккуратно подрублен. На пояске красовалась пуговица. Через плечо наискось перекинута подтяжка.

Я важно пошел по деревне, показывая обнову. Совсем как взрослый.

Возле колодца сидели мои друзья. Они копали ямки и месили в них грязь, лепили "пироги" и пекли их на солнце. Увидев меня, удивленно разинули рты. Штаны рассматривали долго, с завистью. Наконец Митька Кован, ровесник мой, первый пришел в себя и пробормотал:

- А мне мамка тоже скоро такие сошьет...

Я направился к речке. Ребята последовали за мной. На Чернухе увидели Серегу Белова. Он стоял по колено в воде и что-то высматривал. Вдруг Сергей присел и резким движением рук выплеснул на песок пригоршню воды вместе с несколькими мелкими рыбками.

Только после этого он взглянул в нашу сторону. Увидев на мне новые портки, Сергей долго не сводил с них глаз. Затем сказал:

- А я рыбы наловил. Кошке отдам.

Я усмехнулся.

- Тоже улов!.. Кошке на зуб положить нечего...

- Так я ж еще ловить буду! Отойдите подальше, а то рыба боится.

Все отошли. Ребята уселись на траве, а я, чтобы не запачкать обнову, остался стоять.

Прошло минут десять - пятнадцать. Мальки не появлялись.

Белов махнул рукой и вышел на берег.

- Испужалась вас и разбежалась, - объяснил он и сел рядом. - Вот если бы решето было, тогда во сколько можно натаскать.

- А я видал, как пескарей штанами ловили, - промолвил Митька Кован.

- И штанами хорошо ловить, - согласился Серега. Все посмотрели в мою сторону. Я отвернулся.

- А ну, Колька, давай попробуем! - крикнул вдруг Митька Кован. Я испугался.

- Мне ловить не хочется, - ответил я. - Да и рыбы тут нету, только портки намочу зря.

- Он боится, что испачкает, - сказал кто-то из ребят.

- Не дрейфь, - проговорил Серега. - Вода чистая. Высохнут и такие же будут.

- Давай попробуем! - приставал Митька.

- Не хочу, - рассердился я. - Сказал - не хочу, и все! Будут у тебя свои штаны, тогда и лови сколько влезет.

- Да ты матери боишься, - язвил Митька.

- Ничего я не боюсь.

- Боишься, боишься! - запел Митька.

Ребята захихикали. Я вскипел и бросился на Митьку. Тот вскочил и отбежал в сторону, продолжая выкрикивать обидные слова.

Я разозлился.

- Захочу - буду ловить!..

И начал стягивать штаны. Серега с завидной готовностью помог перевязать холоши с концов. Затем мы взяли портки за поясок, залезли в воду и побрели против течения. Остальные ребята загоняли рыбу. Пройдя шагов двадцать, выволокли свою снасть на песок. Кроме воды, в ней ничего не было.

- Нужно ближе к берегу, где водоросли, - авторитетно заметил Сергей. Рыба вся там.

Прошли ближе к берегу. Но снова впустую.

- Хватит! - не выдержал я. - Никакой тут рыбы нету.

- А была, - сокрушенно вздохнул Серега. Я вышел на чистую воду и стал полоскать штаны. Потом вместе с Беловым мы выкрутили их и положили на траву сушиться. Когда они подсохли, взглянул - и похолодел: портки были серого цвета, а концы холош - зеленые.

День закончился розгами...

Наступил 1905-й год. После январских событий в Петербурге и в нашей глухомани началось брожение. И из окрестных деревень приходили вести одна другой тревожнее: то господский дом сожгли, то усадьбу разгромили, а то и помещика избили...

Управляющий имением нашего барина немец Курт вызвал своего доверенного человека Федора Спипына и велел ему следить за рабочими. Однажды тот прибежал к Курту и доложил:

- Господин управляющий, батраки собираются в застольной, что-то замышляют...

Помещение столовой было наполнено народом. Среди общего гомона выделялся голос Никифора Климова.

- Если хозяин не согласится с нами, не будем работать. Посмотрим, что он тогда запоет!

- Пустим "петуха"! - закричал Митька. - Тогда он будет сговорчивее.

- Устроить пожар всегда успеем, - ответил Никифор. - Сначала попробуем без этого решить. Бегите за управляющим!

Курт явился. Лицо бледное, но вид решительный и грозный. Сразу установилась напряженная тишина.

- В чем дело? Я вас слушаю. - Немец старался быть как можно спокойней.

- Дело такое, - вышел вперед Никифор, - дальше работать за такую плату мы не будем.

- В таком случае я вас не держу. Можете убираться на все четыре стороны.

Мужики зашумели. К управляющему подскочил Митька:

- Ты слыхал, что мужик сделал с одним таким строптивым, как ты? Не слыхал? Так я тебе расскажу. Привязал миленького к кровати, а дом поджег. Так и предстал он пред господом богом в поджаренном виде. Не хочешь ли и ты таким же манером отправиться к праотцам?

Сжав кулаки, Курт прохрипел:

- Прочь с дороги, шантрапа поганая!

Растолкав сгрудившихся вокруг него рабочих, управляющий выскочил во двор.

Все умолкли. А Митька, выругавшись, бросился за Куртом. Настиг его на крыльце дома, схватил за сюртук. Немец круто развернулся и ударил Митьку в живот. Парень ойкнул и рухнул на деревянные ступеньки. Курт скрылся за дубовой дверью, щелкнул запорами...

Рабочие высыпали во двор. Теперь уже никакая сила не могла их остановить. Вооружась кто чем, они начали все крушить. Сначала разбили продовольственный склад, столовую, затем принялись за хозяйственный инвентарь. Шум, треск, грохот от тяжелых ударов мешались с разъяренными криками "Бей!", "Ломай!"...

Увлеченные этим занятием, люди не заметили, как с другой стороны дома осторожно отворилась дверь, и из нее вышел Курт.

Перемахнув через забор, он скрылся в поповском доме. Несколько мужиков налегли на парадную. Она трещала, но не поддавалась.

- А что с ней возиться! - крикнул Митька. - Тащи солому!..

Несколько человек бросились к конюшням, и вскоре вязки сена были свалены по углам дома. Еще минута - и языки пламени поползли по стенам...

Наша семья в это время собиралась ужинать. Узнав, что загорелось барское имение, мы кинулись на улицу. Я глазам своим не верил: добротный дом полыхал, как факел. Вот с треском и шумом рухнуло чердачное перекрытие, и тысячи искр столбом поднялись к небу. На мгновение пламя как будто притихло, но затем вспыхнуло с новой силой.

Сбежавшиеся на пожар сгрудились во дворе и как зачарованные смотрели на разбушевавшуюся стихию.

- Ишь как полыхает, - проговорил мой отец. - Прямо небесам жарко...

- Говорят, когда лес на стройку заготавливали, барин сам каждое бревнышко осматривал. Подбирал одно к другому. Хотел, чтобы сотни лет дом стоял, отозвался мужик из Ивановского.

- И выстоял бы, если не беда такая, - вставила какая-то баба.

- Не беда, а справедливая кара за наши муки, - ответил ей Никифор Климов. - Много тут нашего пота и крови...

Сзади к толпе незаметно подошел поп. Прислушавшись к разговорам, он затем протолкался вперед и напустился на людей.

- Не совестно вам стоять, рты разинув, когда добро пропадает? Эй! окликнул он оказавшегося тут же звонаря. - Беги в церковь, ударь в колокол!

- Пусть пропадает, - ответил ему один из батраков. - Пожалел копейку, теперь большего лишится.

- Грех зариться на чужое добро! - повысил голос отец Петр. - Забыли божью заповедь, богоотступники! Настигнет вас кара небесная!

- Оставь свои заповеди себе, - заметил ему Никифор. - Знаем, зачем ты нам и детям нашим их вдалбливаешь. Что поп, что помещик - одним лыком шиты. Все норовите за счет мужика прожить. Вот и стоите друг за дружку. А что касается кары небесной, то нас ею не запугаешь. Наше житье не слаще.

- Вольнодумствуешь, Никифор! - взвизгнул отец Петр. - Давно я замечаю, что отравленные зерна сеешь ты в пастве моей. Гляди, как бы гнев божий не настиг тебя.

- Ты чего тут раскудахтался! - подскочил к нему Митька. - Хочешь, чтоб я бороду твою поганую каленой головешкой подтравил? Проваливай, пока не поздно, долгополый!

- Опомнись, несчастный! - замахал на него руками отец Петр

и, подобрав полы, скрылся в толпе.

- Накличет он беду на наши головы, - сказал мой отец. - Где появится эта старая ворона, там добра не жди.

Кое-кто, испугавшись слов служителя культа, потихоньку ушел.

Огонь между тем делал свое дело. Он перекинулся на флигель, затем на сарай. В этом разрушении люди видели акт возмездия за свои долголетние муки. Кто-то поджег и мельницу на Кудаше. Горящие балки, падая в воду, шипели, вверх поднимались клубы пара.

Мы, мальчишки, носились по двору как очумелые. Схватив горящую головню, я помчался к скирдам соломы и бросил огонь под одну из них.

Перекрывая крики людей, треск горящего дерева, в клетке отчаянно ревел медведь. Кто-то сжалился над ним и отвел к конюшне. Лошади, и без того встревоженные пожаром, почуяв зверя, совсем взбесились. Разбив дощатые ворота, они вырвались на волю и разбежались по полю. Мужики бросились их ловить. Но тут раздался крик:

- Амбар с хлебом загорелся!..

Все метнулись туда. Зачем пропадать зерну? Баграми начали растаскивать горящие бревна. Принесли мешки, торбы. Бабы насыпали в подолы, в платки.

К утру огонь унялся. На месте господской усадьбы остались лишь дымящиеся развалины. Люди разошлись по домам и стали выжидать, что теперь будет. Хмельная бесшабашность сменилась тревогой. Мужики заговаривали о случившемся нехотя, бросали опасливые взгляды в сторону Ивановского, предчувствуя беду.

Прошли день, ночь, потом еще день и ночь. Никто в деревне не появлялся. И жизнь начала было входить в обычное свое русло. На третий день отец собрался на мельницу, я попросился поехать вместе с ним. Запрягли лошадь, отец взвалил на повозку мешок ржи, и мы отправились в Торонково, где обычно мололи зерно наши комаровские мужики.

Там уже стояло до десятка подвод. Часть из них была разгружена, другие ждали очереди. Мельник Кондрат Сытин, угрюмый, взлохмаченный мужик, указывал, куда тащить мешки.

Крестьяне, сгрудившись в стороне от телег, курили, о чем-то беседовали. Отец, сдав свой мешок, подошел к ним. Я тоже.

Ефим Табаков, по прозвищу Гусар, рассказывал:

- У нашего барина еще с деда-прадеда повелось держать в усадьбе медведя. Сейчас он ручной, а прежде за палача служил. Держали его впроголодь. Проштрафится кто, не угодит барину или кому там из его семьи, вталкивали беднягу в клетку. Там ему

и конец...

Я слушал затаив дыхание. Слова Ефима Табакова вызывали в моем воображении страшные картины.

Семидесятилетний дед Евсей из Ивановского подтвердил:

- Да, наш барин грозный. Едет четверкой по селу, так все встречные должны падать ниц. А холуй, стоящий на задке кареты, для острастки плетью по спинам прохаживается. А когда мне было лет шесть или семь, помню такой случай. Собрали на господский двор всех деревенских ребятишек. Вышел управляющий и сказал: "Слушайте, чертенята! Наш барин и благодетель решил развести сад. Так вот, чтобы вы не воровали груш и яблок, мы вас сейчас выпорем". Двое дворовых притащили длинную скамейку. На ней каждому из нас кучер всыпал по пятнадцати хлыстов ниже спины. На следующий день барин уехал. О своей затее он скоро забыл и сад так и не посадил. Зато мы о нем до сих пор помним.

К мельнице приближалась еще одна повозка. В ней лежало два мешка с зерном. Лошадью правил здоровенный мужик Василий. В деревне давно уже забыли его фамилию, все звали его Берендеем. Жил он на отшибе, имел самую бедную избу, одну десятину земли, жену и четверых детей мал-мала меньше. Своего хлеба ему никогда не хватало. Даже бедняки о нем говорили: "Не везучий". И правда, словно какой-то рок висел над Василием. Забредут ли волки зимой в деревню обязательно побывают в берендеевском хлеву, случится ли недород - больше всех пострадает Василий, нападет ли какая хворь - дольше всех задержится в его избе. Единственно, чем судьба одарила его, так это огромной, почти нечеловеческой силой. О нем легенды ходили. Говорили, например, когда прошлым летом прибежал мальчишка и сообщил, что на лугу, наевшись какой-то дурной травы, сдохла его корова, он так грохнул кулачищем по столу - из всех окон посыпались стекла. Затем пошел на луг, взвалил коровью тушу на плечи и принес домой...

Мужики окружили подъехавшую подводу, поздоровались с Василием. Ефим Табаков, похлопывая берендеева коня по шее, произнес:

- Добрый конь. Такого у нас ни в одном дворе не сыщешь.

- Добрый, да не мой, - ответил Берендей, спрыгивая с воза. - Одолжил на время в усадьбе. Вот свезу домой муку и отведу назад.

- Ты отведешь, другой подберет, - заметил дед Евсей.

- Пускай, - ответил Берендей, легко беря под каждую руку по мешку. - Еще неизвестно, чем все это обернется.

Все притихли и молча глядели, как Василий свободно, словно

с пустыми руками, пошел к мельнице.

Навстречу Берендею вышел мельник, поглядел на не' го, покачал головой. А тот отнес мешки и вернулся к крестьянам.

- Видал я силачей на своем веку, а такого, как ты, впервой встречаю, сказал Берендею дед Евсей.

- Таким уж получился, - развел руками Василий. - Когда было восемь лет, я уже двухпудовые кули таскал.

- А сейчас пудов тридцать небось потянешь?

- Тридцать не пробовал, а двадцать утащу, - улыбаясь ответил Берендей.

- Ну это ты уж загнул, - усомнился мой отец. - Двадцать не осилить.

- А это можно проверить, - вмешался в разговор подошедший мельник. - Вон лежит "баба" дочти на дороге. В ней чуть поболее двадцати пудов. Как забивали в прошлом году сваи, так и бросили. Позавчера один мужик в темноте зацепился возом, так и телегу поломал и сам покалечился.

Берендей осмотрел "бабу", попробовал руками и обратился к мельнику:

- Тащи четверть водки, доставлю, куда укажешь.

Тот побежал к сараю, через минуту вернулся с бутылкой и кружкой. Берендей вылил половину в кружку, выпил, утерся рукавом и подошел к "бабе". Обхватил ее руками, долго не шевелился, собираясь с силами, а затем стал медленно разгибаться. От напряжения лицо его покраснело, на лбу вздулись толстые жилы, рот скривился. Глыба сдвинулась с места. Берендей поднял ношу, при' жал к себе и вразвалку зашагал к сараю.

- Ну и черт! - выдохнул дед Евсей и осклабился. Я восхищенно глядел на дядю Василия, а он, освободившись от тяжести, перевел дух, вытер вспотевший лоб и снова приложился к бутылке...

Вечером все вместе возвращались домой. Наших, комаровских, набралось подвод десять. Мы ехали рядом с Ефимом Табаковым. Говорили о наступающей весне, о хозяйстве. Затем перешли на волнующую всех тему.

- Сказывал мне вчера Никифор Климов, - начал Табаков, - что слыхал он, будто в Петербурге сильное волнение и недовольство. Особенно среди фабричных. А царь вроде бы приказал стрелять в людей, когда они к нему с жалобами пришли. Тыщи на улицах перебито.

- Как же это? - спросил его отец. - Может, врет Никифор? За что бы это государю своих-то бить!

- Не знаю, - отвечал Ефим. - Только Никифор говорит, что

было такое. И будто после этого в Петербурге, Москве и других городах большие бунты. А крестьяне по деревням имения жгут и землю делят.

- Ну, мы тоже делов натворили, - отозвался отец.

- А скоро и землю поделим, - добавил Ефим Табаков. - Пусть только снег сойдет.

- Дай-то бог, чтобы и на нашу улицу праздник пришел, - вздохнул дед Евсей. - Да только боязно что-то, как бы все это плохо не кончилось.

Я слушал взрослых и задумывался: как же так? Когда война с кем-то и солдаты гибнут - мне понятно. А чтобы в людей стреляли в нашей же столице, да еще по приказу самого царя, которого называют батюшкой, - это не укладывалось в сознании.

Апрель пришел с южными ветрами и теплым запахом пробуждающейся земли. Под напором солнечных лучей сотнями веселых ручейков уходил с полей снег. Мелководная и вялая, всегда пересыхающая летом Чернуха ожила, вышла из своего узенького русла и покатила пенящейся мутной волной в Кудашу. Лед на Кудаше темнел, вздымался, появились синие проталины. А в один из дней Кудаша взломала ледовый панцирь. Наступила беспокойная пора для деревенских рыболовов.

Я тоже готовился к рыбалке. Сидел посреди избы и плел вершу. Когда она была готова, взял под мышку и направился к Кудаше. По дороге ко мне пристали Серега Белов и другие ребята. Выбрали место. Но тут вышла заковыка: чтобы установить вершу в половодье, нужна лодка. Я стоял и думал, как выйти из такого затруднения. Перекинули через реку жерди, перешли на противоположный берег. Серега что-то заметил, кричит:

- Глядите, наши в поле вышли! Землю, наверно, делить будут!

Бежим туда. Но скоро останавливаемся в недоумении.

- Это не наши, - говорит Митька Кован. - Чужаки какие-то...

- А что они там делают? Пошли поглядим, - предложил я.

Десятка два не известных нам мужиков ходили по полю и меряли землю.

- Вон тот, в фуражке с околышем, больно знакомый, - говорит Никита. - Где я его видел? А, вспомнил! Он из Сицкарей! Прошлым летом отец у него работал. И остальные, наверно, сицкарские.

- А чего они тут забыли? Надо сказать нашим, - подал я мысль.

Понеслись домой.

Весть о том, что по полю кто-то с саженью ходит, быстро разнеслась по деревне. Взбудораженные мужики и бабы двинулись за околицу. Некоторые прихватили колья.

Увидев приближающихся комаровских крестьян, сицкарские собрались в кучу и застыли в ожидании.

- Здорово, добрые люди, - поприветствовал их Ефим Табаков. - Зачем пожаловали в наши места?

- Здоров, коли не шутишь, - ответил мужик в фуражке с околышем. - А пришли мы сюда, чтобы землю себе тут нарезать.

- А разве вокруг Сицкарей ее нету? Или вам своей мало?

- Мы не вашу режем, - выкрикнул кто-то из сицкарских. - Раньше она была барской, а сейчас вроде ничейная.

- Вот что, други, - угрожающе сказал Берендей, - убирайтесь-ка домой подобру-поздорову.

- Не пугай нас, мы пуганые. И сдачи можем дать.

- А я говорю, уносите ноги! - вскипел Берендей. Схватив двух мужиков в охапку, он потащил их к повозке. Уложив в нее барахтавшихся крестьян, Василий сильно стеганул лошадь кнутом.

Митрофан Филиппин крикнул:

- Бей их!

Подскочив к сицкарским, он ударил одного из них колом по голове. Тот упал, из рассеченного лба брызнула кровь. Молодой парень из сицкарей бросился на Митрофана и сбил его с ног. Началась драка. Бились кулаками, палками, чем попало. Раненный в голову мужик выбрался из свалки и, зажимая ладонью рану, шатаясь, побрел к ручью. Я за ним: мне было жалко его. Щупленький, в залатанной одежонке, он шел медленно. Сквозь темные узловатые пальцы проступала кровь. Я помог ему умыться.

Тут появился Никифор Климов. Размахивая руками и крича, он бежал к дерущимся.

- Перестаньте, ироды! Что вы, рехнулись все? Стойте!..

Но его никто не слышал. Никифор оторвал от своей рубахи чистую полоску, протянул раненому.

- На, перевяжи лоб и быстрей домой.

Я помог пострадавшему добраться до подводы. Драка уже затихала. Ее участники, изрядно помятые, отплевывались и приводили себя в порядок. Никифор Климов, глядя на них, качал головой:

- Эх, дети вы неразумные! Не то чтобы сообща против барина стоять, так сами еще друг дружку лупите. Деретесь за шкуру неубитого медведя, а не подумали о том, что барин еще может вернуться. Давайте-ка все вместе подумаем, как дальше быть.

Долго судили-рядили. Наконец договорились и на следующий день барскую землю разделили. Отец тоже получил свою часть.

- Ну, Колька, теперь заживем! - весело сказал он вечером. - Осенью часть урожая продадим, одежу вам с Митькой куплю, в школу пойдете, не хуже других будете.

- Дай бог, чтобы все обошлось благополучно, - вздохнула мать и перекрестилась.

Весна в том году выдалась теплой, и мужики старались пораньше управиться с полевыми работами. И мы с отцом обработали свой надел. Отсеялись быстро.

- Если только уродит, - говорили крестьяне, - будем в этом году с хлебом.

У всех настроение было приподнятое, никто и не подозревал,

что скоро разразится беда.

А она стояла уже у порога. Весть о ней первый принес Петр Кирсанов. Вернулся из города и поведал, что встретил там управляющего Курта.

- Иду улицей, вдруг из одного дома выходит господин. Что-то знакомое мне в нем показалось. Присмотрелся - узнал. А он тоже меня заметил и поманил пальцем. Я подошел. "Ты, кажется, из Ивановского?" Нет, говорю, господин управляющий, я из Комарова. А он мне: "Ну, это все равно. Там передай мужикам, что я скоро вернусь, и не дай бог, чтобы в имении чего-нибудь недоставало!"

Мужики приуныли. Через несколько дней мальчишки сообщили, что в имении появились казаки. На другой день в нашу деревню прибыли урядник и пристав с отрядом. С ними управляющий, сельский староста и поп. Велели всем собраться в центре села. Казаки окружили собравшихся со всех сторон.

- Во избежание лишних репрессий, - заявил урядник, - я требую, чтобы вы сами указали лиц, принимавших активное участие в поджоге и грабеже имения. В противном случае будет наказана вся деревня!

Крестьяне молчали.

- Значит, нет виноватых? Или вы не хотите их назвать?

Снова никто не проронил ни звука.

- Хорошо. Тогда я сам их найду. Митрофан Егоров есть?

Митьки не было.

- Нету? От нас далеко не убежит. Никифор Климов?

Никифор вышел из толпы. Два казака схватили его под руки и отвели в сторону. В толпе раздался женский крик.

- Калина Николай! - прогремел неожиданно голос урядника.

Я испуганно прижался к отцу и замер.

- Где Николай Калина? - повторил урядник.

- Да он ребенок еще, - сказал Ефим Табаков.

Урядник вопросительно взглянул на управляющего, тот подошел к нему и вполголоса сказал:

- Это точно. Но отец Петр видел, как он бегал с головешкой и жег скирды. Думаю, что надо наказать, чтобы другим отрокам неповадно было.

Урядник сделал недовольную мину, но все же приказал взять меня.

Однако я вовремя сбежал.

Схватили еще нескольких мужиков, в том числе и Берендея.

Односельчане потом рассказывали, что урядник тогда объявил:

- За вредные для нашего отечества действия и агитацию

Никифор Климов и Митрофан Егоров предстанут перед судом! Остальные подвергнутся порке плетьми. Наказание виновных будет произведено сегодня же публично. Для возмещения понесенных убытков в пользу имения у всех крестьян изымается пригодный инвентарь, домашняя утварь и другое. Земля, незаконно захваченная и обработанная вами, возвращается имению вместе с будущим урожаем...

Брат мой Дмитрий, Сережка Белов и я долго бродили по лесу, скрываясь от казаков и полиции. На ночь решили сделать шалаш. Место для него выбрали на берегу речки Беруля. Когда он был готов, мы почувствовали, как пусты наши желудки. Полезли в воду и стали фуражками ловить пескарей. Митька сказал: "Я, пацаны, сбегаю домой за хлебом и картошкой".

Мы с Сережкой согласились с таким предложением. Наломав прутьев, сплели вершу. Нам попадались и щучки, но в основном ловились пескари.

Под огромной елью вбили колья, укрепили на них перекладину, развели костер. Дело было к вечеру. Через некоторое время прибежал Митька с котелком и запасом продовольствия. Втроем начали варить уху. Когда сели есть, Митька рассказал, как пробирался домой.

- Сначала шел вдоль Чернухи, потом огородами проскочил до амбара; там немного полежал, осматриваясь и прислушиваясь. На нашем краю деревни было тихо. Шум доносился из другого конца. Я пополз к дому. Мать спросила: "Где вы пропадаете?" Я рассказал. Она быстро снарядила торбу, и вот я здесь.

Когда поели, настроение у нас поднялось. Но тут стал накрапывать дождик, превратившийся вскоре в ливень. Шалаш не спасал. Ночевать решили в риге. Отправились туда, как только стемнело, захватив с собой оставшуюся рыбу, котелок и сухие дрова.

Рано утром я пошел домой. В деревне продолжалась экзекуция. Попутно казаки тащили из крестьянских изб все, что им нравилось. Во многих дворах стоял женский плач и причитания.

Расспросив, где мы устроились, отец сказал:

- Сидите пока там. Не показывайтесь никому на глаза.

На следующий день каратели уехали, и мы вернулись под родной кров.

Весна была в разгаре.

В деревне собрался сход, чтобы выбрать пастуха и подпаска. Постоянно у нас пас скот глухонемой Илюша, здоровенный мужчина лет сорока пяти. В помощники к нему определили меня. Дома отец сказал мне:

- С Илюшей ты поладишь, он мужик хороший, обижать не будет...

В семье у нас никогда не ели досыта, поэтому избавление от лишнего рта подспорье само по себе. А тут еще и кое-какой заработок.

И вот каждое утро выходил я из избы и, играя на дудке, шел по улице. Хозяева выгоняли из дворов скот, у кого какой был. Коров пасли в лесу, а овец на поле.

Кормились мы по дворам: сегодня у одной хозяйки, завтра у другой. За одну корову полагалось кормить пастуха один день, за две - два. За овец - тоже по количеству голов. Давали нам кто что мог.

Отец с Димкой работали в имении, в лесу, пилили дрова. Часто с ними ходила и мать. Тогда мне поручали трехлетнюю сестренку Нюшу. Я брал ее с собой на пастбище.

Сестренки постарше тоже трудились. Сначала в няньках, потом на прядильной фабрике Игопина, на станции Волга. Туда же устроился и брат Дмитрий.

Пастушил я два года. После этого меня определили к двоюродному брату учиться ремеслу - крыть дранкой крыши. Кровельщики - народ вольный: как хозяин к нам, так и мы к нему. Скупому, который плохо кормил, ставили в князек горлышко от бутылки. При ветре оно гудело и свистело, пугая жильцов.

В те годы в наших краях редко можно было найти грамотного мужчину, а женщину и подавно. Не умели ни читать, ни писать и мои родители, сестры. Но они уже понимали, что учиться необходимо.

И вот меня и брата Дмитрия послали в школу.

Школа находилась от нас в четырех верстах, в непогоду и сильные морозы мы сидели дома: не во что было одеться.

Учился я охотно и хорошо, труднее доставалась грамота брату. На пустой желудок она не каждому шла.

Прозанимались мы всего три зимы. На большее у родителей не хватило сил.

Снова пришлось наниматься на работу.

В Рыбинске на мельнице Тройских работал муж моей старшей сестры Сергей Попенышев. К нему-то я и направился. Но принимали на мельницу с тринадцати лет, а мне было всего двенадцать. Спасибо дьякону Скворцову: за небольшую мзду он приписал один год, и меня взяли подметальщиком. Мельница была трехэтажной. Я один мел все полы, протирал машины, бегал, куда кто пошлет. Работать приходилось не шесть и даже не восемь часов в день, а двенадцать и больше.

Жалованья получал три рубля в месяц, харчи - хозяйские.

Кормили так: на завтрак - каша, на ужин - хлеб и кипяток. В обед на стол ставили кастрюлю с какой-нибудь похлебкой на десять человек. На второе немного солонины и опять кашу.

Голодными мы, конечно, не были, а на одежку денег не хватало. Приходилось подрабатывать.

Как исполнилось четырнадцать лет, я списался с дядей Павлом, работавшим в Петербурге официантом в ресторане. И вот в 1911 году оказался в столице. Дядя устроил меня кухонным рабочим. В мои обязанности входило колоть и носить дрова, чистить картошку, мыть котлы и посуду. Это занимало все мое время с утра до вечера. Иногда приходилось обслуживать извозчиков, приезжавших в ресторан выпить водки или согреться "парой чаю". От пьяных нередко получал затрещины, а то и кнута. Отсюда очень скоро ушел в чайную на Большой Охте, где питались в основном мастеровые. Там пристроился официантом. Но эта работа мне была не по душе. Хотелось поступить на Путиловский завод. Но осуществить это желание не удавалось. Пришлось пойти учеником в частную слесарную мастерскую на Забалканском проспекте. Попал к горькому пьянице Морозу. Научиться чему-либо у него было немыслимо. Поэтому я расстался с ним.

Выжидать, пока подвернется место на каком-нибудь промышленном предприятии, не позволяли средства. Снова довелось наниматься сначала швейцаром в гостиницу на Суворовском проспекте, потом официантом в ресторан на Визенбергекой улице.

В Петербурге в это время усилилась волна забастовок. Обстановка с каждым днем накалялась. Ресторан закрылся.

Отправился на заработки в Петергоф. Добыв денег, поехал на родину. Дома по-прежнему жилось тяжело, хозяйство небольшое, бедное. Мы с отцом ходили заготовлять дрова, платили по сорок копеек за сажень. Труд невероятно тяжелый. А силы чем подкрепляли? Черный хлеб, картошка да похлебка. Весной 1915 года я решил организовать артель кровельщиков. Но она просуществовала всего семнадцать дней: люди в. ней собрались случайные, нечестные. Получив расчет и не отдав причитавшейся мне доли, они сбежали, и я вынужден был пристать к грузчикам. Потом стал пожарником, молотобойцем...

В мае 1916 года меня призвали в армию.

Медицинская комиссия рекомендовала во флот. Но мне очень хотелось попасть в Петроград, в лейб-гвардии драгунский кавалерийский полк, где уже служил в чине вахмистра мой двоюродный брат Иван Калинин. Я любил коней, и, к великой радости, просьбу мою удовлетворили, зачислив в команду 9-го

запасного кавалерийского полка.

В 1916-1917 годах в России особенно бурно росло революционное движение. Широкие народные массы были недовольны политикой царского правительства. Империалистическая война с Германией всем надоела. В письмах с фронта брат Дмитрий писал: "Дорогой браток, хорошо, что ты попал в конницу. Обучать вас будут долго. А там, глядишь, что-нибудь и изменится. На фронт не спеши, у нас здесь очень худо. Патронов нет, харчи - одни сухари да рыба полугнилая, и то не каждый день. Обмундирование износилось, а нового не выдают. Зимой холодище, а весной в окопах сидим в грязи по колено. Я целый месяц болел, простыл сильно. А чуть поправился - снова в окопы загнали".

В Петрограде у меня были знакомые среди рабочих Путиловского завода. Я часто встречался с ними. От них узнавал о настроениях трудового люда Питера, политическом положении в стране. Стал задумываться над несправедливостью жизни. Почему, например, мои родители и вообще все бедные крестьяне должны весь свой век гнуть спину на барина? Ради чего брат Дмитрий и ему подобные кормят вшей в окопах, идут под пули?

В начале 1917 года недовольство существующими порядками стало проявляться и в нашем полку. Голод, давно свирепствовавший в Петрограде, коснулся армии. Нам по нескольку дней подряд не выдавали хлеба. Кавалеристы сначала робко, потом все сильней начинали роптать, возмущаться. В казармах пошли разговоры о тяжелой доле солдат, рабочих и крестьян. В полку появились большевистские пропагандисты.

В феврале 1917 года, особенно во второй половине его, напряжение в Питере дошло до предела. От путиловцев я узнал, что рабочие этого завода-гиганта с 18 февраля начали забастовку. На улицах проводились митинги.

Ходили слухи, что правительство Николая II вооружает полицию пулеметами. Во дворах и подъездах главных улиц накапливаются жандармские и казачьи отряды, на крышах зданий сооружаются огневые точки. Все это еще больше накаляло атмосферу.

23 февраля, помню, это был четверг, тысячи рабочих и работниц заполнили главную магистраль Петрограда - Невский проспект. Шли с наспех написанными лозунгами и плакатами: "Долой войну!", "Долой царя и помещиков!", "Даешь хлеба!", "Даешь восьмичасовой рабочий день!". Город бурлил.

Конечно, в то время мне, рядовому солдату, трудно было разобраться в сложившейся обстановке, определить свое место в надвигающихся событиях. Классовое чутье нам, солдатам,

подсказывало, что мы должны быть только на стороне рабочих и крестьян. Но многих из нас еще сковывала боязнь нарушить присягу.

Мой однополчанин Аксенов как-то спросил меня:

- Что ты будешь делать, Николай, если офицер прикажет открыть огонь по народу?

Вопрос этот для меня был настолько необычным и неожиданным, что я сразу даже опешил. Долго думал, пока наконец не ответил:

- В безоружных стрелять не пристало.

- Верно. Ведь народ - это же и мы с тобой... Аксенов оживился и стал объяснять, почему простой люд недоволен существовавшими порядками, что толкает его на борьбу с царизмом.

Активную революционную пропаганду развернули среди солдат Петроградского гарнизона большевики. Они распространяли прокламации, листовки, воззвания, проводили беседы. Под их влиянием наша команда твердо решила: в братьев рабочих не стрелять.

В ночь на 25 февраля нас вдруг подняли по тревоге, выстроили на плацу.

К нам подъехал корнет Аненков, поздоровался. Ему ответили всего несколько человек.

Аненков повторил приветствие. И опять отозвались не все. Здороваться в третий раз корнет не стал.

Нас повели к Дворцовой площади. Она уже была запружена войсками, в основном казаками, конной жандармерией и городовыми. Все чего-то напряженно ждали.

Вскоре показалась группа офицеров во главе с командующим Петроградским военным округом генерал-лейтенантом Хабаловым. Он грузно поднялся на наскоро сколоченную трибуну.

Нет нужды пересказывать его речь, рассчитанную на то, чтобы одурачить нас надоевшими демагогическими фразами. Закончил генерал свое выступление призывом быть верным царю, отечеству и воинской присяге.

В предутренней тишине голос командующего звучал резко и зловеще, особенно тогда, когда требовал стрелять по "смутьянам" и "бунтовщикам". Мы-то уже знали, что эти "бунтовщики" - лучшие представители рабочею класса, революционеры.

Когда Хабалов смолк, по площади прокатилась волна недовольного ропота.

Несмотря на это, нам стали раздавать патроны. Получая их, мы еще раз договорились между собой: в людей не целить.

- Стрелять вверх! - эта фраза облетела все ряды.

Нас перестроили в шеренги по шесть всадников и вывели на Невский проспект.

Тут мы увидели огромную колонну, двигавшуюся со стороны Николаевского (ныне Московского) вокзала. Среди демонстрантов были женщины и подростки. Над идущими виднелись щиты и транспаранты с лозунгами:

"Долой войну!", "Долой самодержавие!", "Хлеба!" и "За восьмичасовой рабочий день!".

До моего слуха донеслась команда:

- Шашки вон! Пики к бою! Шагом марш!..

Это на демонстрантов-то!.. В наших рядах произошло замешательство, но через некоторое время шеренги все же двинулись вперед.

Неожиданно с чердаков ударили пулеметы. Люди стали ложиться на мостовую, очевидно, им показалось, что в них стреляли мы. Они посылали нам проклятия.

В это время один из кавалеристов учебной команды выскочил на брусчатку. Перед ним расступились. Никого не трогая, всадник помчался по образовавшемуся живому коридору на противоположную сторону площади. Один за другим остальные двинулись за ним. Вокруг нас раздались крики "Ура!", "Слава солдатам!".

Когда оказались у Николаевского вокзала, на душе стало легче. Правда, мы не без тревоги подумывали о том, что же делать дальше.

По Литовской улице, по направлению к Невскому проспекту, шла другая колонна рабочих. Конная жандармерия и городовые попытались остановить ее. Врезавшись в толпу, они начали направо и налево стегать людей плетками, бить клинками. Раздались крики и стоны. Мы не выдержали. Наш взвод, как по команде, бросился на жандармов. Произошла короткая, но жаркая схватка. Жандармам и городовым ничего не оставалось делать, как повернуть вспять!

Вместе с демонстрантами мы направились на Знаменскую площадь. Там начался митинг.

На душе у меня, да и у товарищей тоже, как-то и торжественно и тревожно.

Когда стемнело, вернулись в казарму, собрались в конюшнях и стали обсуждать случившееся за день. Каждый делился впечатлениями и высказывал предположения о возможных последствиях. Ожидали чего-то тяжелого. Но как бы там ни было, решили в случае чего защищаться до последнего.

Офицеры не появлялись. Договорились выбрать своих

командиров. Начальником команды стал прапорщик Драгайцев. Это был пожилой офицер, выходец из семьи железнодорожного служащего. К нам он относился хорошо, и мы его за это уважали. На должности взводных избрали унтер-офицеров.

С новыми командирами перешли в казарму, забаррикадировали окна и двери, установили пароль и подготовились к обороне.

Утром прибыла рота солдат и окружила здание, в котором мы размещались. На Шпалерную улицу никого не выпускали. В таком положении мы пробыли целые сутки. К нам явился какой-то ротмистр с Георгием на груди. Он начал уговаривать нас разоружиться и выехать из города, чтобы, мол, избежать ссылки в Сибирь за переход на сторону рабочих и избиение жандармов и полиции на Знаменской площади. Мы поняли, что это провокатор, ратующий за вывод из Петрограда революционно настроенных войск, и тут же его расстреляли.

Потом у кого-то возникла мысль связаться с рабочими. Выбрали делегацию из двенадцати человек. В ее состав попал и я.

Нам удалось пробраться на Конногвардейский бульвар. Там встретили демонстрантов. Когда мы вместе с ними приблизились к нашим казармам, солдаты, осаждавшие кавалеристов, ушли. Мы открыли склады, роздали рабочим все, что там было.

Иванов, Аксенов и я вбежали в помещение музвзвода и вывели на улицу музыкантов. Оркестр встал во главе колонны. Под звуки "Марсельезы" все двинулись по направлению к Смольному.

27 февраля революция победила. Офицеры нашего полка отсиживались по домам. Руководство перешло в руки полкового комитета. От учебной команды в него вошли Драгайцев, Смирнов, я и еще несколько человек. Комитет предложил принять командование полком бывшему помощнику командира части полковнику Суркову, лояльно относившемуся к революционно настроенным солдатам. Затем было организовано патрулирование по улицам и произведен арест офицеров.

28 февраля в полк привезли бывшего командира бригады генерала Рауцмана. Немец по национальности, выхоленный аристократ, он всегда презирал солдат и относился к нам, как к скоту. Теперь же от его высокомерия не осталось и следа. Он стоял перед нами растерянный, постаревший, осунувшийся, бессвязно и трусливо лепетал:

- Братцы! Не убивайте...

Глядя на его жалкую фигуру, я вспомнил, как в январе к нам в полк приезжал инспектор кавалерии генерал Остроградский. Он проверял боевую подготовку части. В последний день

инспектирования провели выводку конского состава. Каждый кавалерист должен был показать свою лошадь. Согласно уставу животное необходимо было проводить мимо генерала так, чтобы оно находилось между кавалеристом и поверяющим.

Но вот солдат Иванов, то ли от волнения, то ли еще от чего, забыл об этом уставном требовании и оказался между лошадью и инспектором.

Рауцман позеленел от злобы. Подскочив к растерявшемуся коннику, он грубо обругал его и несколько раз ткнул кулаком в лицо.

С нескрываемым презрением смотрел я сейчас на этого аристократа, от страха потерявшего свою былую спесь, молившего о пощаде, хотя никто и не собирался его убивать. Рауцмана отправили в Таврический дворец, куда доставляли всех арестованных полицейских, жандармов, городовых и прочих царских приспешников.

Настроение у нас в эти дни было приподнятое. Еще бы: революция победила!

Главное, что интересовало нас, солдат, - мир и земля. Большинство из нас надеялись, что вслед за свержением царизма будет положен конец и войне, которую солдаты ненавидели всей душой. Рассчитывали также и на скорое получение новых земельных наделов.

Но проходили дни за днями, недели за неделями, а Временное правительство ни о мире, ни о земле не думало.

В один из мартовских дней к нам пожаловал с визитом министр иностранных дел Милюков. Он всячески старался показать перед нами свой "демократизм": панибратски хлопал по плечу, заискивающе и фальшиво спрашивал, "как жизнь", пробовал солдатскую кашу. Мы не выражали особого почтения столь высокопоставленной особе, сидели на нарах, курили, на вопросы отвечали неохотно.

После осмотра казармы Милюков распорядился собрать всех на митинг. Все повалили из помещения. Начальник команды уговаривал нас вести себя спокойно.

- Не шумите, пусть выскажется. Все-таки какой ни есть, а министр. Не будете перебивать - скорее уедет.

Выкатили на середину двора воинскую повозку, и с этой "трибуны" Милюков стал держать речь. Долго и нудно он говорил о революции, о республике, не забыл упомянуть и о том, что немцы и австрийцы хотят погубить наши завоевания, и тому подобное.

- Мы не можем допустить, - патетически восклицал этот "революционер", чтобы наше гордое отечество с позором вышло

из этой войны. Мы не допустим, чтобы наша свобода, завоеванная кровью народа, была растоптана сапогом германского варвара. Война до победного конца, вот чем должен жить сейчас каждый россиянин!

На некоторых речь министра произвела впечатление. Раздались даже аплодисменты, хотя и жидковатые. Большинство же собравшихся хранило угрюмое молчание. Затем среди солдат началось какое-то движение, поднялся шум. Наконец чей-то голос покрыл остальные:

- Вы вот тут говорили об отечестве, свободе, революции... А что эта революция дала крестьянству? Что она дала нам, солдатам?

Со всех сторон раздались выкрики:

- Сколько можно воевать?

- Хватит!

- Сами отправляйтесь на фронт!..

Милюков поспешно сполз с повозки и, сопровождаемый офицерами, засеменил к своему экипажу.

Расходясь по казармам, кавалеристы ругались. Мой сосед по нарам Иванов, сердито сплюнув, произнес:

- То за царя воевали, теперь за этих толстопузых умирать должны!

3 апреля Драгайцев, ставший заместителем начальника учебной команды, сказал мне, чтобы я вместе с моими сослуживцами Пановым, Дмитриевым, Ивановым, Аксеновым и еще несколькими солдатами и унтер-офицером во второй половине дня явился к Михайловскому юнкерскому училищу на Выборгской стороне. На мой вопрос о цели этого сбора, Драгайцев ответил:

- Узнаете на месте...

Точно в назначенное время прибыли мы к училищу. Там уже толпились представители от других воинских частей. Когда все собрались, нас повели к Финляндскому вокзалу.

Площадь перед ним и все прилегающие улицы были запружены народом. На перроне выстроились рабочие, солдаты, матросы. Тут же расположился оркестр. Только теперь мы узнали, что сегодня в Петроград из заграницы приезжает Владимир Ильич Ленин. Нам поручалось обеспечить порядок на привокзальной площади.

Вытянувшись в цепочку и взявшись за руки, мы сдерживали напор людей. Раздалась "Марсельеза". Толпа заволновалась и, разорвав наш заслон, хлынула ближе к зданию. Из уст в уста передавалось: "Прибыл Ленин". Я смотрел во все глаза. Вождь революции представлялся мне гигантом, возвышающимся над

толпой, поэтому я не заметил, как Владимир Ильич в окружении соратников и друзей прошел мимо. Увидел Ильича лишь тогда, когда он уже стоял на броневике.

Прожекторы хорошо освещали Ленина. Он оказался небольшого роста, коренастый, в темном демисезонном пальто, из-под которого виднелись такой же темный костюм, белый воротник рубашки, галстук. Усы и небольшая бородка Ильича издали выглядели темными.

Ленин поднял руку, и многотысячная толпа затаила дыхание.

Владимир Ильич рассказал о характере и значении Февральской революции, о Временном правительстве и его политике, ничего не имеющей общего с пролетарской революцией. Говорил и о советских органах власти. Свою яркую вдохновенную речь он закончил историческими словами:

- Да здравствует социалистическая революция!

Из этой речи, хотя и не все мне издали было слышно, я понял, что революция на этом не кончилась, что она будет продолжаться дальше.

Трудно описать впечатление, произведенное речью вождя. Домой мы возвращались словно на крыльях. Хотелось скорее поделиться услышанным и увиденным с товарищами.

В эту ночь никто не смыкал глаз до утра. Всем, кто был на Финляндском вокзале и слушал Ленина, задавали самые разнообразные вопросы:

- Что насчет земли говорил Ленин?

- А как с помещиками обойдутся?

- Слышь, а про войну чего гутарил?..

Меня тоже спрашивали. Не мастак я говорить. Отвечал как мог. Главное ведь было не в том, как скажешь, а в сути. А суть такова: кончать грабительскую войну, заводы и фабрики - рабочим, землю - крестьянам. Но для этого надо отобрать власть у буржуазного Временного правительства. Без этого не будет ни земли, ни мира.

Многое, очень многое стало нам ясным в ту апрельскую ночь. Появилась и надежда на светлое будущее, и уверенность в своих силах.

В начале мая меня произвели в унтер-офицеры и направили взводным в 3-й маршевый запасной кавэскадрон, расположенный в Красном Селе. Там я более обстоятельно ознакомился с опубликованными в "Правде" тезисами доклада В. И. Ленина "О задачах пролетариата в данной революции". Партия брала курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В июле наш эскадрон был погружен в вагоны и направлен в

Прибалтику. На станции Пярну мы перегрузились на узкоколейку и прибыли в одно из имений на берегу Рижского залива, где в то время дислоцировался 2-й Конноприбалтийский полк. Я получил назначение в 1-й эскадрон.

Здесь меня вскоре избрали в полковой комитет. Это давало мне возможность бывать во всех эскадронах полка. Вместе с Аксеновым, Ивановым и Дмитриевым мы рассказывали солдатам о большевиках, о жизни и деятельности Владимира Ильича, о его Апрельских тезисах. Солдаты проявляли большой интерес к этим беседам, горячо поддерживали большевистскую программу.

На Балтийском побережье мы стояли заставами. Расстояние между ними было до 10 километров. На островах находились немцы. Иногда нам приходилось вступать в бой с разведывательными группами противника, высаживавшимися на континент.

А однажды вблизи берега появилась подводная лодка. От нее отделилась шлюпка с солдатами. Как только десант высадился, мы атаковали его в конном строю. Десантники не оказали сопротивления. Как выяснилось, это были наши союзники англичане...

Через некоторое время нас вывели в резерв.

Об Октябрьской социалистической революции нам стало известно 27 октября. Полк в это время находился около города Лимбажи. Наш эскадрон размещался примерно в двадцати километрах северо-западнее Лимбажи, в Салацгрива. Я тотчас же сорвал с себя погоны и явился к командиру эскадрона корнету Гехелю. Гехель, сын служащего, и раньше выражал недовольство Временным правительством. Часто жалуясь на неудачи по службе, он говорил и о непопулярности войны в целом. Мое предложение снять погоны он принял с готовностью. Вместе с ним мы поехали по взводам.

Солдаты ликовали. С великой радостью приветствовали они свершившуюся революцию. Отовсюду слышались возгласы:

- Конец проклятой войне!

- Скоро по домам!

Иначе встретило в нашем полку весть о социалистическом перевороте большинство офицеров. Когда полковой комитет предложил им снять погоны, командир части и начальник штаба наотрез отказались. Комитет вынужден был арестовать их.

На общих собраниях состоялись выборы командиров эскадронов и взводов. Мне доверили командовать первым взводом.

В ноябре мы с корнетом Гехелем создали красногвардейский отряд. В его состав вошли 1-й и 2-й сабельные эскадроны,

пулеметная команда. Отправились на подмогу петроградцам. В Пярну к нам присоединилось прибывшее пополнение, которое я когда-то обучал. Отряд численностью в 300 человек в конце декабря прибыл в Нарву, влился в Нарвский гарнизон, состоявший из красногвардейских отрядов, и участвовал в боях с немцами вплоть до заключения Брестского мира. Когда была создана Красная Армия, многие из нас остались служить в ней до конца своей жизни.

В одном из боев с немцами меня контузило, и я был направлен в петроградский госпиталь. После лечения получил четырехмесячный отпуск и уехал в родное село Комарове.

Большие перемены произошли тогда в Ярославской губернии. Деревенская беднота брала власть в свои руки. Бедняки часто обращались к нам, солдатам, с просьбой помочь отобрать хлеб у кулаков-мироедов, которые зарывали его в землю, лишь бы не отдать голодающим.

Во время эсеровского восстания в Ярославле в Покровское, что на реке Соть, эсеры подвезли вагон оружия. Оно хранилось у кулаков и попов. В этот район прибыл красногвардейский отряд, которым командовал военком из нашей Леонтьевской волости.

В отряде встретил старого друга Павла Шилкина. Мы приняли участие в ликвидации восстания.

И в нашем краю Советская власть прочно встала на ноги.

В октябре 1918 года окончился мой отпуск. За время, проведенное в деревне, я окончательно поправился, окреп, от былой контузии не осталось и следа. Мне захотелось как можно скорее вернуться к друзьям, окунуться в самую гущу событий, полностью отдаться напряженной боевой жизни.

В один из прохладных октябрьских дней явился в военкомат и получил назначение на Восточный фронт.

Собрав свой нехитрый багаж, я распрощался с родными, знакомыми и зашагал по дороге на Ярославль. До деревни Кетово меня провожали с гармошкой ребята и девчата. Дальше пошел один. На попутных подводах добрался до Ярославля. В военкомате встретил товарища из Петрограда Павла Скуратова. Он решил помочь мне сесть на пермский поезд. Эшелоны, двигавшиеся на Восточный фронт, были переполнены. Прошел один, второй, третий... устроиться все не удавалось. Наконец, когда надежда была уже потеряна, к вокзалу подошел эшелон с кавалеристами. Выскочив на перрон, я спросил у сгрудившихся в тамбуре солдат, куда они следуют. Молчат - военная тайна.

Направился к начальнику эшелона. К удивлению и радости, в одном из вагонов встретил своего бывшего сослуживца по 9-му запасному кавалерийскому полку Николая Гусева. Он сообщил

мне, что с ним едет и другой наш однополчанин командир взвода Дозоров. С помощью Гусева пристроился к конникам. Через несколько суток прибыли на станцию Глазов. Отсюда я отправился в штаб 3-й армии. Меня определили в 3-й маршевый эскадрон. Состав его был пестрый. В нем служили бывшие артисты, учителя, бухгалтеры, рабочие и крестьяне. Командир эскадрона в кавалерии никогда прежде не служил и мало что в ней понимал.

В течение недели ко мне присматривались. Наконец выдали обмундирование и как бывшему коннику вручили лошадь, самую норовистую, которая не давала себя седлать и с которой никто в эскадроне не мог справиться.

Однажды во время занятий по конной подготовке я заметил, что комэск неправильно подает команду, и подсказал, как надо это делать. Тогда он предложил мне командовать сначала сменой, а потом и эскадроном.

Через некоторое время бойцы уже знали боевые порядки, умели атаковать пехоту и конницу, одним словом, превратились в заправских кавалеристов. К концу ноября это было уже вполне обученное, боеспособное подразделение.

В последних числах ноября колчаковские войска большими силами развернули наступление в районе Кунгур, Пермь с целью захватить Пермь, Вятку и продвинуться дальше на север. Там соединиться с интервентами и белогвардейцами. Положение 3-й армии, державшей здесь оборону, оказалось тяжелым. Еще 30 октября командарм Берзин в донесениях Главкому и в Реввоенсовет республики писал: "Положение 3-й армии становится все опаснее... В одном пермском направлении сосредоточено 3 дивизии, из них однаЧехословацкая... всего 32 500 штыков, 800 кавалеристов, 33 орудия, 135 пулеметов..."

В ноябре положение армии еще более ухудшилось. На отдельных участках фронта противник создал двойное и даже тройное превосходство в силах. Наши войска ощущали острый недостаток в боеприпасах, продовольствии и обмундировании. Труднее всего приходилось 29-й дивизии и Особой бригаде, защищавшим Пермь.

25 декабря после длительных и кровопролитных боев наши части оставили Пермь. Колчаковцы, овладев городом, начали медленно продвигаться на север.

В эти дни на Восточном фронте стало широко известно имя молодого рабочего, талантливого военачальника командира южно-уральских партизан Василия Константиновича Блюхера. Вместе со своим партизанским отрядом он прошел полторы тысячи километров по тылам противника и в районе Кунгур,

Красноуфимск соединился с регулярными советскими войсками. За этот подвиг Блюхер первым в стране получил орден Красного Знамени.

Во второй половине декабря наш эскадрон погрузили в эшелон и через станцию Яр направили в расположение 3-й армии. Выгрузившись на станции Раздельная, мы получили задание выйти в район города Гайны. Там должны были соединиться с эскадроном, прибывшим из Костромы, и занять оборону вдоль Камы на участке Гайны, Коса.

В условиях суровой и многоснежной северной зимы коннице было затруднительно действовать. Пришлось оставить лошадей с коноводами в Монастырской. Мобилизовав у местного населения подводы, погрузили на них боеприпасы и двинулись дальше уже на лыжах.

За несколько дней с боями вышли к Каме. В районе Косы соединились с Костромским эскадроном. Перед нами ставилась задача прикрыть левый фланг 3-й армии.

Справа, недалеко от нас, вела бои с противником кавалерийская бригада Акулова.

Сплошного фронта на нашем участке не было.

В последних числах декабря, продвигаясь вдоль Камы от города Гайны, в направлении реки Коса, мы натолкнулись на особенно упорное сопротивление в деревне Пятигоры. Противник превратил этот населенный пункт в крепость. Наши попытки выбить его отсюда терпели неудачу. Когда стемнело, мы вместе с Костромским эскадроном атаковали деревню со всех сторон и наконец прорвали вражескую оборону. Белогвардейский отряд был уничтожен, около 200 человек пленено.

После этого боя меня назначили командиром Пермского кавалерийского дивизиона, образованного из нашего и Костромского эскадронов. На мое же место прибыл бывший офицер Сергеев.

Дивизион занял оборону по Каме на участке от Гайны до села Усть-Коса. Немного позже к нам присоединили Ивановский пехотный отряд, и мы поступили в распоряжение Особой бригады.

В начале января под давлением превосходящих сил противника наши подразделения вынуждены были оставить свои позиции и начали отходить на юг в направлении Юсеево, Кочево, Кудымкары. По параллельному маршруту из района Косы уходила кавалерийская бригада Акулова, состоявшая из Путиловского и Акуловского полков.

Чтобы дать возможность Акулову оторваться от колчаковцев, я решил задержать неприятеля в районе села Зябловка.

Вместе с двумя акуловскими эскадронами мы заняли круговую оборону. Белогвардейские лыжники попытались атаковать нас с ходу, но, понеся потери, отошли в лес. Ночью, когда я находился в штабе, два эскадрона Акуловского полка без предупреждения снялись с позиций и ушли. Противник тотчас же воспользовался этим и ворвался в Зябловку. О случившемся мне стало известно, когда улица, на которой размещался штаб, была уже в руках колчаковцев. Я оказался отрезанным от своих подразделений. В этот трудный момент меня выручила местная жительница. Спрятав в санях под сеном и посадив сверху двух ребятишек, она благополучно выехала из села. За околицей я простился со своей спасительницей и направился в дивизион. Кавалеристы успели сделать завалы и занять оголенный участок. Бой был в самом разгаре.

Я приказал одному взводу встать на лыжи и зайти в тыл белогвардейцам. Зажатый со всех сторон вражеский отряд попытался вырваться из Зябловки, но тщетно. Видя безнадежность своего положения, колчаковцы сдались.

Бой в Зябловке на некоторое время задержал продвижение неприятеля. Нам удалось оторваться от него и уйти в направлении Кудымкар.

В районе Лопухина мы встретили Акуловский полк. По распоряжению штаба бригады приняли от него этот боевой участок. Противник не проявлял активности, собираясь с силами. Мы воспользовались этой передышкой для проведения дивизиона в порядок.

В конце января 1919 года в районе Кудымкар был сформирован 1-й Северный кавалерийский полк. В него вошли наш дивизион и дивизион, прибывший из Вышнего Волочка. Командиром нового полка назначили бывшего офицера Транзе, а я стал его заместителем.

В конце февраля, теснимые рвавшимися к Вятке белогвардейскими частями, мы откатились к Бисерово. Оставив в этой деревне заградительный отряд в составе двух пехотных и одного пулеметного взвода, я отвел свой дивизион в село Афанасьеве. Его жители встретили нас приветливо. С их помощью мы вырыли в снегу глубокие траншеи, брустверы залили водой, чтобы они стали ледяными. На дорогах устроили завалы.

В течение двух дней колчаковцы не появлялись. На третьи сутки из Бисерово примчался связной и сообщил, что наш заслон ведет бой с противником численностью до роты пехоты с пулеметами. Я приказал отряду держаться до ночи, а с наступлением темноты оторваться от неприятеля и присоединиться к основным силам.

Весь этот день мы укрепляли оборону. Вперед выслали боевое охранение, выкатили на позицию батарею, которую возили на подводах в разобранном виде. Южнее нас находился Ивановский пехотный отряд. Поэтому мы ожидали врага с севера, со стороны Бисерова. Однако как только стемнело, он обошел нас с северо-запада и ворвался в Афанасьеве со стороны Камы. Я в это время находился в маленьком домике в центре села. Вместе со мной были мой адъютант Лепешкин и связные. Взглянув в окно, я увидел, что колчаковцы движутся вдоль улицы, минуя нас. Неподалеку от избы, в которой мы располагались, они установили станковый пулемет. Покинув свое пристанище, мы внезапно напали на вражеского пулеметчика. Приколов его, открыли огонь по белогвардейцам. К нам присоединился оказавшийся поблизости резерв дивизиона. В короткой, но яростной схватке неприятель был смят и выброшен из Афанасьеве. Его потери убитыми и пленными составили больше ста человек. На следующий день подтянулись главные силы противника. Полдня прошло в перестрелке. Под вечер белогвардейцы перешли в атаку на участке расположения 4-го эскадрона, которым командовал бывший офицер Сергеев. Сергеев и один из взводных, тоже бывший офицер, дезертировали. Колчаковцы стали рваться к центру села. Пришлось снова бросить в бой резерв. Вместе с 1-м кавдивизионом восстановили положение.

Целую неделю продержались мы в Афанасьеве. Пополнялись за счет добровольцев из местных жителей.

В начале марта село это все же вынуждены были оставить. Отошли к Залазному. На новом рубеже заняли оборону фронтом на северо-запад.

На следующий день здесь появились и наши преследователи. Завязался бой. В это время к нам подоспело подкрепление - отряд в составе двух стрелковых и одной пулеметной роты под командой Иванова. Вместе с ним мы в течение двух недель успешно отбивали все попытки противника захватить село. Затем нас сменил батальон 1-го Московского стрелкового полка. Штаб Московской бригады и 1-й полк стояли в Омутинске. Наш дивизион и отряд Иванова вывели в резерв.

Командир сменившего нас батальона не имел боевого опыта. Он не сумел организовать надежной обороны, не вел разведки. Воспользовавшись этим, колчаковцы в одну из ночей совершили налет на Залазное, обезоружили пулеметную роту и захватили штаб. Большая часть бойцов вместе с командиром погибла.

В связи с этим наш полк получил приказ совместно с остатками отряда занять село. Встав на лыжи, двинулись к

Залазному. Враг успел уже укрепиться и встретил нас сильным огнем.

Окружив населенный пункт, мы настойчиво дрались за него весь день. Лишь к вечеру противник был уничтожен. Мы с комиссаром понимали, что колчаковцы попытаются снова отбить у нас Залазное. Поэтому, как только смолк последний выстрел, сразу же начали заботиться об обороне. Из рабочих металлургического завода и крестьян организовали боевые дружины. Вместе с ними удерживали село вплоть до весеннего наступления Красной Армии.

В конце апреля нас сменили части Отдельной Московской бригады, и мы были выведены в Слободское. Бой в Залазном оказался последним боем 1-го Северного кавалерийского полка. В апреле он был расформирован и передан на пополнение конных разведок 3-й армии.

Зимой 1918/19 года на Восточном фронте решалась судьба Советской республики. Молодая Красная Армия в упорных и тяжелых боях на протяжении многих месяцев отражала натиск армий Колчака, поддерживаемых иностранным империализмом. В эти суровые дни наш дивизион прошел с боями не одну сотню километров. С каждым днем совершенствовалось военное мастерство бойцов и командиров, крепла дисциплина. Главную роль в повышении боеспособности дивизиона играли коммунисты. Их было у нас немного, но они во всем задавали тон, личным примером воодушевляли бойцов на подвиги.

Одно время секретарем партийной организации в нашем дивизионе была девушка, по имени Клава. В суровые дни зимних походов и сражений она вместе со всеми бойцами несла все тяготы боевой жизни: мерзла в окопах, ходила в атаки, перевязывала раненых. А в часы отдыха писала бойцам письма на родину, читала газеты, проводила беседы. Мы все любили ее и уважали.

В борьбе с белогвардейцами нас активно поддерживало местное население. Оно помогало нам продовольствием, одеждой, подводами, пополняло наши ряды. А те, кого колчаковцы насильно мобилизовали в свою армию, при первой же возможности переходили на нашу сторону.

Это помогало нам, несмотря на исключительно тяжелые условия, выдержать натиск превосходящих сил противника. А в апреле 1919 года Красная Армия перешла в победоносное наступление.

Во второй половине апреля 1-й Северный кавполк был расформирован. Личный и конский состав его передали на комплектование конных разведок бригад и полков формируемой

51-й Московской стрелковой дивизии имени Моссовета.

Я получил назначение на должность командира

1-го эскадрона 51-го кавалерийского дивизиона, которым командовал Адольф Казимирович Юшкевич. Большинство бойцов этого подразделения составляли оренбургские казаки из отрядов Блюхера и Каширина, прошедшие с боями путь от Оренбурга до Перми.

Во время формирования кавалеристы занимались боевой и политической подготовкой. Перед годовщиной Октября я вступил в большевистскую партию. В эти дни парторганизация у нас выросла до тридцати человек. Она проводила большую воспитательную работу среди бойцов и командиров, и особенно - среди перебежчиков от Колчака.

Первое время оренбургские казаки не доверяли бывшим белогвардейцам, и нам приходилось разъяснять, что эти люди выступали против Красной Армии не по своему убеждению, а по принуждению. Не обошлось, конечно, и без того, что некоторых из них за контрреволюционные высказывания довелось удалить из части.

Оренбуржцы воевали хорошо. Да и отдыхать умели. Чуть свободная минута уже, глядишь, песню завели или пляски организовали. Особенно этим отличался

2-й взвод, которым командовал Филимонов. Мой заместитель Трифонов был у нас главным запевалой. Голос у него был - заслушаешься!

В Тюмени я второй раз встретился с начальником 51-й дивизии В. К. Блюхером. Первое наше знакомство, когда я получал назначение в дивизион, было очень кратковременным. Теперь же Василий Константинович нашел время побеседовать со мной подольше. Он поинтересовался моей биографией. Слушал внимательно, время от времени задавал вопросы. Особенно подробно попросил рассказать о выступлении Ленина на площади перед Финляндским вокзалом и о первом сражении Красной Армии под Нарвой.

- А мое детство, земляк, прошло в Петрограде, - сказал Блюхер о себе.Потом участвовал в русско-германской, был тяжело ранен. Что такое царское самодержавие, на своем горбу прочувствовал. Вот и подался в Красную Армию, воевать за народное дело.

Василий Константинович был молод, строен, худощав, с небольшими темными усиками. По возрасту почти ровесник мне. Он показался настолько простым и обыкновенным, что я чуть не усомнился: а тот ли это Блюхер, добрая слава о котором разнеслась уже так далеко? Однако такая редкая в те годы

награда, как орден Красного Знамени, на его груди красноречиво подтверждала, что это он.

Василий Константинович произвел на меня очень приятное впечатление. Там же, в Тюмени, я вскоре увиделся с ним еще раз. Было это в начале осени.

Я проводил на манеже занятия по конной подготовке. Одна группа занималась прыжками через препятствия, другая рубкой лозы, третья колола пиками чучела и снимала кольца, четвертая упражнялась в вольтижировке и джигитовке.

Неожиданно раздался голос командира 2-го взвода Филимонова:

- Смирно-о!..

Я оглянулся и увидел: к нам приближались начдив Блюхер и командир нашего дивизиона Юшкевич. Подаю команду прекратить занятия, сажусь на коня и галопом скачу навстречу начдиву. После моего доклада он поздоровался с бойцами, потом обратился ко мне:

- Ну, как дела, земляк? Я рассказал, чем занимаемся.

Юшкевич спросил начдива, не желает ли он посмотреть, чему научились бойцы.

- В нашем распоряжении один час,- заметил Блюхер.

Я предложил ему план показа. Он согласился. Первый взвод пошел на полосу препятствий. У одного из солдат лошадь заупрямилась, у второго сбила барьер. Василий Константинович нахмурился и взглянул на меня.

- А ну-ка, земляк, сам покажи, как надо преодолевать эти штуки!

Я пустил коня галопом по манежу. Когда он разогрелся, я направил его на препятствия. Конь взял их легко.

Блюхер приказал то же самое проделать казакам. На этот раз и у них все получилось неплохо.

Начальник дивизии распорядился все занятия начинать с показа упражнений командирами.

- Личный пример необходим не только в бою, а и в учебе,- сказал Блюхер.

В других подразделениях посмотрели рубку, уколы, джигитовку.

Потом я всем эскадроном продемонстрировал построение. Завершил программу учебной атакой.

Начдив провел краткий разбор наших действий. Указав, на что нам надо обратить особое внимание, он объявил всем благодарность и пожелал успеха в совершенствовании боевой и политической подготовки. Прощаясь, Блюхер спросил, есть ли у меня жена. Я сконфуженно промолчал. Юшкевич доложил:

- Скоро будет. Калинин должен привезти ее из Вятской губернии. Разрешите отпустить его?

- Ну что ж, пусть съездит,- согласился Василий Константинович.

Наступила зима. И вновь начались сражения. Во время боев за Тобольск наш кавдивизион получил приказ передислоцироваться в Тюкалинск. Стояли сильные морозы, бушевали метели. Дороги засыпало снегом. Бывали случаи, что бойцы из-за плохой погоды теряли ориентировку и отставали. В районе Абадского, например, чтобы собрать людей, довелось даже звонить в колокол.

Продвигались медленно. А тут еще многие села вынуждены были обходить: в них свирепствовал тиф.

Колчаковцы, отступая, грабили население, поэтому и к нам местные жители иногда относились с подозрением. Вспоминается такой случай. После овладения Тюкалинском мы начали размещаться по квартирам. Когда мой коновод постучал в один из домов, хозяин ему ответил, что пустить нас на постой не может: в семье заразные больные. Я усомнился в искренности этих слов и, назвавшись врачом, вошел в помещение. На кровати лежала молодая женщина. Увидев "врача", она застонала. Мать ее забегала, готовя мне полотенце и воду. Я осмотрел "больную" и засмеялся. Рассмеялась и она.

Тогда я спросил хозяев, зачем же они соврали. Хозяйка ответила:

- Когда колчаковцы отходили, очень безобразничали. Вот мы на всякий случай и решили "заболеть тифом".

В Тюкалинске мы простояли всего несколько дней. Вылавливали застрявших здесь белогвардейцев, организовывали вывозку хлеба к железной дороге. Затем двинулись к Ново-Николаевску (ныне Новосибирск).

В декабре 51-я стрелковая дивизия после успешной операции под Тобольском сосредоточилась в районе Ново-Николаевска. Мы разместились в селе Койново. В течение января и февраля 1920 года шло формирование 51-го кавалерийского полка. Основу его составили наш кавдивизион и алтайские партизаны, прибывшие к нам на пополнение. Командиром полка был назначен Юшкевич, комиссаром Копысов, начальником штаба - Зыков, начхозом полка - Морев, квартирмейстером Гусев, заведовать оружием поручили Никлюдову. Командирами эскадронов стали: 1-го - я, 2-го - Доронин, 3-го - Хомутов, 4-го- Андреев, пулеметной команды Аксенов.

В эти дни мне еще раз довелось побывать у Блюхера. И вот по какому поводу. Когда началось формирование полка, меня

временно назначили заместителем Юшкевича. Признаюсь, у меня была надежда, что так и останусь на этой должности. Но вскоре командир полка сообщил, что нас с ним вызывает начдив.

- Зачем? - поинтересовался я.

- Там узнаешь.

На санях отправились в Ново-Николаевск. В штабе 51-й дивизии нам сказали, что Василий Константинович у себя на квартире. Взяли адрес, поехали. Нашли быстро. Юшкевич вошел в дом, а я остался на улице. Через некоторое время адъютант Блюхера пригласил и меня. Расспросив нас о том, как идет формирование части, Василий Константинович сказал, что его ходатайство о моем выдвижении отклонено. Заместителем командира полка, начальником штаба, начальником связи Москва утвердила бывших царских и колчаковских офицеров.

Видя, как от этого сообщения помрачнело мое лицо, Блюхер спросил:

- Недоволен?

- Конечно,- ответил я.- Мы их били, а теперь им подчиняться...

- Ничего не поделаешь, земляк,- ответил Блюхер.- Они грамотные, и мы должны у них учиться.

С этим доводом пришлось согласиться.

Когда с делами было покончено, Блюхер предложил выпить чаю. Сели за стол. Василий Константинович поинтересовался настроением бойцов, нашими нуждами и даже состоянием здоровья. Уехали мы от него уже поздним вечером.

Через несколько дней к нам на укомплектование полка прибыли алтайские партизаны. Погода стояла ясная, морозная. Алтайцы выстроились на сельской площади. К ним на лошадях выехали командир части Юшкевич и почти весь штаб. Юшкевич поздравил партизан с вступлением в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, рассказал о положении на фронте.

После него слово взял командир партизанского отряда. Все было хорошо. Встреча получилась сердечной. Но вот дело дошло до распределения по эскадронам, и партизаны вдруг зашумели.

- Разбивать нас не дадим!

Пришлось им разъяснить, что служить они будут все вместе, в одном полку, только в разных подразделениях.

- А разделяем потому,- убеждали командиры,- что в каждом эскадроне у нас своя масть.

Едва уговорили.

Однако, придя в подразделения, партизаны снова забузили. Оказалось, что некоторых командиров взводов, служивших ранее у Колчака, они знали лично и даже воевали против них.

- Не будем подчиняться белогвардейцам! - заявили алтайцы.

Дело дошло до того, что один из бывших офицеров вдруг бесследно исчез...

Много довелось приложить сил командиру и политработникам, пока отношения между бойцами и бывшими "благородиями" наконец стали сносными.

Вскоре мы получили приказ на передислокацию. Нас направляли в Иркутск. Перед погрузкой в эшелоны состоялось совещание командиров. Юшкевич обратил наше внимание на то, что среди алтайцев есть такие, которые не желают покидать родной край.

В связи с этим перед партийной организацией и политсоставом встала задача разъяснить людям, что теперь у всех у нас одна цель - окончательно разбить Колчака, где бы он ни находился.

Пришлось заняться нам также и серьезной проверкой бывших белогвардейцев. И не зря. Немало из них оказались врагами.

В полку был раскрыт заговор. Начальник штаба Зыков, начальник связи Севастьянов и некоторые командиры взводов собирались бежать к белобандиту Семенову. Всех их постепенно разоблачили и арестовали.

Разгрузились мы на станции Иннокентьевская. Через Иркутск прошли маршем. Остановились в селе Хомутово, недалеко от Байкала. Здесь пробыли до июля. Все это время занимались боевой и политической подготовкой.

В начале июля 51-я стрелковая дивизия была направлена на Южный фронт. Наш полк следовал в первых эшелонах. Лишь на восемнадцатые сутки мы доползли до станции Апостолово. Измученные длительной дорогой в душных вагонах, бойцы с удовольствием выгрузились на станции, окутанной предутренним туманом. Походным порядком двинулись на Берислав, к Днепру, на противоположном берегу которого раскинулась Каховка.

В Берислав вошли, когда на горизонте уже догорала вечерняя заря.

Представитель штаба дивизии, ознакомив нас с обстановкой, вручил приказ Блюхера - ночью переправиться через Днепр и расквартироваться в Каховке. Там сосредоточивалось все соединение.

В Каховке произошла трогательная встреча с земляками, прибывшими к нам на пополнение. Я разговаривал с начдивом, когда вдруг услышал:

- Ребята, глядите, это же наш Николай! Сын Калины!

Я сразу узнал земляков из деревни Тимонино - Александра Бологова, Николая Ермакова и других. Мы крепко обнялись и

расцеловались. Они попросили меня взять их к себе в 1-й эскадрон.

Блюхер эту просьбу удовлетворил.

1-й эскадрон расположился в селе Любановка. Собрались, отдохнули, привели себя в боевой порядок. Ребята выглядели молодцами.

20 августа 1920 года перед рассветом наше подразделение вместе с приданной батареей и пулеметным взводом выступило по маршруту Любановка - Федоровка. Перед нами стояла задача разведать силы противостоящего противника.

В районе Дмитриевки мы обнаружили движение неприятельских колонн, одна силою до эскадрона, другая - до двух. Примерно часов в 8 утра мы атаковали вторую колонну. Завязался бой. Врангелевцы в конном строю пошли навстречу. Наши артиллеристы и пулеметчики открыли огонь...

Я попытался обойти противника с фланга. Но в это время со стороны Федоровки показалось около полка вражеской конницы. Мне было приказано спешиться и задержать ее до подхода основных сил нашего полка.

Врангелевцы вошли в Константиновку и тоже начали готовиться к пешему бою. На какое-то время наступило затишье.

Солнце пекло уже по-дневному, когда 1-й эскадрон снова развернулся для атаки. Я рассчитывал, что неприятель будет отбиваться спешенным. Однако он предпочел конный строй. Тогда и мы сели на лошадей.

Сошлись грудь в грудь. Наши кавалеристы действовали пиками, а врангелевцы - шашками. Это давало нам некоторое преимущество. Противник не выдержал и стал отходить. Мы бросились преследовать. Подо мной убило коня. Гнедой красавец в белых чулках, падая, придавил мою раненую ногу. На какой-то момент среди наших бойцов началось замешательство. Враг воспользовался этим и попытался контратаковать.

Ко мне подскакал боец Первухин, посадил на свою лошадь, и мы помчались к своим тачанкам. Выдвинув вперед восемь пулеметов, я приказал открыть огонь по белогвардейцам. Длинные очереди хлестнули по ним почти в упор. В критический момент неприятель подбросил свежие силы. Тогда и Юшкевич поддержал нас 2-м и 4-м эскадронами. Напряжение боя возрастало. Только после трех наших конных атак враг был наконец сломлен. Понеся большие потери, он отошел.

51-я, 52-я и Латышская дивизии под общим командованием Василия Константиновича Блюхера получили приказ нанести главный удар в направлении Серогозы, Мелитополь.

В связи с этим перед 51-м кавполком была поставлена задача

выйти в тыл противнику и вести разведку боем в направлении Агаймань, Ивановка, Серогозы, Мелитополь. 1-й и 2-й эскадроны двинулись к Нижним Серого-зам и Мелитополю. Нам удалось незаметно подойти к Серогозам. Там находилось несколько подразделений врангелевской конницы. Офицеры, не подозревая об опасности, кутили в здании школы. Отрезав противнику пути отхода, мы внезапно ударили по селу. В нем поднялась паника. Белогвардейцы метались из конца в конец Серогоз, пытаясь вырваться из села. Но везде попадали под меткие выстрелы и острые клинки. В короткое время враг был наголову разбит.

Под Агайманем нас встретила кавалерия и пехота неприятеля. Решительной атакой в конном строю мы вместе со 2-м эскадроном смяли врангелевцев, захватили штаб их полка.

К этому времени от белых был освобожден весь район от Каховки до Мелитополя.

В Агаймань, где расположились 1-й и 2-й эскадроны, прибыл командующий 6-й армией Южного фронта Август Иванович Корк. Он дал указание частям нашей дивизии приостановить дальнейшее наступление и начать подготовку к решающим боям за Перекоп - последний оплот белогвардейщины.

Наш полк был выдвинут на рубеж экономия Зеленая - хутор Царицын Александрове. Отсюда мы совершали вылазки в тыл врага, не давая ему сосредоточивать силы, держа его в постоянном напряжении. Ну и, конечно, вели разведку.

Противник тоже предпринимал попытки прощупать нас. 1 октября 1920 года он в течение всего дня редким артиллерийским огнем обстреливал правый участок каховского плацдарма. Под вечер со стороны Николаевки атаковал наши позиции в районе групповой кавалерийской завесы 51-го и 9-го кавалерийских полков. Врангелевцам удалось несколько потеснить заставы и занять Антоновку. Затем они устремились к хутору Царицын. Однако подразделения 51-го полка контратакой опрокинули их и восстановили положение. Попытки белогвардейцев сгруппироваться южнее Царицына были пресечены артиллерийским огнем.

На рассвете 4 октября 51-й полк вклинился в оборону противника. 1-й и 2-й эскадроны под моей командой ворвались в Дмитриевку и Федоровку и вступили в бой с располагавшимся там вражеским батальоном. Наш удар оказался для неприятеля настолько неожиданным, что он не сумел оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления. Врангелевцы были разгромлены. Мы взяли в плен 29 офицеров и 119 солдат, захватили исправное орудие английского образца с упряжкой, снаряды к нему, 8 пулеметов на тачанках с большим количеством боеприпасов, 150

винтовок, батальонный обоз с провиантом и много инженерного имущества.

Одновременно с нами 9-й кавполк атаковал Константиновку. Его поддержали два эскадрона 51-го полка с бронемашинами. Конники окружили село и после короткой перестрелки завладели им. Здесь было пленено 18 офицеров и 85 солдат, отбито одно орудие, четыре пулемета, батальонный обоз.

За эту вылазку А. И. Корк от имени Реввоенсовета армии объявил частям 51-й стрелковой дивизии благодарность. По приказу Блюхера мы отошли на исходные позиции.

10 октября 51-й полк снова ударил по Федоровке. Несмотря на сильный ружейно-пулеметный огонь, кавалеристы пробились в село и уничтожили находившийся там гарнизон, захватили 350 белоказаков, 15 офицеров, в том числе одного полковника - командира части. Из трофеев - 2 исправных орудия, 8 пулеметов, около 300 винтовок, 20 тысяч патронов, много инженерного имущества и средств связи.

14 октября рано утром корпус генерала Витковского повел наступление на каховский плацдарм. Наша артиллерия открыла огонь. Однако танки противника все же прорвали оборону 51-й дивизии и устремились к переправе, чтобы отрезать нам путь за Днепр.

Но тут у белогвардейцев вышла осечка. Танки были пропущены лишь через позиции первой линии. А дальше на них обрушился шквал огня. Артиллеристы били прямой наводкой, и стальные машины выходили из строя одна за другой.

На одном из участков врангелевцы, пробившись сквозь проволочные заграждения, завладели окопами первой линии. Со второй линии бойцы огневой бригады встретили их огненными струями. Это ошеломило белогвардейцев. Воспользовавшись этим, конница разгромила врангелевцев наголову.

Ожесточенная борьба с просочившимися танками противника разгорелась в районе Каховки. Здесь оборону держали 51-й кавполк и пехотные подразделения. На улицах городка были устроены завалы, подготовлены ямы-ловушки. Танки встречали артиллерийским огнем, забрасывали гранатами.

Одна из машин, проскочившая в Каховку, провалилась в погреб, другая - в баню-землянку. Бойцы набросились на них, стали бить прикладами по броне, требуя выхода экипажей. Врангелевцы не выходили. Тогда танки облили горючей смесью и подожгли. На броне одного была надпись "Генерал Корнилов!".

Неприятель бросил в бой свой последний резерв - 10 бронемашин. Но и они были уничтожены.

За три дня боев на каховском плацдарме группа генерала

Витковского была разгромлена. Развивая успех, 51-я дивизия перешла к преследованию отходивших на юг врангелевцев. Несмотря на трудности, соединение шаг за шагом уверенно продвигалось вперед. Кавгруппа Юшкевича при поддержке 454-го стрелкового полка заняла хутор Круглово и совместно с частями 152-й стрелковой бригады двинулась в обход Натальино. Маневр этот удался. Натальино перешло в наши руки. Во время боя за село было много пленено солдат и офицеров. Противник в панике бежал на юг.

21 октября представитель Московского Совета вручил 51-й Московской стрелковой дивизии почетное революционное Красное знамя.

26 октября дивизия сосредоточилась в Каховке как резерв группы. Затем директивой командующего армией из 51-й, 15-й и Латышской дивизий, Отдельной кавалерийской бригады и автоброневых частей была создана ударная группа под командованием В. К. Блюхера.

На третий день 152-я стрелковая бригада и кавалерийская группа Юшкевича из-под хутора Тельниково повели наступление на Натальино. У противника здесь были полевые укрепления с хорошо развитой системой огня, атаковать с фронта этот населенный пункт не имело смысла. Было решено так: 455-й стрелковый полк обойдет Натальино с севера, а кавалерийская группа Юшкевича - с юга и юго-востока. Противник попытался было двумя полками ударить во фланг и тыл нашей конницы. Но кавалеристы быстро развернулись и стремительным ударом опрокинули белогвардейцев. Много их было изрублено, до трехсот человек взято в плен. Спастись удалось лишь конным разведчикам и нескольким пулеметным упряжкам.

Но и наша кавалерийская группа понесла немалые потери, особенно в командном составе. В числе других в этот день погиб и командир группы Адольф Казимирович Юшкевич. Случилось это при следующих обстоятельствах. После прорыва укрепленной полосы белых 152-й стрелковой бригадой в бой была введена кавгруппа Юшкевича.

Несмотря на пулеметный и артиллерийский огонь, она по пятам преследовала врангелевцев, колола их пиками, рубила шашками. В одном из хуторов мы обнаружили скопление обозов. Я со связными поскакал туда. Бойцы Беседин, Завадский, Скоба и еще несколько человек обошли подводы, уничтожили на тачанках пулеметные расчеты. Уцелевшие врангелевцы сдались в плен. В это время к нам подъехал Юшкевич. Я доложил ему об успешном продвижении 51-го кавполка.

Тут же пришла новая приятная весть: из района Чаплинки на

Перекоп начала отходить артиллерия противника. Юшкевич, видимо ободренный успехом, подал нам команду:

- Вперед!..

Сам он тоже поскакал вслед за отходящим неприятелем.

Не помню точно, сколько прошло времени, как мне на глаза попалась оседланная лошадь без всадника. Я сразу узнал коня Юшкевича. Кликнул ординарца и велел узнать, что с командиром группы.

Примерно через час мне доложили, что он погиб, но трупа не нашли.

Когда мы прибыли в Чаплинку, я поручил командиру эскадрона Колесникову разыскать тело Юшкевича.

Отыскали его не скоро. Умер Юшкевич от ран в живот. Их оказалось двенадцать.

Похоронили командира со всеми воинскими почестями.

Командовать кавгруппой стал Житов, а 51-м полком - я. Шел мне тогда двадцать третий год...

Мы продолжали преследовать противника до самого Черного моря.

На рассвете 8 ноября 151-я стрелковая и огневая бригады завяли исходное положение и приступили к разрушению проволочных заграждений перед Турецким валом. Готовился штурм Перекопа.

В течение ночи удалось снять одну линию в три кола. На рассвете подрывники приступили к уничтожению второго ряда. Противник открыл ураганный огонь из винтовок и пулеметов. Группа разграждения несла большие потери и несколько раз вынуждена была отходить. Туман мешал нашим артиллеристам. Только в одиннадцатом часу они начали подготовку.

Под прикрытием батарей стрелковым цепям удалось приблизиться к Турецкому валу шагов на триста. Врангелевцы понимали, конечно, что это их последний рубеж, и потому отстаивали его с отчаянием обреченных.

Только во второй половине дня нашим бойцам удалось проделать несколько проходов во второй линии заграждений. Тотчас же в них устремились 151-я стрелковая и ударная огневая бригады. Однако, продвинувшись всего шагов на двести и понеся большой урон, они снова вынуждены были залечь.

Турецкий вал по тем временам считался сооружением совершенно неприступным. Воздвигнут он был очень давно, еще во времена господства крымских ханов. Стена из земли и камня, протянувшаяся по фронту на 12 километров, имела высоту более 7 метров. В ней имелись бойницы, ходы сообщения, около пятисот пулеметных точек, артиллерийские капониры. А перед

валом пролегал глубокий и широкий ров, переходящий в овраг, который концами упирался с одной стороны в Сиваш, с другой - в Черное море.

Нечего и говорить, позиции белогвардейцев были во сто раз выгоднее наших. Ведь мы перед ними лежали как на ладони. Врангелевцы расстреливали красноармейские цепи картечью, засыпали минами и даже гранатами.

Первая атака 455-го стрелкового полка, несмотря на проявленные бойцами беспримерный героизм и самопожертвование, была противником отбита. Подразделения понесли большие потери, особенно среди командного состава.

После этого несколько часов длился ожесточенный огневой бой. Затем часов в 7 вечера на штурм Турецкого вала пошли 151-я стрелковая и огневая бригады. В этот раз наши подрывники сумели приблизиться к подножию вала шагов на пятьдесят и проделали несколько проходов в препятствиях. Стрелки пытались воспользоваться ими, но свинцовый ливень сметал их.

Потеряв много убитыми и ранеными, атаковавшие опять откатились на исходные позиции.

Лишь 9 ноября в 2 часа дня 152-я стрелковая и огневая бригады, забросав проволочные заграждения шинелями и прихваченными с собой матами, стремительным броском наконец преодолели последние десятки метров и выскочили к почти отвесному валу. Еще одно нечеловеческое усилие, и сильно поредевшие цепи красноармейцев оказались наверху стены. Победное "ура" разнеслось над бескрайней степью.

Врангелевцы дрогнули и стали отступать. По пятам за ними пошла 152-я стрелковая бригада. В коротких, но ожесточенных боях она разгромила несколько вражескиу подразделений, заняла Караджанай и повела наступление на Армянск, нанося белогвардейским частям фланговые удары.

153-я стрелковая бригада, переправившись через Сиваш на Литовский полуостров, наступала на Армянский Базар.

Наш 51-й кавполк к этому времени прошел Перекопские ворота. Впереди нас продвигался бронеотряд К. С. Бабича, за ним уступом вправо 9-й кавалерийский полк. Мы преследовали врангелевцев при неослабевающей артиллерийской поддержке. 1-й и 2-й эскадроны вышли к Армянску и овладели его окраиной. 3-й и 4-й эскадроны атаковали Армянский Базар с юго-запада. Врангелевцы были зажаты с двух сторон и разбиты.

Нам удалось захватить свыше тысячи пленных и штаб белогвардейской дивизии во главе с генералом.

Дальнейшему продвижению 51-го кавполка мешал бронепоезд, курсировавший между станциями Армянский Базар и

Юшунь. Он прикрывал отступление белогвардейцев. Кавалеристы задались целью во что бы то ни стало захватить его. Выделенный мною отряд саперов под командой Петрова разобрал железнодорожный путь между станциями Армянский Базар и Юшунь. Полковая батарея открыла по бронепоезду огонь, а спешившиеся конники атаковали стальную крепость. Несмотря на некоторую рискованность этой операции, она закончилась успешно. Бронепоезд оказался в наших руках целым и невредимым.

С подходом 153-й стрелковой бригады к Армянскому Базару конники привели себя в порядок и двинулись на Юшунь. Отхуда нас обстреляла вражеская артиллерия. У какого-то хуторка противник встретил наш полк огнем тяжелых пулеметов, начал бомбить с воздуха. Пришлось спешиться, занять оборону и держаться до подхода 9-го кавполка. А вскоре подтянулась и вся группа Житова. Разгорелся жаркий бой, продолжавшийся несколько часов.

Дело доходило до рукопашных схваток.

На подмогу нам подоспел 453-й стрелковый полк. Но и он по внес перелома. Тогда решили пойти на хитрость. В моем резерве имелось сорок пулеметных тачанок. Они располагались в полковом тыну. Я приказал эскадронам отходить за эти тачанки. Неприятель принял этот маневр за бегство и начал преследовать наших конников.

Когда врангелевцы оказались перед пулеметами, те дружно ударили по врагу. К ним присоединились и две артиллерийские батареи. В это время 9-й кавполк атаковал белогвардейцев с фланга. Противник был разбит. Лишь немногим уцелевшим его подразделениям удалось отойти за Юшуньские укрепления.

Станция Юшунь также явилась для нас крепким орешком. Но и его раскололи.

Дальше пошло легче. Вырвавшись на просторы крымских степей, кавалеристы вместе со стрелковыми частями стремительно преследовали врангелевцев.

Утром 15 ноября 1920 года наши войска вошли в Севастополь. На окраине нас встретила делегация горожан во главе с подпольным комитетом партии. Состоялся короткий митинг. Радости севастопольцев не было границ.

Основные силы кавгруппы Житова, совершив 75-верстный марш, вступили в город в 9 часов 15 минут. Чуть позже прибыла 153-я стрелковая бригада.

Товарищи из партийного комитета рассказывали, что до самого последнего момента белогвардейцы грузились на пароходы. На пристанях творилось что-то невообразимое. Но всем

желающим уехать, конечно, не удалось. Они прятались по чердакам и подвалам. При помощи местного населения их вытаскивали оттуда. Я распорядился, чтобы подразделения прочесали улицы. 1-й эскадрон, которым теперь командовал Колесник, направился в Севастопольскую гавань, 2-й во главе с Поздеевым - на северную окраину города. Офицеров арестовывали и отправляли в штаб, расположенный в бывшем дворце барона Врангеля, под охрану 3-го эскадрона (командир Хомутов). Полковая батарея стояла на огневой позиции на Северной балке и вела беглый огонь по судам, не успевшим еще уплыть далеко.

Во второй половине дня около штаба скопилось большое количество пленных. Среди них были и насильно мобилизованные донские и кубанские казаки, украинцы. Были и добровольцы - ярые враги Советской власти и даже иностранцы. Всего наши войска в районе Севастополя захватили около 4 тысяч офицеров и 10 тысяч солдат.

Врангель был разбит. Мы торжествовали победу.

В течение трех дней 51-й кавполк пополнялся людьми, лошадьми, оружием, боеприпасами, продовольствием, снаряжением. Когда с этим было покончено, мы с комиссаром построили часть и с трудом узнали бойцов. На многих ладно сидели новенькие английские шинели, под кавалеристами поскрипывали прочные канадские седла, на вооружении появились казачьи шашки в серебряной оправе, у некоторых пулеметчиков и ездовых на длинных ремнях болтались неположенные пистолеты. Даже оркестранты и те обзавелись трофейными инструментами.

Я поздравил конников с победой. Адъютант полка зачитал перед строем приветствие Владимира Ильича Ленина и приказ командующего Южным фронтом. Михаил Васильевич Фрунзе благодарил войска за успешные боевые действия но разгрому врангелевских контрреволюционных войск.

Многие участники штурма Перекопа, а в их числе и я, были награждены орденом Красного Знамени.

Большой группе командиров и политработников наш шеф - Моссовет прислал ценные подарки. В 51-м кавполку они были вручены Елсукову, Колеснику, Бахареву, Поздееву, Петрову, Аксенову, а также бойцам Беседину, Завадскому, Полежаеву, Первухину и другим.

20 ноября 51-й кавполк был поднят по тревоге. Перед нами ставилась задача: догнать махновский отряд, возглавляемый Матюшенко, и разоружить его.

После разгрома Врангеля банды Махно начали отходить в

Таврию, промышляя грабежом. Мы настигли Матюшенко недалеко от села Кача. Боя решили пока не завязывать. Затеяли переговоры с командиром отряда. В доме, где располагался Матюшенко, мне попалась на глаза листовка, в которой было такое требование: "Все вопросы управления решает местная власть с представителями армии батьки Махно". Такой наглости оставалось только удивляться.

Пока мы в помещении беседовали, махновцы сняли с наших лошадей седла. На мой вопрос: "Что это значит?" - Матюшенко заявил: если мы отыщем пропажу, то он при нас расстреляет виновного.

Тогда мы обезоружили всех находившихся в комнате махновцев. А остальные были обезврежены, когда прибыл командир 153-й стрелковой бригады Круглов. Часть махновцев бежала, бросив награбленное. Остальные сложили оружие. После окончательного очищения Крыма от белогвардейцев мы получили приказ передислоцироваться в город Вознесенск, Одесской губернии, шли туда через Каховку, где был похоронен Юшкевич. У его могилы мы провели митинг. Полк построился в каре. Комиссар полка Елсуков от имени всего личною состава части поклялся беспощадно бороться с врагами молодой Советской республики, отомстить за смерть любимого командира.

После комиссара выступил я. Кратко рассказав о жизни и боевых делах Адольфа Казимировича. Юшкевича, я призвал кавалеристов служить революции так же самоотверженно и преданно, как это делал он. Бойцы единодушно заявили:

- За родную Советскую власть, за партию Ленина будем биться с врагами насмерть!

На Украине мы обнажили свои сабли против банд Махно.

Еще в Севастополе на служебном совещании Климент Ефремович Ворошилов говорил, что махновцы вынужденно участвовали в разгроме врангелевцев, со временем они снова вернутся к бандитизму.

В январе 1921 года 51-й кавполк расквартировался в Вознесенске. В один из дней сюда прибыл председатель ЦИК Украины Григорий Иванович Петровский. Он провел митинг частей с участием городского населения. В своей речи Григорий Иванович призвал как можно скорее ликвидировать остатки банд и закрепить на местах Советскую власть.

В мае 51-й кавалерийский полк перешел в Курско-Покровское, а затем в район Балта, Бандурово, Первомайск, Саврань с задачей ликвидировать гулявшие там разномастные бандитские ватаги.

Одна из них, как нам стало известно, обосновалась в

Бандуровском лесу. Возглавлял ее Заболотный. Состояла банда в основном из дезертиров. Сначала мы вылавливали их в селах, когда они наведывались в свои хаты. Но таким образом в наши сети попадались лишь единицы. Тогда был издан приказ, в котором содержалось такое условие: "Кто сдается добровольно, тому прощается прошлое, и он может спокойно жить дома и работать".

И, надо сказать, обращение это нашло отклик. Многие из "зеленых" пришли с повинной. Но в целом отряд Заболотного продолжал действовать.

К нам в полк приехал Павел Ефимович Дыбенко, который теперь командовал 51-й стрелковой дивизией.

Он предложил тщательно прочесать весь район. Однако результат оказался неутешительным.

Расстроенный, я полевой дорогой направился в Михайловку. Неожиданно мое внимание привлекли парни, пахавшие землю. Их было порядочно, и это показалось мне весьма подозрительным. Я сказал об этом Дыбенко. Он сначала засомневался, потом согласился проверить.

Выскакиваю на коне поближе к работающим, стреляю вверх, потом галопом скачу в Михайловку. Парней как будто подменили. У них мгновенно откуда-то появилось оружие, и позади себя я услышал частые винтовочные хлопки. Огонь открыли и из села. Мы с Дыбенко отскочили к лесной опушке.

На шум пальбы примчался один из наших эскадронов. Он атаковал банду, пытавшуюся рассеяться. Но кавалеристам удалось выловить около полусотни негодяев во главе с Заболотным. Их заперли в помещении клуба.

После этого созвали жителей Михайловки, зачитали ем постановление правительства Украины о борьбе с бандитизмом и предложили выдать всех, кто скрывается в селе, а вместе с этим сдать имеющееся на руках оружие.

Крестьяне явно не спешили выполнять наше требование. Они лишь настороженно переглядывались между собой.

Пришлось пойти на крайнюю меру. Наиболее опасные враги Советской власти, схваченные нами во время стычки на окраине Михайловки, были приговорены к расстрелу. Видя, что дело принимает серьезный оборот, жители села назвали имена местных главарей, указали, где спрятано оружие.

Банда Заболотного была разгромлена, а сам он отправлен в Одессу, в губчека.

Оставив 1-й эскадрон под командованием Колесникова в Михайловке, я с остальными вернулся в Бандурово. Дыбенко отбыл в Одессу.

Мы не считали, что с антисоветской нечистью в Михайловском полностью покончено. Поэтому еще раз прочесали село и окрестности, арестовали всех, кто был на заметке, и отправили их в Балту.

В августе 1922 года я получил приказ сдать 51-й кавполк Белову и заняться изъятием церковных ценностей в этом районе. Начал с Бандурова. С местным священником удалось договориться, и первая операция такого рода прошла тихо и мирно.

В Саврани прихожане выступили было с протестом. Но узнав, что это не самочинная реквизиция, а государственный сбор средств на восстановление разрушенного войной хозяйства, успокоились и не стали больше чинить нам препятствий.

В сентябре 1922 года наш полк перебросили в район Рыбницы на охрану государственной границы. Штаб части расположился в Балте.

В ноябре нас перевели в Тирасполь. Здесь мы какое-то время занимались боевой и политической подготовкой.

В декабре 51-й кавполк направился под Умань в распоряжение Г. И. Котовского.

В штаб 2-го Конного корпуса, которым командовал Григорий Иванович, мы пришли с командиром вновь формируемого полка В. И. Чистяковым. Котовский был весь в ремнях, с шашкой в серебряных ножнах. Широкую грудь его украшали три боевых ордена с красными бантами. Принял он нас любезно.

- Здравствуйте, - сказал Григорий Иванович, немного заикаясь, и пожал каждому руку. - Садитесь...

Чистяков доложил о том, как идет формирование части, о политико-моральном состоянии бойцов. Внимательно выслушав комполка, Григорий Иванович расспросил его, в каком состоянии находятся бойцы, кони, вооружение, боеприпасы и транспортные средства.

Высокий, крепкого телосложения, очень подвижный, Котовский умел как-то удивительно быстро располагать к себе собеседников. Будто и немного поговорили мы с ним, а у меня уже возникло чувство, что я давным-давно знаю Григория Ивановича. В нем удачно сочетались и душевная теплота и высокая требовательность.

Прощаясь с нами, он распорядился:

- Людей побрить, вымыть в бане. Лошадей вычистить до блеска. Комдив Криворучко и я проверим.

Котовский, которого я видел впервые, произвел на меня хорошее впечатление.

Вскоре он, как и обещал, приехал в полк, чтобы лично

посмотреть наше "хозяйство", оказать помощь на месте.

Новой части дали номер 54-й. Потом его заменили другим, и полк стал именоваться 16-м кавалерийским. Он входил в состав 3-й Бессарабской дивизии. Меня назначили командиром 1-го эскадрона, который стоял в Козинцах.

Потянулись дни напряженной учебы. Занятия в классах перемежались с выходами в поле.

В 1923 году состоялись корпусные учения. Они проводились в районе Винницы. 1-му эскадрону предстояло вести разведку. Котовский лично проинструктировал меня, как надо действовать, какие сведения раздобыть. Подойдя к карте, он показывал, где вероятнее всего можно встретить "противника".

- Действуйте решительно, как в настоящем бою. Настроение у Котовского было хорошее, он много шутил. Это и на меня подействовало ободряюще.

Маневры прошли неплохо. В них кроме нашего участвовал также 1-й Червонный корпус. После разбора учений состоялся парад войск. Принимал его Народный комиссар обороны Михаил Васильевич Фрунзе.

Вскоре после этого события 3-я Бессарабская дивизия была передислоцирована в Бердичев. Части ее расквартировались в районе Лысой Горы, а штаб - в центре города.

Сразу же приступили к оборудованию казарм, конюшен, помещений для оружия и боеприпасов.

В короткий срок от Бердичева к Лысой Горе была построена железная дорога протяжением около 7 километров. По ней доставлялись материалы, фураж, продовольствие и другие грузы. Водопровода в военном городке не было. По договоренности с местным населением потребное количество воды мы брали из колодцев хуторян.

В штаб дивизии часто приезжал Котовский. Он интересовался, как идут работы, изучал людей.

Как-то утром, когда кавалеристы вывели своих коней на водопой, я увидел в вишневом садике, близ колодца, лежащего на траве человека в полувоенной форме. Подошел к нему ближе и вдруг узнал в нем командира корпуса. От неожиданной встречи я растерялся и не знал, что делать: подавать команду "Смирно!" или просто поздороваться. Котовский выручил меня. Он пригласил:

- Садитесь рядом и - ни слова... Я повиновался.

Через некоторое время Григорий Иванович шепотом произнес:

- Лежу вот и слушаю, о чем наши красноармейцы между собой говорят. Полная свобода, никакой дипломатии. И про нас,

командиров, все как на духу. Вот где истинное настроение, симпатии и антипатии! Теперь ваш полк знаю не из вторых рук. Послушайте-ка...

Мы пробыли в саду около двух часов. Действительно, в докладах по команде такого откровения не встретишь. Кавалеристы вели речь и о политике, и о своих нуждах, и о самовольных отлучках, и о командирах.

На другой день вечером Котовский собрал в клубе весь командный и политический состав. Вот тут он и рассказал присутствующим о таких вещах, о которых никто и представления не имел.

- Наш командир и политработник, - говорил Григорий Иванович, - должен обучение и воспитание людей проводить целеустремленно и предметно. А для этого надо хорошо знать своих подчиненных, почаще бывать среди них, по душам беседовать с ними, знать, что волнует красноармейцев, как они настроены.

Котовский напомнил, что идейно закаленные бойцы в бою - бесстрашны, и требовал, чтобы партийно-политическая работа в подразделениях и частях велась постоянно.

Большое внимание комкор уделял также спорту. Он рассматривал его как составную часть боевой подготовки и поэтому всячески поощрял. Особенно конный. В соединении часто проводились конноспортивные соревнования.

А однажды мы приняли участие даже в состязаниях на первенство Украинского военного округа. Проходили они на Харьковском ипподроме. В числе других и мне было доверено отстаивать честь 3-й Бессарабской дивизии.

Котовский поехал с нами. Перед началом заездов он собрал всех спортсменов соединения и по-отцовски пожелал успеха.

Подбадривая нас, спросил:

- Ну как, одолеем своих соперников? Хотя бы червонцев? - И сам отвечал: Должны!

Во время скачек Григорий Иванович находился в ложе вместе с другими командирами и представителям!! местной власти и активно, как теперь говорят, "болел" за нас.

И мы не подвели его. В командном зачете кавалеристы нашего корпуса вышли победителями. Я стал первым призером за выездку молодой лошади и вторым за прыжки в высоту.

Котовский был доволен итогами состязаний. Он поздравил нас с победой и всех отличившихся наградил ценными подарками.

Мы пообещали ему еще шире развернуть конный спорт в подразделениях и на соревнованиях, которые намечалось

провести осенью следующего года, добиться более высоких результатов.

Но к глубокому нашему сожалению, Григорий Иванович не дожил до того дня. В 1925 году прославленного героя гражданской войны сразила вражеская пуля. Тяжело переживали мы эту утрату.

В корпусе Котовского на разных должностях я прослужил до 1932 года. Затем поступил учиться в Военную академию имени М. В. Фрунзе. По окончании ее в 1936 году вернулся в тот же корпус, только теперь в 14-ю кавалерийскую дивизию, и стал командиром 59-го кавполка.

В 1939 году участвовал в освобождении Западной Украины, а в 1940 году Бессарабии. В это время меня назначили командиром 131-й стрелковой дивизии, переформированной затем в мотострелковую. Так я расстался с конницей, в которой прослужил 24 года, пройдя боевой путь от рядового до командира дивизии.

Между Доном и Волгой

1 марта 1942 года после выздоровления меня направили в Москву в распоряжение командующего кавалерией Красной Армии генерал-полковника О. И. Городовикова. Ока Иванович разрешил мне пятидневный отпуск для поездки в Кировскую область, на станцию Зуевка. Там находилась моя семья, которую я не видел с первого дня войны. Разыскать ее помогли фронтовые корреспонденты, когда я лежал в госпитале.

В Москву вернулся с женой Натальей Григорьевной. Устроились с нею в гостинице ЦДКА.

Когда явился в штаб, у О. И. Городовикова встретил генерал-майора В. Е. Белокоскова. С ним мы вместе служили в Украинском военном округе.

Василий Евлампиевич сообщил мне:

- В Тимирязевском госпитале лежит раненый Рокоссовский.

Мы с женой тотчас же отправились к Константину Константиновичу. Рокоссовский был в тяжелом состоянии, и к нему никого не пускали. Но Константин Константинович настоял, и нам разрешили войти к нему, только строго-настрого предупредили, чтобы долго не задерживались.

Когда вошли в палату, Константин Константинович вопреки запрещению сидел на кровати. Он даже попытался встать на ноги, но сестра категорически запротестовала.

Мы обнялись. Рокоссовский пригласил сесть. Начались взаимные расспросы.

- А как вы, Наталья Григорьевна, живете? Куда вас война

занесла? обратился он к моей супруге.

Жена рассказала. Потом добавила:

- Мы-то что! Вы-то, Константин Константинович, как себя чувствуете? Вон как вас война зацепила!

- Бывает. Ладно, хоть жив остался.

Рокоссовский был тяжело ранен в грудь в боях под Москвой. Он в то время командовал 16-й армией.

- А вы, Николай Васильевич, где сейчас? - снова повернулся ко мне Константин Константинович.

- Да вот только приступаю к обязанностям начальника боевой подготовки в штабе Городовикова.

- Опять конником стал!

- Да. Но, думаю, ненадолго.

Константин Константинович на минуту задумался, потом спросил:

- Что там, в верхах, слыхать о нас, попавших в эти постели?

- Точно сказать не могу, но будто намечаетесь на военный округ.

- Нет, это уж ни за что. Лучше поеду командовать дивизией, даже полком, но только не в тыл. Пришла сестра:

- Товарищи посетители, пора уходить. Мы с женой начали было собираться. Однако Константин Константинович сказал нам:

- Посидите еще. Я не устал, сестра. Дайте нам, пожалуйста, два стаканчика.

Через минуту медсестра принесла стаканы, молча поставила их на столик и вышла. Если б она знала, как мы ей были за это благодарны! Константин Константинович указал глазами на тумбочку:

- Откройте, там что-то есть. Друзья передали, а мне нельзя было. Сегодня, думаю, немножко можно...

Мы выпили.

Супруга моя поинтересовалась, где находится семья Рокоссовского.

- Юлия Петровна с дочкой в Новосибирске, - ответил он. - Собираются в Москву.

Константин Константинович начал рассказывать, как они там живут, что ему пишут.

Но тут снова появилась сестра. На этот раз она была неумолима. Пришлось прощаться.

- Николай Васильевич, - попросил Рокоссовский, - если задержишься в Москве, заходи. А то одному скучно. О новостях не забывай...

Я обещал.

В столице я пробыл недолго. Получив назначение на должность инспектора кавалерии Северо-Кавказского фронта, направился в Краснодар. Ехал я туда не один, а с группой командиров.

К месту назначения прибыли в то время, когда наши войска оставили Керчь.

- Опоздали, товарищи, - встретил нас командующий фронтом Семен Михайлович Буденный. - Хотели использовать вас под Керчью. Ну да ладно, дело теперь уже прошлое...

Словно о чем-то задумавшись, Семен Михайлович на какое-то время замолчал. Потом, быстро взглянув на меня, сказал:

- Назначаю вас, товарищ Калинин, начальником краснодарского гарнизона. Вам предстоит большая работа - сформировать новые части из подразделений, переправившихся сюда из Крыма.

Буденного я не видел несколько лет. Но изменений в его внешности не заметил. Он по-прежнему выглядел бодро и даже молодцевато. Семен Михайлович меня, конечно, уже не помнил и потому, усадив рядом, начал расспрашивать, откуда я, где служил и воевал. Потом распорядился:

- Ну а теперь идите к Захарову, ознакомьтесь с обстановкой и приступайте к делу.

Я не стал терять ни минуты. Получив необходимую

информацию в штабе фронта, занялся комплектовкой частей.

По заданию С. М. Буденною руководил работами по укреплению Краснодара. А в мае принимал и инспектировал соединения кубанских и донских казаков-добровольцев. Они приехали на своих лошадях, полностью снаряженные. Не было у них лишь огнестрельного оружия.

Вновь прибывших влили в 17-й кавалерийский корпус, которому затем присвоили 5-й номер. Командовал этим соединением генерал Николай Яковлевич Кириченко. Оно вскоре прославилось и при обороне Краснодара, и в последующих боях в Таврии.

В первых числах июня меня назначили командиром 91-й стрелковой дивизии, входившей в состав 51-й армии Командарм 51 генерал-майор Н. И. Труфанов - мой земляк, ярославец.

В штабе на станции Зимовники меня встретил полковник А. М. Кузнецов. Он сообщил, что Николай Иванович болен, и предложил пройти к нему на квартиру. Это было днем, часов в двенадцать.

Николай Иванович лежал в маленькой комнатке, в отдельном домике, у очень гостеприимной казачки. Горестно было видеть этого всегда веселого человека прикованным к постели. Труфанов сильно исхудал, как-то поблек, но старался казаться бодрым и даже пытался шутить.

Разглядывая меня, сказал:

- А ты выглядишь молодцом. Вот поднимусь, повоюем вместе...

Труфанов подробно рассказал об обстановке в районе армии.

- Положение у нас очень трудное, - заключил он.- Нужна твердая рука. А иногда и личный пример. В общем, ты это и сам знаешь.

О многом переговорили мы с ним в тот день. Даже планы некоторые строили. Но вскоре Николаю Ивановичу стало хуже, и его эвакуировали в тыл. Впоследствии мы с ним встречались еще несколько раз: в декабре 1942 года в районе Малые Дербеты, в январе 1943 года - на Маныче, когда вели бои за станицу Пролетарскую, и в феврале - под Ростовом. Потом наши пути больше не перекрещивались.

В командование армией вступил генерал-майор Т. К. Коломиец.

91-я стрелковая дивизия работала на строительстве фронтовых оборонительных рубежей в районе Барайша, затем Азова, Кагальника, Семибалки. В ее состав входили 503, 561, 613-й стрелковые и 321-й артиллерийский полки.

13 июля соединение было переброшено по железной дороге в

районы Цимлянской, Титова, Зимовников. 16 июля передовой отряд, прикрывавший сосредоточение частей, подвергся атаке противника, который, заняв Цимлянскую, пытался с ходу форсировать Дон в районе Красного Яра. Получив отпор, гитлеровцы повели наступление вдоль реки, в направлении станции Николаевская. Тяжелое положение создалось в районе Цимлянских высот. Некоторые наши подразделения вели бои на правом берегу Дона. Мы стремились вернуть Цимлянскую, но враг держался за нее очень цепко, выбить его оттуда не удалось. Больше того, он контратаковал и нам порой приходилось совсем туго.

На следующий день неприятель не проявлял особой активности, и мы смогли привести себя в порядок, более основательно закрепиться на занятых позициях. Главной нашей задачей теперь было не допустить переправы 4-й танковой армии немцев через Дон. А фронт обороны у нас был большой - свыше 90 километров. Он простирался от излучины реки в районе Цимлянской до хутора Константиновский. В течение трех суток мы вели огневые бои и разведку.

Наш штаб за это время наладил более четкое управление частями, установил с ними надежную связь, дублируя ее подвижными средствами. При такой растянутости подразделений четко действующая связь играла особо важную роль. Тут следует воздать должное начальнику штаба дивизии подполковнику А. И. Булгакову. Он был неутомим. Весь рубеж Булгаков знал как свои пять пальцев. Я полагался на него во всем.

Как удалось установить, перед нами сосредоточивались части 48-го танкового корпуса немцев. Пленные показали, что их части должны наступать в направлении Сталинграда. Мы срочно перестроили свой боевой порядок. И когда на следующее утро гитлеровцы нанесли удар по позициям полка подполковника Бурцева, туда уже были переброшены значительные силы артиллерии. 36 вражеских танков напоролись на плотный огонь. Неприятель вынужден был отойти, потеряв 13 машин. Еще 4 танка подорвали наши минеры, бросившись с зарядами под гусеницы.

18 июля после авиационного налета немцы снова предприняли атаку, в которой на этот раз участвовало всего 16 танков. И опять мы встретили их губительными залпами. Лишившись пяти машин, фашисты повернули обратно. Минут через пять они открыли по боевым порядкам дивизии сильную стрельбу из орудий. А еще спустя некоторое время появились их бомбардировщики...

С 19 по 27 июля 91-я стрелковая дивизия дважды пыталась

вернуть Цимлянскую. Однако противник уже успел основательно закрепиться и подтянуть резервы. Упорные бои не принесли нам успеха. Высадив воздушный десант, гитлеровцы одновременными ударами с фронта и тыла захватили Красный Яр, Лог, Богучары. Мы провели контратаки и выбили их оттуда. Неприятель не успокоился. Борьба за эти населенные пункты приняла исключительно напряженный характер. Красный Яр, Лог, Богучары трижды переходили из рук в руки.

Подтянув свои главные силы, 4-я танковая армия немцев начала форсировать Дон. Особенно тяжелое положение сложилось у нас на участке Цимлянская, Романовская. В течение всего дня наши позиции бомбила вражеская авиация, а с наступлением темноты методически обстреливала артиллерия.

В ночь на 28 июля командарм приказал нам сдать занимаемый рубеж 157-й стрелковой дивизии и отойти на линию Соляновская, Романовская. 31 июля гитлеровцы совершили прорыв в районе Богучар, заняли Мокросоленый, Соляновскую и вышли на реку Сал, зайдя нам в тыл.

К рассвету мы пробились на северный берег Сала, близ станицы Семенкинская. Потерь в людях мы почти не понесли и полностью сохранили материальную часть.

1 августа 23-я танковая и 29-я моторизованная дивизии противника, сломив сопротивление частей отдельной кавалерийской дивизии, вышли на рубеж Веселый Кутейниковская, где размещались наши тылы.

В те дни тактическая обстановка менялась по нескольку раз в сутки. Сплошной линии обороны не было. 91-я стрелковая дивизия сосредоточивала усилия на том, чтобы удержать важные населенные пункты, переправы, дороги. Локтевая связь между полками порой терялась. Немцы, конечно, стремились это использовать. Здесь развернулись ожесточенные бои за каждый населенный пункт, за каждый холм. Кровопролитными они были на реке Сал, за Верхнюю Серебрянку, Веселый Гай, хутор Атаманский, Нижний и Верхний Гашун. В них участвовали даже штабные подразделения и службы.

Первыми приняли на себя тяжесть вражеских ударов 503-й стрелковый полк и дивизионная школа младшего комсостава. Они удерживали занимаемый рубеж буквально до последнего снаряда, до последнего патрона. Когда же фашисты ворвались на позиции минометного подразделения, начальник школы капитан Яржемский миной подорвал себя и нескольких вражеских солдат.

Так, не сумев сломить сопротивление ваших 561-го и 613-го полков фронтальными атакаци, они стали усиленно искать стык или разрыв. И такую лазейку нашли. В нее немедленно бросили

несколько подразделений автоматчиков с танками и артиллерией. Гитлеровцы нацелились на хутор Атаманский, где размещался штаб 91-й стрелковой дивизии.

Узнав об этом, штабные работники взялись за оружие. Одну из групп возглавил начальник штаба подполковник Булгаков, вторую - комиссар штаба Воронин, третью - начальник оперативного отделения майор Таратин. Группы заняли оборону на окраине селения.

Неприятельские автоматчики, наступая с севера, пытались овладеть Атаманским с ходу. Однако, встретив организованный огонь и понеся значительные потери, отошли. Через некоторое время они снова повели наступление на хутор, обходя его с северо-востока и северо-запада. На этот раз их поддерживало пять танков.

Поняв, что именно они наиболее опасны для обороняющихся, батальонный комиссар И. И. Воронин отобрал нескольких человек и под прикрытием лесозащитной полосы выдвинулся с ними вперед. Здесь группа Воронина связками ручных гранат подорвала две машины.

На северо-восточной окраине Атаманского бойцы комендантского взвода и бронебойщики тоже подбили " подожгли два танка. Вражеские автоматчики залегли. Капитан Кравченко вызвал артиллерийский огонь. При его поддержке и при помощи прибывшей в хутор стрелковой роты 613-го полка гитлеровцы были отброшены.

Бой за Атаманский показал нам, что наши штабы всегда должны быть готовы к обороне. И особенно тогда, когда нет сплошного фронта. Составленный заранее боевой расчет на весь личный состав необходимо постоянно корректировать в зависимости от изменений как в людях, так и в обстановке.

Командный пункт пришлось переместить в другое место. На следующее утро противник подверг Атаманским жестокой бомбардировке. Но там уже не было ни войск, ни населения.

Части 48-го танкового и 4-го армейского неприятельских корпусов обходили нас с севера и юга.

В районе хутора Мартыновский мы были усилены 15-й танковой бригадой и 115-й кавалерийской дивизией.

На открытой местности под воздействием авиации конники не могли оказать нам серьезной поддержки.

2 августа Котельниково и Зимовники пали. 91-я дивизия оказалась в мешке. Вечером того же дня я получил приказ заместителя командующего 51-й армией генерал-лейтенанта Т. К. Коломийца вывести соединение в район П Малые Дербеты, Ханата, озеро Сарпа.

Оторваться от противника не удавалось. Арьергарды вели тяжелые, сдерживающие бои, авангарды вступали в схватки с немецко-фашистскими подразделениями, пытавшимися отрезать нам путь к новому рубежу.

Основными силами дивизия пробивалась на Садовое. Правый фланг ее прикрывал 1-й батальон 561-го стрелкового полка. Он хорошо провел ночную атаку в направлении поселка Деде-Ламин. Здесь отличилась рота лейтенанта Василия Супруна. О том, как действовало это подразделение, мне рассказал после политрук Небаев.

Когда три автоматные очереди прошили темноту трасту верующими пулями, направленными в сторону противника, лейтенант Супрун встал во весь рост и крикнул:

- За Родину вперед!..

Тотчас же возле него появился с ручным пулеметом боец Гончаров. Дружно поднялись и остальные. Стремительным броском рота достигла неприятельской позиции. Василий Супрун в числе первых ворвался в траншею, стеганул вдоль нее очередью. Но в укрытии уже никого не было. Гитлеровцы не приняли рукопашного боя и бежали.

Лейтенант Супрун приказал подразделению закрепиться.

В окопах и блиндажах солдаты обнаружили брошенные фашистами ящики с патронами и ручными гранатами. Кое-где в ячейках осталось оружие.

Супрун проверил людей. Не было лишь Гончарова. Спросил старшину, не видел ли где.

- Десяти шагов не дошел, - ответил тот. - Вон санитары около него.

Командир роты надолго ушел в себя, потом наконец сказал:

- Смотри тут, а я к политруку пройду...

Николая Небаева лейтенант нашел на другом конце позиции. Опираясь на самозарядную винтовку, он жадно курил и поглядывал в сторону противника.

- Цел? - спросил его Супрун.

- Как видишь, - отозвался Небаев. Супрун сел на какую-то упаковку.

- Потери большие?

- Двое убито, один ранен, - отозвался Небаев.

- И на том фланге... Гончарова - совсем... И одного задело.

- Погибших надо до рассвета похоронить, - произнес политрук.

- Ну вот и займись... Проследи, чтобы раненых отправили. А я пойду организую оборону.

- Добро, - согласно кивнул головой Небаев и, кликнув

связного, распорядился: - Санинструктора ко мне...

В километре впереди в ночное небо то и дело взлетали ракеты. Это откатившиеся гитлеровцы освещали подступы н своим новым позициям.

Пользуясь этой "иллюминацией", Супрун внимательно рассматривал в бинокль лежащую впереди местность. От окопа, в котором лейтенант находился, тянулся полукилометровый, поросший полынью склон. Заканчивался он небольшой ложбиной. За нею снова начинался какой-то холм, на вершине которого виднелись низкие серые домики. В пятидесяти метрах слева из нашего тыла выползала шоссейная дорога. Она пересекала седловину и уходила в расположение врага. Вдоль нее кое-где стояли уцелевшие столбы с оборванными проводами.

По всей вершине расположенного напротив возвышения просматривалась вторая линия неприятельских траншей. Оттуда велась пулеметная стрельба, а из-за поселка били минометы.

Супрун хорошо видел, как к одному из домов поселка часто подходили люди. От здания двое тянули провод. Потом кто-то вышел из дверей постройки и, вскочив на лошадь, поскакал по шоссе на юг.

- Семен! - окликнул Супрун связного. - Немедленно найди политрука и скажи, что штаб в третьем доме слева. Пусть сообщит об этом в соседнюю роту. Командиров взводов пригласи ко мне...

Весь следующий день рота Супруна отбивала атаки гитлеровцев. Стояла жара. Но к вечеру с Сарпинских озер потянуло сырой, пронизывающей прохладой. Бойцы облегченно вздохнули. А некоторые даже стали зябко поеживаться.

Политрук Николай Небаев, устало вытерев лицо простреленной пилоткой, привалился к задней стенке окопа. Ныло плечо от стрельбы из противотанкового ружья, хотелось спать.

К Небаеву подошел Супрун:

- Устал, Николай? Отдохни, я пободрствую. После полуночи подниму...

Прикрыв плащ-палаткой примостившегося на сухой полыни политрука, командир роты пошел по траншее, осторожно ступая между отдыхающими. Потрудились сегодня бойцы неплохо - отразили три вражеские атаки, сожгли два бронетранспортера, которые до сих пор дымят на дороге в ложбине, уничтожили штаб.

Поравнявшись с черным от пыли и копоти взводным Серовым, Супрун тронул его за плечо.

- Приляг. Понадобишься - разбужу.

Серов словно ждал этой команды. Он тут же свернулся калачиком и мгновенно заснул.

Немного постояв над ним, Супрун двинулся дальше. Однако через несколько шагов опять остановился возле пулеметчика Кравченко. После длительной стрельбы боец приводил в порядок оружие. Потом, промокнув рукавом гимнастерки вспотевший лоб, потянулся к фляге, чтобы промочить пересохшее горло. Но посудина оказалась пустой. Несколько капель, которые удалось из нее вытрясти, только раздразнили Кравченко.

Увидя это, командир роты повернул обратно.

В это время совсем рядом ухнула мина. Супруна обсыпало землей. От взрыва на ноги вскочил Небаев. Еще не совсем очнувшись от сна, он уставился на лейтенанта.

- Что случилось? - спросил политрук.

- Особенного ничего, - успокоил его Супрун. - С питьем у нас скверно. Старшина накормил людей копченой рыбой, а воды не припас. Жара к тому же... Маются ребята, особенно раненые. Двое сознание потеряли.

- Ясно. Надо добывать...

- А как? Впереди и сзади каждый метр простреливается. Посылать кого-то сейчас - все равно что к расстрелу приговаривать...

- Ну что ж, тогда давай это возьмем на себя. Мы тут самые стреляные...

- Не возражаю, - сразу же согласился Супрун. - А поскольку я помоложе, то я и пойду.

- Не имеешь права, - возразил политрук. - Командир все время должен быть вместе с подразделением.

- Да ведь тебе не добраться - измотан весь.

- Доберусь. Политработник обязан заботиться о людях... Ты только прижми фрицев огнем.

Небаев затянул потуже ремень, передвинул кобуру пистолета за спину, нахлобучил на брови пилотку.

- Держись тут, Василий, я вернусь. Все будет хорошо!

Политрук легко выскочил из окопа и ящерицей пополз в свой тыл. Его быстро заметили гитлеровцы и открыли огонь. Командир роты лейтенант Супрун приказал ответить. Началась перестрелка.

Все волновались: проскочит или не проскочит Небаев?

Он благополучно преодолел самый опасный участок и скрылся из виду. Но волнения на этом не кончились: Небаева могла еще настичь мина.

Около двух часов Супрун и все бойцы подразделения пребывали в неведении: достиг ли политрук цели?

Наконец он показался. И опять вздыбилась фонтанами

взрывов выгоревшая под солнцем степь, часто-часто засвистели над нею пули...

- Огонь! - скомандовал Василий Супрун. По противнику ударили из автоматов, пулеметов, минометов. Сам командир роты схватил самозарядную винтовку и тоже стал бить из нее по амбразуре вражеского блиндажа. Выбрав момент, крикнул связисту:

- Передай соседям, чтоб поддержали!.. Чувствовавший свою вину, старшина роты не выдержал и по-пластунски подался навстречу Небаеву.

Через несколько минут оба вернулись, таща за собой плоский пятнадцатилитровый бидон. Спрыгнув в траншею, политрук облегченно вздохнул и обратился к Супруну:

- Сверни, пожалуйста, папироску, а то у меня руки прямо как не свои.

Пока лейтенант сооружал цигарку, Небаев сообщил приятную весть: командование армии отметило стойкость частей 91-й стрелковой дивизии.

- Задачу свою мы выполнили. Ночью по сигналу - две зеленые ракеты перейдем на новый рубеж. А теперь пейте чай.

Две недели в калмыцких степях шли тяжелые бои. Противник наседал, мы отбивались. Над нашей головой постоянно висела его авиация. А тут еще нещадно палило солнце, не хватало пресной воды. Это все изнуряло до предела. И все же дивизия не только сдерживала натиск врага, но и предпринимала дерзкие вылазки. Во время одной из них в совхозе No 10 мы захватили штаб саперного батальона и все его хозяйство. Среди документов оказался и приказ командира 4-го армейского корпуса, в котором, между прочим, отмечалось, что войска Советской Армии уже полностью уничтожены и по степям бродят лишь их отдельные мелкие группы.

15 августа дивизия полностью сосредоточилась на рубеже Малые Дербеты Ханата - озеро Сарпа - Сарпинский и приступила к организации обороны. Теперь за нами была только Волга.

В спешном порядке части рыли окопы, оборудовали убежища, устанавливали противотанковые и противопехотные заграждения.

Перед нами действовали подразделения и части 4-й танковой армии немцев и 6-го армейского корпуса румын. Их попытки с ходу прорваться сквозь нашу оборону не увенчались успехом, и они также вынуждены были заняться укреплением захваченных позиций.

Изучая местность перед своим передним краем, я обратил внимание на то, что нас и гитлеровцев разделяет лощина. Когда-то она была заполнена водой. У меня мелькнула мысль: а что,

если ее и сейчас затопить?

Во вражеском тылу, километрах в восьми от передовой, раскинулось большое озеро Аршан-Зельмень. Восточная часть его смыкалась с ответвлением глубокого оврага, перегороженного плотиной. Если ее взорвать, то между нами и неприятелем образуется серьезная естественная преграда.

Обсудив эту идею с начальником штаба дивизии Александром Ивановичем Булгаковым, своим заместителем по строевой части Леонидом Михайловичем Покровским и начальником разведки Владимиром Васильевичем Артамоновым, я распорядился разработать план уничтожения перемычки.

Для этой небольшой операции создали группу из 12 человек: 8 разведчиков и 4 саперов. Возглавил ее лейтенант Гришин.

Ночью он скрытно провел бойцов к плотине. Пока саперы закладывали в нее взрывчатку, остальные из подручных материалов вязали плотики и перетаскивали к месту, куда должна была устремиться вода. Когда все было готово, Гришин еще раз напомнил о порядке отхода, объявил сигналы связи друг с другом. Только после этого были подожжены шнуры. В полуночной тишине раздался оглушительный грохот. Группа бросилась к спасательным средствам и, подхваченная первой волной, поплыла к своим.

Вернулись разведчики и саперы под утро. По пути они подобрали в камышах тяжело раненного нашей шрапнелью немецкого обер-лейтенанта. Начальник разведки дивизии майор В. В. Артамонов поспешил допросить его. Пленный оказался офицером штаба 48-го танкового корпуса. Он прибыл на позиции проверить, как выполняют приказ германского командования румынские части. Обер-лейтенант провалялся в камышах более суток и был очень плох.

Артамонов пригласил врача и медсестру. Они ввели обер-лейтенанту противостолбнячную сыворотку и сделали перевязку. После этого гитлеровец был отправлен в штаб армии.

Со второй половины августа в полосе обороны дивизии положение стабилизировалось. Мы не только уверенно отражали попытки противника опрокинуть нас, но и проявляли некоторую активность: на вражеские позиции совершались огневые налеты, в тыл гитлеровцам направлялись разведывательные группы и даже целые подразделения.

В последние дни лета в районе Садовое, Уманцево в течение десяти суток действовал отряд во главе с моим заместителем подполковником Л. М. Покровским. Посаженный на трофейные автомашины, отряд был очень подвижным. Внезапными ударами он уничтожал мелкие гарнизоны неприятеля и легко уклонялся

от встреч с более крупными формированиями.

Покровский собрал важные сведения о фашистских частях и соединениях, провел большую работу с жителями селений Садовое и Уманцево, разъяснил им, какие данные о враге нас интересуют, куда и как их передавать.

Дерзкие налеты наших бойцов вызвали в стане противника серьезную тревогу. Он бросил против отряда Покровского значительные силы пехоты и артиллерии. Им помогала авиация.

Пришлось дать команду на отход. В Уманцево остался лишь взвод Баймурзаева. Он и принял на себя удар немцев. На рассвете 24 августа к Уманцево подошли семь немецких грузовиков с автоматчиками и одним орудием. Баймурзаев выждал, когда они приблизятся почти вплотную, и только тогда подал сигнал. Дружный и плотный огонь застал гитлеровцев врасплох. Машины остановились. С одной из них соскочили десятка два солдат. Они залегли и начали отстреливаться. Остальные автомобили рванули в объезд Уманцево. Не прошло и получаса, как селение оказалось в кольце. Завязался жестокий бой. Он длился целый день. К неприятелю подошло подкрепление. Силы теперь были слишком не равны.

Баймурзаев организовал круговую оборону. Вскоре его ранило, но командир взвода остался в строю.

Когда у наших бойцов кончились патроны, гитлеровцы попытались захватить их живьем. Советские воины отбивались гранатами, прикладами, ножами.

Коммунист Магомед-Загир Баймурзаев, как и его товарищи, бился до последнего. Он погиб от осколков лимонки, брошенной им в набегавших гитлеровцев.

В этой схватке пали почти все, кто был тогда с Баймурзаевым. В их числе старший сержант Шкитин, бойцы Мельник, Юдин, Лазаренко, Остров, Корнеев, Томилин, Супрун, Федоров, Термуенко.

Как рассказали потом местные жители, к ним, даже мертвым, фашисты долго еще не осмеливались подойти.

После освобождения Уманцево останки героев были с воинскими почестями захоронены в братской могиле. Магомеда-Загир Баймурзаева посмертно наградили орденом Ленина, а остальных его товарищей - орденом Красного Знамени.

Вскоре после этого одна из наших стрелковых рот совершила вылазку в район населенного пункта Деде-Ламин. Атаке предшествовал огневой налет гвардейских минометов и артиллерии. Он ошеломил оборонявшихся здесь посланцев Антонеску. Их позиции были буквально выжжены. Подоспевшие пехотинцы довершили разгром. Только убитыми неприятель

потерял у Деде-Ламина свыше 100 человек, 12 солдат и 2 офицера были захвачены в плен.

Накануне 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции командующий 51-й армией приказал мне снова сформировать отряд для действия во вражеском тылу. Мы выделили стрелковый батальон, разведроту, эскадрон конницы, артиллерийскую батарею и пять танков. Командовать этими силами поручили Леониду Михайловичу Покровскому, ставшему к этому времени полковником.

6 ноября в 2 часа утра подразделение У-2 нанесло бомбовый удар по расположенному в Садовом румынскому штабу. К этому времени отряд Покровского должен был пересечь линию фронта и подойти к восточной окраине Садового. Однако он задержался, встретив более серьезное сопротивление противника, чем предполагал. Садовое перешло в наши руки лишь к рассвету.

Кутившие здесь всю ночь генералы и старшие офицеры поспешно бежали, не отдав никаких указаний своим подчиненным. Штабники и находившиеся в Садовом подразделения в панике бросились в лощину, тянувшуюся к Уманцево. Наши артиллеристы открыли по ним беглый огонь картечью.

Преследуя противника, Покровский с ходу овладел селением Уманцево. Узнав об этом, я со своей оперативной группой поспешил туда. Разделив отряд на две части, одну из них направил к станции Аксай, другую - в сторону Котельниковского с задачей разведать глубину обороны неприятеля и его оперативные резервы.

Фашисты бросили против нас значительные силы, поддержанные десятью танками и самоходными орудиями. Я вынужден был дать команду отойти к Уманцево, где стояли на позициях наши орудия и танки. Они встретили гитлеровцев сильным огнем. Потеряв 4 машины, фашисты откатились назад.

9 ноября нам было приказано вернуться в полосу обороны дивизии.

За трое суток пребывания во вражеском тылу мы изучили его систему обороны, уничтожили свыше 900 солдат и офицеров, отбили 8 автомашин, взяли несколько десятков пленных, взорвали и сожгли 3 склада артиллерийских, 2 - с имуществом. Все захваченное продовольствие роздали населению.

Вот уже больше двух месяцев наша дивизия вместе с другими соединениями упорно обороняла плацдарм в районе Сарпинских озер. Мы знали, как трудно в это Время приходилось защитникам Сталинграда, и поэтому стремились быть максимально активными, отвлекая внимание и силы противника от главной

цели.

Политработники, партийные и комсомольские активисты постоянно поддерживали у личного состава высокий боевой дух. Не было дня, чтобы они не побывали в окопах, землянках, блиндажах, не побеседовали с бойцами по душам.

16 ноября к нам прибыло пополнение. Офицеры штаба и служб пошли в подразделения, чтобы лично познакомиться с новичками, сразу же ввести их в курс обстановки.

Секретарь штабной партийной организации А. П. Рубцов направился в 4-ю роту, где он был частым гостем. Я& это время как раз происходила смена постов. Рубцов опустился на притоптанную солому, решив подремать, пока соберутся все сменившиеся.

Землянка постепенно наполнялась людьми. Входя в нее, бойцы ставили в отведенное место оружие, потирали от холода руки, щеки, постукивали ногой об ногу, располагались вокруг едва теплившейся железной печки, сделанной из старой бочки, перебрасывались между собой репликами.

- Ну, братцы, и морозец! Если так дальше пойдет, пожалуй, не выдержим,пожаловался кто-то. Вошедший в эту минуту в помещение высокий, широкоплечий, с большими покрытыми инеем усами солдат заметил:

- Рановато, брат, пасуешь. Это... как же не выдержим? - И, усаживаясь в круг, продолжал: - В сорок первом под Москвой покрепче было, и то перенесли. Да еще и немцам покою не давали. Помню, послали как-то нас за "языком". Надели мы белые маскхалаты и - в путь. Шли долго, а прошли мало. Снег глубокий, поземка метет, мороз лютый, аж до костей пронизывает. На пути стог соломы попался. Наш командир, молодой лейтенант, приказывает: "Дядя Вася (это он меня так звал за возраст) и ты, Омельченко, проверьте, нет ли там кого".

Ну мы с Омельченко потопали. Почти вплотную приблизились, смотрим, а там немцы. Я кричу им: "Хенде хох!" - и автомат трофейный направляю. А они - кто лежит, кто сидит, и на мой оклик чихали. Еще раз рявкнул и хотел уже дать очередь, но потом решил, если спят - возьмем живьем. Подошли с Омельченко, а они все, как деревяшки, мерзлые. Просигналили своим, а сами стог обшариваем. Вытащили капрала, вроде живой еще. Кое-как привели в чувство. Но сказать ничего не может. Ладно, думаю, в штабе разберутся. Подошел лейтенант, сосчитал остальных и вывел в блокноте цифру "18". Собрали оружие, солдатские книжки. У некоторых нашли письма, хотели порвать, а лейтенант запретил: сказал, что они - тоже документы. Что-то начертив для памяти, командир распорядился поворачивать

назад. Мне он велел наблюдать за капралом, предупредив, что если он окочурится, то нам не миновать второй такой прогулки. Ничего... обошлось. Доставили в целости и сохранности.

- Дядя Вася, а где ты сегодня всю ночь пропадал?- поинтересовался боец, перетиравший в ладонях какую-то траву.

- Где был? Могу ответить, не секрет. Выполнял задание "тройки" (шифрованный номер командира полка). Дал он мне пакет и сказал: "Немедленно доставь в штадив. Очень важно". Взял я конверт, повторил, как полагается, приказание и направился к мотоциклу. Сел в коляску - и помчались. Ветер встречный, холодный. Мне еще туда-сюда, а вот водителю совсем плохо. Но доехали, направляюсь к землянке, вдруг слышу: "Стой! Кто идет?" Говорю пропуск. Потом вглядываюсь и глазам не верю. Омельченко! Какими судьбами? Расцеловались. В сорок первом вместе попали в госпиталь, а выписались порознь, с тех пор не виделись. "Ты по какому делу? - спрашивает.- "С донесением",отвечаю.- "Малость обожди, там сейчас ругачка идет. Замполит с начсандива стружку снимает за то, что солдаты всякую полынь да навоз курят".

В этот момент появился начальник штаба. Увидев меня, спросил: "Откуда?" Докладываю: "Из "хозяйства" Дружинина с донесением".- "А что же не докладываешь, а лясы тут точишь?" Я чуть не сгорел от стыда. Хорошо, что в землянке освещение плохое, не видно. Начальник штаба вскрыл пакет, прочитал, поставил на конверте время. Затем спросил меня: "Как живете?" А я возьми да и бухни: "Все, говорю, хорошо, только курить нечего!" Смотрю, лезет в полевую сумку и достает вот это.

Дядя Вася вынул из кармана пачку махорки и высоко поднял ее над головой. Курильщики восторженно загудели, только один из присутствовавших остался к этому равнодушным. Он заинтересовался другим.

- Дядя Вася, а почему это теперь донесения стали с нарочным посылать? Ведь раньше как было: зашифруют и на рацию. Быстро и на морозе не крякать.

- Ну это не моего ума дело. Может быть, рация но выдерживает мороза, а может, еще что. В общем, приказывают - исполняй.

Отвечал дядя Вася с лукавинкой. Он, видно, о чем-то догадывался, но молчал.

- Дядя Вася, не томи, давай подымим,- попросил Звягин, жадно глядя на курево.

- А я думаю так,- заметил пулеметчик Копытов,- пусть дядя Вася закурит, а мы будем дымком довольствоваться. Некурящих за дверь, чтобы зря добро не тратили. Так-то экономнее будет.

- Нет,- возразил Василий Васильевич.- В первую очередь предлагаю свертеть по одной цигарке на десять персон для тех, кто сейчас в окопах. А что останется - нам.

Против такого распределения никто возражать не стал.

Рубцов, до сего времени лежавший молча, встал, потянулся и включился в разговор:

- Слышал я, товарищи, как вы курительную проблему решаете. Я пришел к вам, чтобы сообщить приятную весточку. Вчера мы получили письмо из Дагестана, где формировалась дивизия. Наши шефы благодарят нас за стойкость и выражают уверенность, что мы в конце концов разобьем врага. Труженики тыла прислали нам полушубки, валенки, носки, перчатки. Не забыли и про табачок.

Дружное "ура" потрясло землянку, а Рубцова так качнули, что он едва не ударился о перекрытие.

Да, в то напряженнейшее время даже такие простые вещи, как пачка махорки, не говоря уже о добром слове, вызывали у нас радость, несли в себе огромный заряд энергии. За Родину, за свободу и счастье народа советские воины готовы были биться до последней капли крови, до последнего дыхания.

Политработники, коммунисты в комсомольцы поддерживали в бойцах это чувство, развивали и утверждали его.

В Зургене полным ходом шла работа по оборудованию командного пункта. Жители этого поселка были эвакуированы. Но в одной глинобитной хатке кто-то остался. Командир комендантского взвода обнаружил в ней пожилую калмычку.

- А почему здесь, бабуся? - напустился на старушку лейтенант.- Тебе что, жизнь надоела? Ну-ка быстренько собирай свои вещи. Все ваши давно уже за Волгой.

Женщина не шелохнулась.

- Что молчишь? Или русского языка не знаешь?

- Язык-то знаю, да вот не понимаю, почему со своей земли уходить заставляешь?

- Об этом сейчас разговаривать некогда, приказ выполнять надо.

- Никуда я отсюда не поеду. Я тут родилась, выросла. Это моя родина. А если вы за Волгу отступите, сама буду бить немцев сколько сил хватит.

Командир взвода пожал плечами и направился в штаб.

Я слышал его доклад и спросил:

- А у бабуси еда есть?

- Не знаю,- растерялся лейтенант.

- Узнайте. Если нет, обеспечьте! Когда командир комендантского взвода вышел, я обратился к комиссару дивизии

Скобелеву:

- Как находишь этот факт, Петрович? Ведь женщина могла уйти, но сама решила - ни шагу назад.

- Пусть остается с нами,- согласился Скобелев.

Бабуся стала у нас своим человеком. Она ухаживала за ранеными, стирала бойцам белье, помогала готовить пищу. Солдаты относились к ней с уважением.

В бескрайних приволжских степях продолжались жесточайшие бои.

Основательно закрепившись на рубеже Сарпинских озер, мы теперь уже твердо верили, что ни под какими ударами не дрогнем и на восток не сделаем больше ни шагу. Наоборот, день ото дня крепла у нас надежда на скорый перелом в ходе событий.

И он наконец наступил.

18 ноября мы со Скобелевым были вызваны в штаб армии. Командующий генерал Н. И. Труфанов объявил приказ о наступлении. Нашей дивизии предстояло действовать на левом фланге 51-й армии. Перед нами поставили задачу овладеть селением Садовое, в дальнейшем продвигаться в направлении Кануково, Кенкря.

В ночь на 20 ноября в проволочных заграждениях и минных полях противника были проделаны проходы. На рассвете после короткой артподготовки подразделения пошли в атаку и прорвали неприятельскую оборону.

Во время боя за высоты южнее Сарпинских озер был тяжело ранен командир 1-й роты 561-го стрелкового полка старший лейтенант Спиваков. Через сутки он умер. Роту принял политрук Небаев. Но тут же ему пробило пулями обе ноги. Командир батальона старший лейтенант Тимошин приказал молодому бойцу Кантария вынести Небаева в безопасное место. Руководство боем он взял на себя.

Вскоре рядом с Тимошиным разорвалась мина. Комбату оторвало правую руку, а один из осколков угодил о живот. Тимошин сгоряча продолжал идти впереди роты, подбадривая солдат, потом упал и больше уже не поднялся. Погиб и старшина Солоницын.

Как только была взята высота с отметкой 80, я выеехал в 561-й стрелковый полк. Из перелесков и оврагов с поднятыми руками выходили неприятельские солдаты и кричали:

- Гитлер капут!..

Некоторые тянулись и брали под козырек. Я остановил машину и спросил:

- Кто из вас говорит по-русски?

Отозвались сразу несколько человек.

- Есть желающие помогать нам бить фашистов?

Среди сдавшихся в плен возникло замешательство. Но вот некоторые из них заявили, что согласны повернуть оружие против гитлеровской армии. Я отправил их в распоряжение командира 561-го стрелкового полка. Однако подполковник А.А. Гайдадин и сам выявил немало охотников перейти на нашу сторону. Он находился на захваченной вражеской артиллерийской позиции. Увидев меня, Гайдадин спросил:

- Что с ними делать?

- Используйте по специальности,- распорядился я. - Только под руководством наших бойцов.

Мы с Гайдадиным направились на полковой командный пункт. Мимо нас по заснеженной степи на юго-запад беспрерывным потоком шли танки, "катюши", тяжелая артиллерия, колонны хорошо вооруженных и тепло одетых пехотинцев. Появились батальоны и полки, прибывшие из-за Волги.

Наступление набирало силу.

С 20 по 23 ноября наша дивизия заняла населенные пункты Жарков, Кочубеево, Армань, Обильное и развернула преследование противника в направлении Киселевка, Кетченер.

Но тут произошли некоторые осложнения. 61-я кавалерийская дивизия под командованием генерал-майора Я. К. Кулиева, наступавшая на Котельниково, подверглась контратаке танков и пехоты гитлеровцев. Конники стали отходить на Уманцево. В этой ситуации и мы вынуждены были перейти к обороне на рубеже Уманцево-Обильное. Здесь нам пришлось встретиться с прорвавшимися танками 23-й немецкой танковой дивизии. Германское командование стремилось восстановить положение.

В течение 28 и 29 ноября 91-я стрелковая и 61-я кавалерийская дивизии успешно отразили попытки неприятеля пробиться к Сталинграду.

Не добившись цели, враг начал закрепляться на линии Кануково-Кенкря.

Во время этих боев из строя вышел командир 503-го стрелкового полка. Принять от него часть я предложил своему старому боевому товарищу, бывшему комиссару 131-й мотострелковой дивизии Якову Никитовичу Григорьеву, находившемуся в резерве. Он согласился. Яков Никитович - сын донецкого горняка, в Красной Армии с 1922 года. За его плечами большой жизненный и боевой опыт. За дело он взялся уверенно.

29 ноября 503-й и 561-й полки предприняли попытку овладеть населенным пунктом Кенкря. Но из этого ничего не

получилось. Тогда, оставив здесь заслон, части направили свои усилия на освобождение Конджснкина, В. Сальска, Ики-Загарников.

4 декабря мы вышли на этот рубеж, закрепились на нем и более двадцати дней во взаимодействии с соседними соединениями отражали яростные контратаки противника, рвавшегося на помощь войскам, окруженным в районе Сталинграда.

26 декабря подчиненная мне группа в составе 91-й стрелковой, 61-й кавалерийской дивизий и Сарпинского укрепрайона возобновила наступление. 27 декабря мы разбили гитлеровцев, оборонявшихся в районе Киселевки, взяв в плен около 2000 солдат и офицеров, захватив большое количество орудий, лошадей и всякого военного имущества.

Правда, и у нас потери были немалые. Особенно тяжелой утратой для нас явилась гибель командира 61-й кавдивизии генерал-майора Якуба Кулиевича Кулиева.

В последний декабрьский день 1942 года в Киселевку приехал заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров. В небольшом крестьянском домике при свете керосиновой лампы он поставил 91-й стрелковой дивизии задачу: с приданной танковой бригадой к рассвету 1 января овладеть селом Ремонтное, а к утру следующего дня отбить у противника Первомайское, Приютное и, выйдя к реке Маныч, отрезать пути отхода ею элистовской группировке.

- Знаю, что это трудно,- сказал Захаров,- и времени мало. Но надо успеть. Во что бы то ни стало.

В морозную, вьюжную новогоднюю ночь наше соединение пошло в бой. В Ремонтное ворвались с ходу. От пленных мы узнали, что неприятель отходит на Сальск.

Не теряя времени, тремя колоннами мы двинулись к намеченному рубежу. 503-й стрелковый полк с приданными танками и артиллерийским дивизионом 2 января захватил мост через Маныч. Одним батальоном он закрепился перед станцией Дивное, остальные силы развернул фронтом на восток по Манычу. 613-й стрелковый полк занял Приютное и вступил в борьбу с гитлеровцами, стремящимися переправиться через Маныч.

Ударная группа дивизии в составе танковой бригады и 561-го стрелкового полка била во фланг отходящих фашистских войск с севера. Ей помогала 6-я танковая бригада 28-й армии. К 3 января 1943 года вражеская группировка была истреблена по частям. Мы взяли много пленных, боевой техники, снаряжения, продовольствия и фуража.

Перед нами была поставлена новая задача: наступать вдоль реки на станцию Пролетарская, овладеть ею и закрыть для отходящей Котельнической группировки немцев путь за Маныч и на Ростов.

В ночь на 4 января дивизия выступила по Двум маршрутам. Вдоль Маныча шли 613-й стрелковый поля и артиллерийский дивизион. Километрах в десяти за ними 503-й стрелковый полк. Справа, по параллельной дороге, следовали танковая бригада, 561-й стрелковый полк и другие дивизионные подразделения.

Такой боевой порядок давал возможность наступать на широком фронте и при встрече с противником головной частью сковать его, а остальными силами маневрировать по обстановке.

С боями по бездорожью нам за четверо с половиной суток предстояло пройти полторы сотни километров. Однако бойцов не страшили никакие трудности. Познав радость победы над врагом в новогодние дни, они рвались вперед.

К утру 6 января передовой отряд дивизии вышел в район коневодческого завода имени С. М. Буденного. Там его атаковал полк неприятельской мотопехоты с 20 танками, поддерживаемый авиацией. Гитлеровцы пытались разделаться с отрядом, не дав ему полностью развернуться. Имея превосходство в танках и господствуя в воздухе, они потеснили некоторые наши подразделения. Несмотря на это, бойцы продолжали отражать натиск противника. С наступлением сумерек отряд отошел в район колхоза имени Ленина.

В это время 561-й полк овладел колхозом "Большевик" и завязал, бой за Островянский. После ожесточенной схватки мы сломили сопротивление фашистов. Однако они не смирились с потерей этого населенного пункта. Подтянув резервы, враг бросил в контратаку до 30 танков с мотопехотой.

Островянский трижды переходил из рук в руки.

К вечеру, израсходовав боеприпасы, 561-й стрелковый полк вынужден был отойти на рубеж колхоз "Большевик" - Веселый.

8 января, сдав участок обороны в районе колхоза имени Ленина 56-й танковой бригаде, дивизия стала всеми силами готовиться к освобождению Островянского, Курдюченского, Романова.

Части пополнялись боеприпасами, приводили себя в порядок, занимали исходное положение.

9 января ко мне на наблюдательный пункт прибыл командующий 51-й армией генерал-майор И. Труфанов. Ознакомившись с обстановкой на месте, он помог мне организовать предстоящий бой.

Первыми обрушили удар на неприятеля артиллеристы и

минометчики. Затем в атаку пошли пехотинцы. С возгласами "Ура!", "За Родину!" они ворвались на вражеские позиции. Я не узнавал людей. Откуда только у них бралась энергия! Ведь позади были изнурительные переходы, частые кровопролитные стычки. И предшествующую ночь никому не пришлось отдыхать. Тут доброе слово хочется Оказать о политработниках, коммунистах, и комсомольцах соединения. Они много сделали, чтобы морально подготовить и вдохновить бойцов на новые ратные подвиги в борьбе за освобождение родной земли от иноземных захватчиков. В бою политработники, партийные и комсомольские активисты показывали примеры героизма, увлекая за собою остальных. Немцы яростно сопротивлялись, потом не выдержали нашего натиска и начали беспорочно отступать.

Мы ворвались в Островянский. Этот населенный пункт достался нам дорогой ценой: на подступах к нему полегло немало наших боевых товарищей. В их числе командир 561-го стрелкового полка Алексей Александрович Гайдадин. Освободив 10 января хутор Курдюченский, а 12 января -Романов, дивизия вышла в район Черкасского, Пролетарской.

В этих боях особенно отличился 631-й стрелковый полк. Командовал им подполковник И. Н. Дружинин. В Иване Николаевиче мне нравились спокойствие, редкостная скромность, дисциплинированность. Он хорошо знал штабную работу, обладал солидным боевым опытом. соединении славился тем, что в любой обстановке принимал наиболее разумные решения.

За оборону под Сталинградом Дружинин был награжден орденом Красного Знамени.

И здесь, на Маныче, его часть действовала напористо, инициативно.

Успешно справились с поставленной задачей и другие подразделения. Дивизия в целом заслужила благодарность Военного совета 51-й армии. Многие бойцы, командиры и политработники удостоились правительственных наград. Я тоже стал кавалером ордена Кутузова II степени. Нас вывели на отдых. В течение пяти дней мы приводили себя в порядок, пополнялись боеприпасами, горючим, продовольствием. И только 321-й артиллерийский полк продолжал вести бой, поддерживая огнем наступление соседей.

18 января 91-я стрелковая дивизия получила приказ форсировать Маныч и наступать в направлении 2-е отделение конного завода, Супруновка, Первомайский, Ростов.

Погода стояла холодная. Бушевали степные бураны. Однако лед на реке был еще непрочный и во многих местах разбит снарядами и минами. Я ломал голову над тем, как преодолеть

заболоченную пойму Маныча. Лесов вокруг нет, деревянные строения - тоже редкость. Из чего сооружать мосты, сбивать плоты, чтобы перебросить технику? Наконец придумали использовать камыш и усиливающийся мороз. По моему распоряжению во всех частях были созданы специальные команды. Они изготовили фашины, уложили на лед и полили их водой.

Утром по этому настилу пошли пехотинцы. Затем на руках потащили орудия. Кое-где все же образовались проломы, и некоторые пушки вместе с расчетами пошли на дно. Людей и артиллерию спасли. Помогли танкисты.

Переправившийся первым 503-й стрелковый полк с ходу атаковал поселок Первомайский. Для противника этот удар оказался неожиданным, и он почти без боя отступил. Но, опомнившись, предпринял контратаку. Вражескую пехоту поддержало до 10 танков.

Наши бойцы отразили неприятельский натиск. Гитлеровцы не унимались. Они еще дважды пытались вернуть утраченные позиции, но снова безуспешно. Потеряв 5 машин и более 100 солдат и офицеров убитыми, фашисты наконец отказались от своего намерения.

Подразделения 503-го стрелкового полка перешли к преследованию немцев. Сбивая их заслоны, стрелки вскоре подошли ко 2-му отделению конного завода. Здесь враг устроил им ловушку. Оставив на чердаках домов, в сараях и подвалах засаду, он основные силы расположил вне населенного пункта. Однако его замысел был раскрыт. В западню попала лишь небольшая группа разведчиков 503-го полка. К ним вовремя подоспела помощь, и неприятель был обращен в бегство.

В это время другие части дивизии продолжали преодолевать Маныч.

24 января дивизия вышла на рубеж хутор Трудовой - село Журавлевка - колхоз имени Орджоникидзе. И хотя наши танки задержались на переправе, наступление продолжалось.

Противник отчаянно сопротивлялся. Каждый населенный пункт он превращал в маленькую крепость.

В этот период мы стали широко применять ночные действия. Днем по балкам незаметно подбирались к неприятельским опорным пунктам, а с наступлением темноты внезапной атакой овладевали ими.

25 января гитлеровцам удалось остановить продвижение нашей армии в районах Бол. Талово, 5-й сотни, Первомайского, Донского. Германское командование бросало в бой все свои резервы, стремясь как можно дольше удержать за собой Батайск и

Ростов, чтобы вывести через них свою северо-кавказскую группировку.

Мы в это время находились в 70-80 километрах от Батайска.

В сложившейся обстановке командарм приказал нам, не ввязываясь в бои за населенные пункты, выйти в тыл врагу, захватить хутор Теряев-Андропов и вместе с частями 3-го гвардейского танкового корпуса, который был где-то на подходе, обеспечить окружение немцев в 5-й сотне, Нижних Хорулях, Бол. Талово.

Передовой отряд в составе 613-го стрелкового полка и дивизиона 321-го артиллерийского полка обеспечивал продвижение и развертывание главных сил дивизии.

Обнаружив наши колонны, фашисты вызвали авиацию и пытались нас задержать.

После полудня отряд вступил в бой с танками немцев. Сложилась очень трудная обстановка. Подразделениям пришлось драться с превосходящими силами противника разрозненно, отдельными ротами и даже взводами. Лишь благодаря умелому маневру по оврагам им удалось сохранить людей, технику и продержаться до темноты.

На помощь отряду я направил 503-й стрелковый полк. Эти части должны были овладеть селением Теряев-Андропов и не допустить прорыва неприятеля со стороны станции Верблюд. Остальными силами соединение продолжало окружать его группировку в Бол. Талово.

В ночь на 27 января 503-й полк соединился с 613-м и вместе с ним вышел к хутору Теряев-Андропов.

Еще с вечера начала бушевать вьюга. На пути нашем, казалось, стала снежная стена. В четырех-пяти шагах уже ничего не было видно. Завывание ветра заглушало все.

Гитлеровцы попрятались по хатам. Выставленная охрана вела себя беспечно. Часовые выбирали места затишнее. Их бесшумно сняли разведчики. Части беспрепятственно ворвались в хутор. Вражеские солдаты, застигнутые врасплох, выскакивали из домов в одном белье и попадали под пули и штыки. Ни одному из них не удалось добежать до танка или бронетранспортера. Часа через два гарнизон Теряев-Андропова был уничтожен. Лишь единицам удалось выскочить из населенного пункта и скрыться в степи. На месте боя осталось больше 100 фашистских трупов, около 20 танков, немало бронетранспортеров, автомашин и других трофеев.

Утром немцы попытались восстановить положение. После бомбового удара на нас двинулось до полка мотопехоты и 20 танков. Мы встретили их плотным огнем. Особенно метко

стреляла 5-я батарея 321-го артполка. Расчеты сержантов Абызова и Москаленко уничтожили две машины. Натиск удалось отбить.

Однако на этом дело не кончилось. Неприятель штурмовал Теряев-Андропов весь день.

Другие полки дивизии в это время вели бои в районе 5-й сотни.

Обстановка усложнилась. Враг бросал в бой все новые силы. Мы же не получали ничего. А потери несли большие. Но держаться нужно было любой ценой.

Противник задействовал резервы и даже начал снимать подразделения с других участков. 29 января он возобновил контратаки. Бой длился более четырех часов. В 503-м и 613-м полках кончались боеприпасы, из строя вышли последние орудия. Бойцы отбивались, используя трофейные танки и оружие.

Гитлеровцам удалось окружить Теряев-Андропов.

Я доложил командарму о создавшемся положении и попросил разрешения вывести полки, оборонявшиеся в районе хутора. Мы свою роль сыграли, и моя просьба была удовлетворена. Я сообщил об этом по радио 503-му и 613-му полкам, указал направление выхода, назначил район сбора.

Всю ночь на 30 января подразделения окруженных частей по балкам и степью пробивались к Харули. Враг всеми силами пытался задержать их и уничтожить, не зная, что сам уже обречен: главные силы нашей армии утром готовились нанести ему сокрушительный удар на других участках.

К полудню последние батальоны 503-го и 613-го стрелковых полков вырвались из Теряев-Апдропова. 31 января нас вывели в армейский резерв. За время наступления 91-я стрелковая дивизия прошла с боями около 600 километров. Во взаимодействии с другими соединениями и частями она освободила 80 населенных пунктов, нанесла противнику большие потери в живой силе, надежно обеспечила открытый левый фланг своей армии.

В последующие два месяца мы находились во фронтовом резерве, отдыхали, получали пополнение, материальную часть, занимались боевой и политической подготовкой.

В один из дней меня вызвал командующий Южным фронтом Р. Я. Малиновский. Еду в Политотдельск, где он располагался.

Поздоровавшись и предложив сесть, Родион Яковлевич сказал:

- Доложите о состоянии дивизии.

Я открываю планшетку с намерением извлечь из нее данные о людях, технике, всех видах довольствия. Малиновский останавливает.

- Бумажки не доставайте. У командира все должно быть в

голове.

По памяти говорю об укомплектованности частей, подразделении, служб.

Родион Яковлевич прерывает:

- Хорошо. Теперь о вооружении. Что получили, чего недостает?

Тут я запнулся.

- Ну вот видите! - Малиновский посмотрел на меня недовольным взглядом.Как же вы командовать будете, если не знаете, что у вас есть под рукой?

Его слова сильно расстроили меня. Видя это, Родион Яковлевич не стал больше меня экзаменовать, а объявил:

- Вы убываете в Ровеньки, в распоряжение командующего пятьдесят первой армией генерала Захарова. Знакомы с ним?

- Да, товарищ командующий. Вместе были на Северо-Кавказском фронте.

- Вот и опять встретитесь. Желаю успеха...

В первых числах апреля дивизия выступила в поход. Шли мы через Ростов, Новочеркасск, Шахты. В Ровеньках привели себя в порядок, после чего выдвинулись в район Ворошиловграда (ныне Луганск). Включили нас в состав 3-го гвардейского стрелкового корпуса 51-й армии. Корпусом командовал генерал-майор А. И. Белов, армией - генерал-лейтенант Г. Ф. Захаров.

После короткого отдыха дивизия приступила к учебе, Командиры и политработники знакомились с новым рубежом, на котором мы должны были сменить 54-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В начале мая к нам приехали шефы из Дагестана. Они привезли наказы земляков, письма, подарки. Посланцы парода побывали в окопах, солдатских землянках, на митингах. Они сказали нам много душевных слов и просили еще крепче бить фашистских оккупантов, поскорее освобождать от них советскую землю. Бойцы заверили, что не пожалеют жизни во имя свободы и счастья любимой Родины.

В середине мая 91-я стрелковая дивизия заняла оборону западнее Ворошиловграда. По фронту полоса достигала 12 километров. Основные силы соединение сосредоточило на направлении Ворошиловград, Ворошиловск. Свой командный пункт я разместил в Екатериновке.

Смену частей 54-й гвардейской стрелковой дивизии производили только ночью. А ночи были короткие, лунные. Все командиры получили указание поддерживать режим, который был здесь до нас.

Меня несколько беспокоило то обстоятельство, что во время

доукомплектования в подразделения влилось много бойцов, еще ни разу не участвовавших в боях. Как-то они поведут себя в сложной обстановке? Их надо было подготовить к первой встрече с врагом.

Я посоветовался со своим заместителем по политической части и начальником политотдела дивизии полковником Ф. С. Иголкиным. Федор Семенович прошел большую военную и жизненную школу. Родился он в 1900 году в городе Туле, в семье рабочего. К 1912 году окончил начальное училище и пошел работать учеником в частную токарную мастерскую. В 1914 году перешел в литейный цех Тульскою оружейною завода.

В 1919 году был признан в Красную Армию и направлен в Москву на курсы красных командиров. В партийную неделю, перед отправкой на фронт против Юденича, Федор Семенович вступил в партию. С той поры он беспрерывно в рядах Красной Армии. Был командиром взвода, помощником командира эскадрона в 1-й Туркестанской кавалерийской бригаде, переименованной впоследствии в 7-ю кавбригаду. Принимал участие в борьбе с басмачеством, служил на Дальнем Востоке. С 1938 года, когда снова был введен институт военных комиссаров, Иголкина назначили комиссаром 7-го полка связи. В этой должности он и прибыл на фронт в составе 21-й армии. В августе 1941 года получил ранение. После госпиталя был начальником политотдела 72-й Тихорецкой кавалерийской дивизии, а с января 1942 года - комиссаром 114-й кавдивизии, с которой отходил от Ростова к Сталинграду, в составе 51-й армии.

Когда институт комиссаров упразднили, а кавалерийское соединение расформировали, прибыл в нашу, 91-ю стрелковую дивизию. С нею прошел путь от Сталинграда до Крыма.

Так вот, выслушав меня, Федор Семенович предложил собрать бывалых воинов и поставить перед ними задачу: помочь своим молодым товарищам поскорее овладеть вверенным им оружием, приемами боя, фронтовым опытом.

Я согласился с ним. Из частей были вызваны ветераны. Всего их собралось 47 человек.

Когда мы разъяснили им, что от них требуется, сержант Иван Петрович Башлаков от имени своих товарищей заверил нас, что старые солдаты помогут своим командирам в обучении новичков, морально подготовят их к предстоящим боям.

Помимо этого мы с Федором Семеновичем Иголкиным, а также офицеры политотдела и штаба побывали во всех частях и провели несколько бесед с молодыми бойцами и их командирами.

Одновременно мы проверили готовность обороны, знание

воинами своих обязанностей, поставили задачи разведчикам.

В течение мая - июня полки продолжали совершенствовать окопы, траншеи, рыли новые, устанавливали минные поля и различные заграждения. Дни стояли знойные, без дождей. Прокаленная земля стала как камень, и ее приходилось не копать, а долбить. Да и времени было мало: ночи летом короткие. А днем никакие работы не велись.

Мы располагали информацией о том, что немецко-фашистское командование готовится к наступлению. У них появились новые танки "тигры", "пантеры" и самоходные орудия "фердинанды". Их тактико-технические данные нам были известны. Во все полки и батальоны мы разослали снимки этих машин с указанием уязвимых мест. Это помогало командирам конкретнее и целеустремленнее проводить занятия с бойцами.

За противником мы следили очень внимательно. Наиболее удобно наблюдать за ним было с утра до полудня. В это время солнце ярко освещало немецкую оборону, что давало нам возможность засекать оптические приборы неприятеля, видеть малейшее передвижение.

Со второй половины дня солнечные лучи падали на нашу сторону. На этот период мы оставляли на местах лишь несколько перископов и почти совсем прекращали езду и хождение.

Чтобы проверить данные наблюдения, требовался "язык". Однако захватить его никак не удавалось. Местность впереди была открытая, незамеченными к вражеским окопам не подойти. Да и эсэсовцы, стоявшие против нас, ушами не хлопали. Пришлось принять решение провести разведку боем. К этому стали готовить усиленный стрелковый батальон. В глубине своей обороны выбрали участок местности, похожий на местность южнее села Белое, где намечалось нанести удар. С утра командиры тщательно изучали район предстоящих действий, а после полудня батальон выходил на учебное поле и отрабатывал атаку, захват "языка", выход из боя. Это же повторяли и ночью, так как разведку планировали на темное время.

Как раз в эти дни ко мне приехал сын Юрий. Он, как и многие его сверстники, давно просился на фронт, И вот, кончив 8 классов, примчался под Ворошиловград из Кировской области, куда в 1941 году была эвакуирована семья. Попал Юрий в штаб несколько необычным образом. Я заслушивал доклады вызванных командиров, когда в комнату вошел мой адъютант младший лейтенант Георгий Прудников и доложил, что задержан подозрительный подросток, который добивается встречи со мной. Я ответил, что мне сейчас некогда, а если парень действительно подозрительный, то его надо отправить в соответствующие

органы там разберутся. Прудников вышел, но через несколько минут вернулся с Юрием. Я сразу узнал его. Правда, за два года он заметно вырос, возмужал и в перешитом с моего плеча кителе и военных брюках выглядел почти солдатом. Мы обнялись, расцеловались. Я стал расспрашивать о семье, о том, как он нашел меня.

Сидели допоздна, о многом переговорили. Юрия интересовало главное - как я отнесусь к его желанию воевать. Я не мог отказать ему в этом, но заметил, что врага надо бить умело. Поэтому я решил направить сына в учебную роту дивизии. На следующее утро его обмундировали, и я взял Юрия с собой на НП.

По поведению немцев не было заметно, чтобы они что-либо подозревали. Мы ждали ночи. С наступлением темноты я выехал в район Белого. Со мной были Федор Семенович Иголкин и Юрий. Командир 613-го стрелкового полка подполковник И. Н. Дружинин доложил об обстановке на его участке и готовности бойцов к выполнению задачи. Федор Семенович побеседовал с коммунистами и комсомольцами, напомнил, что каждый из них должен делать в разведке, пожелал удачи. После этого батальон начал скрытно выдвигаться на исходную позицию. Я направился туда же, оставив в машине адъютанта и сына. Немцы вели методический минометный огонь, изредка постреливали из пулеметов, освещая местность ракетами. До назначенного срока оставалось 30-40 минут.

Я послал ординарца за своим адъютантом. Вдруг через несколько минут слышу: по дороге движется машина. Приказываю немедленно ее остановить. Оказалось, что это подъехали Прудников, Юрий и ординарец, решившие для экономии времени воспользоваться машиной. Пришлось отчитать их за такое легкомыслие, ведь они могли привлечь внимание врага.

Вскоре наши артиллеристы и минометчики совершили десятиминутный огневой налет. Саперы проделали в минных полях проходы. Батальон пошел в атаку. Минут через десять начальник разведки дивизии майор В. В. Артамонов доложил, что захвачена первая траншея, есть убитые эсэсовцы, а пленных пока нет. Идет бой за вторую траншею. Еще через 20 минут поступило сообщение, что подразделение захватило вторую траншею и пленного. Неприятель открыл сильный заградительный огонь из орудий и минометов, одновременно усилил обстрел нашего переднего края, затем предпринял контратаку пехотой и танками. Почти во всей полосе дивизии завязался огневой бой. Это было нам на руку. Командиры всех степеней и специально выделенные

наблюдатели фиксировали систему огня противника. Задача разведки в основном была выполнена, и я дал команду на отход. Артиллерии поставил задачу подавить выявленные огневые позиции.

Батальон благополучно вышел из боя, захватив пленных, документы и оружие фашистов. Гитлеровцы подтвердили, что с их стороны готовится наступление.

О результатах разведки боем я тотчас же доложил командиру 3-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору А. И. Белову. Он приказал прислать об этом письменное донесение, а пленных немедленно направить в штаб 51-й армии.

4 июля 1943 года, воскресенье... Ясный солнечный день. В Екатериновке, где размещался штаб 91-й стрелковой дивизии, шла подготовка к торжеству: участникам битвы на Волге предстояло вручить медаль "За оборону Сталинграда". Настроение у всех было праздничное.

К двенадцати часам в Екатериновку прибыл член Военного совета 51-й армии генерал-майор А. Е. Халезов. Вручив награды, он тепло поздравил нас и выразил уверенность, что мы и на украинской земле будем громить врага по-сталинградски.

Вскоре после отъезда генерала Халезова мне позвонили из штаба корпуса и пригласили на совещание. Выехал я туда пораньше, чтобы по пути заскочить в район расположения дивизионных тылов. Там я попал под артиллерийский обстрел. Мой адъютант младший лейтенант Георгий Прудников предложил мне спуститься в блиндаж.

- Не стоит время терять, - возразил я, - лучше двинемся дальше.

Юрий, приехавший ко мне из учебной роты на воскресный день, направился к машине, чтобы подогнать ее к нам. Но только успел он сделать несколько шагов, как совсем рядом упал снаряд. Взрывная волна сбила меня с ног, и я потерял сознание.

Когда очнулся, увидел склонившегося над собой сына. Разорвав свою нижнюю рубашку на ленты, он перевязывал меня. Потом подоспели врач и санинструктор. Она усадили меня в автомобиль и повезли в медсанбат.

Обстрел продолжался...

По дороге я спросил у Юрия, что с Прудниковым.

- Беда, - вздохнул он. - Убит...

У меня сжалось сердце. С Георгием я прошел путь от Краснодара до Волги. И вот в Донбассе его жизнь оборвалась...

В медсанбате меня навестил командир корпуса Александр Иванович Белов. Он сообщил, что меня отправят в тыловой госпиталь. Уже прощаясь, спросил:

- Как считаешь, кого лучше временно поставить на дивизию?

Я посоветовал назначить полковника Иголкина.

- Пожалуй, - согласился Белов. - Ну, желаю поскорее выздороветь.

Меня погрузили в самолет. В городе Шахты, во фронтовом госпитале, профессор Гуревич сделал мне операцию. На следующий день мы с врачом, который меня сопровождал, полетели в Махачкалу. В пути я потерял сознание.

В столицу Дагестана мы прибыли 17 июня. И вот у меня снова началась госпитальная жизнь. Я ловил каждую весточку с фронтов. Особенно интересовала меня, конечно, 91-я стрелковая дивизия. Прорвав оборону противника под Ворошиловградом, она затем вела бои за Мелитополь и заслужила название Мелитопольской. После этого пошла на Перекоп. Я очень сожалел, что не мог вместе с нею еще раз пройти по памятным для меня местам.

Летом 1944 года мелитопольцы участвовали в изгнании немецко-фашистских войск из Прибалтики. За смелые и решительные действия правительство наградило 91-ю стрелковую дивизию орденом Красного Знамени.

Я от души радовался ее успехам.

Слава тебе, родная!

Здравствуй, граница!

В летопись Великой Отечественной войны 1944 год вошел как год решающих побед Красной Армии над немецко-фашистскими захватчиками. Мне тогда выпала честь воевать в составе войск 3-го Белорусского фронта. Прибыл я туда 14 июня 1944 года. Командующий фронтом генерал И. Д. Черняховский принял меня в своем блиндаже под Смоленском. Молодой, стройный, высокого роста, он встал и, пожав руку, без предисловий начал вводить меня в обстановку.

Когда речь зашла о моем назначении, Иван Данилович сказал:

- Тут у нас вот какая неожиданность случилась... Командир одной из дивизий 5-й армии ранен, его заместитель убит. Придется вам принять это соединение. Откровенно предупреждаю: дивизия пока ничем особенно не отличилась. Так что присмотритесь к людям, подумайте, как кого лучше использовать. Командарм во всем пойдет навстречу. Но сделать это надо быстро. Предстоит большое наступление. Дивизия может и должна быть хорошей. Народ в ней боевой, обстрелянный. Все дело сейчас в руководстве.

- Понятно, товарищ командующий. Постараюсь.

- Ну, желаю успеха.

Получив направление, я немедленно отбыл в штаб 5-й армии. Командарма нашел в землянке. Генерал-лейтенант Николай Иванович Крылов встретил меня любезно, пригласил сесть на походную табуретку и стал расспрашивать о прошлой службе, об участии в Великой Отечественной войне, о семейном положении. Лишь после этого ознакомил меня с задачами, стоявшими перед 5-й армией и дивизией, которой мне предстояло командовать, представил находившимся у него командирам корпусов, начальнику штаба армии генерал-майору Н. Я. Прихитько.

Николай Яковлевич подробно рассказал мне о готовящейся Витебской операции. Начал он с того, что к лету 1944 года линия фронта в Белоруссии образовала выступ, вдававшийся в нашу сторону. Он создавал устойчивое положение для немецких войск в Прибалтике и на Украине, прикрывал подступы к Восточной Пруссии и Польше.

Учитывая важное стратегическое значение "белорусского балкона", германское командование в течение длительного времени создавало сильную глубоко эшелонированную оборону. Тактическая зона противника включала две полосы. Первая из них состояла из двух-трех позиций, в каждой из которых имелось по две-три сплошные траншеи, соединенные ходами сообщения. Глубина каждой позиции достигала трех-семи километров. Наиболее сильно гитлеровцы укрепили фланги в районах Витебска и Бобруйска. Мощная оборона у них была также на оршанском участке фронта, где проходила автомагистраль Москва-Минск.

Для обороны Белоруссии неприятель сосредоточил сильную группировку в составе трех полевых и одной танковой армий. На рубеже Сиротино - Богушевск оборонялись части его 3-й танковой армии, главные силы которой находились под Витебском и прикрывали Вильнюс. Войска 3-го Белорусского фронта сосредоточивались южнее Витебска.

159-й стрелковой дивизии, командиром которой я назначался, предстояло действовать на богушевском направлении.

После беседы Николай Иванович Крылов тепло попрощался со мной и пожелал успехов в предстоящих боях.

Утром 16 июня вместе с офицером связи мы отправились в 45-й стрелковый корпус. Получив там соответствующие распоряжения и советы, сразу же отбыл в Суходровку, где располагался штаб 159-й стрелковой дивизии. В действительности села этого не было. От него остались одни обгорелые бревна и каменные развалины.

Встретил меня начальник штаба подполковник Г. Х. Акбердинов. Я попросил его подробнее рассказать о боевом пути 159-й стрелковой дивизии, о ее людях. Мы просидели довольно долго. Вот что я узнал от Галима Ханфиевича. Формирование соединения началось 23 мая 1943 года. Основу его составили 20-я курсантская и 132-я Чкаловская, отдельные стрелковые бригады, прошедшие суровую школу двухлетних боев.

В это время дивизия насчитывала 7721 человека, в том числе 835 средних и старших командиров. Под ее знамя встали воины тридцати двух национальностей, населяющих Советский Союз. Многие из них уже были отмечены высокими правительственными наградами: 99 человек - орденами, 446 - медалями.

Более трети личного состава являлись коммунистами и комсомольцами. Командовал соединением в 1943 году полковник Демьян Иосифович Богайчук кадровый командир Красной Армии. Начальником политотдела дивизии был подполковник Василий Павлович Кузьмин, бывший секретарь районного комитета партии.

15 июля 1943 года дивизию направили на фронт. Боевое крещение она получила на Смоленщине.

9 августа ночью 631-й стрелковый полк скрытно вышел на исходный рубеж для наступления, а утром 10 августа стремительным ударом освободил Дворище. Деревня представляла собой сильно укрепленный пункт. Ее прикрывали минные поля, проволочные заграждения, противотанковые рвы, траншеи с разветвленными ходами сообщения. Но бойцы нового формирования в тесном взаимодействии со 120-й танковой бригадой овладели Городищем с ходу. Преследуя неприятеля и не давая ему опомниться, воины вскоре заняли Бол. Тесное.

Гитлеровцы яростно сопротивлялись. Стремясь затормозить наше наступление, они предприняли серию контратак, вызвали авиацию. Однако бойцы 159-й проявили завидное упорство. Отразив многочисленные наскоки врага, части и подразделения продолжали теснить немцев, очищая от них один населенный пункт за другим.

К утру 13 августа дивизия овладела селениями Александровка, Носищево, Мал. Тесное, Истопки, форсировала реку Демина.

24 дня 159-я стрелковая дивизия вела непрерывное наступление. За это время прошла 65 километров, отбила у захватчиков 67 населенных пунктов, освободила из фашистской неволи тысячи советских людей.

20 сентября после кратковременного отдыха, который был

использован для боевой учебы, соединение приступило к выполнению нового боевого задания. В условиях дождливой погоды и бездорожья оно совершило длительный марш к новому месту сосредоточения.

4 сентября 631-й стрелковый полк вступил в бой с противником, занимавшим лес, южнее Дрожжино. Немцы оказали здесь упорное сопротивление, и прорвать их оборону сразу не удалось. Тогда подразделения полка и разведрота дивизии ночью обошли Дрожжино и овладели вражескими позициями южнее совхоза Талашкино. Боясь оказаться отрезанным, неприятель начал поспешно отходить, уничтожая боевую технику, разрушая населенные пункты. 631-й полк неотступно преследовал его. Соседние части также успешно продвигались на запад.

Пасмурным осенним утром 631-й стрелковый полк прошел через юго-западную окраину Смоленска. На крыше одного из зданий уже развевалось красное знамя. Население встречало своих освободителей со слезами радости и с чувством огромной благодарности. И это было высшей наградой воинам за их ратный подвиг.

Гитлеровцы поспешно откатывались, прикрываясь небольшими заслонами. Но подразделения дивизии быстро сбивали их. 28 сентября в районе деревень Редьки и Клеменки соединение вышло к границе Белорусской ССР. В жестоких схватках с фашистами бойцы, сержанты и офицеры проявили отвагу, мужество, готовность пожертвовать собой во имя свободы и независимости Родины.

Так, в одном из боев взводный 631-го стрелкового полка младший лейтенант Жуков был ранен в голову и руку. Однако он продолжал вести своих бойцов вперед. В него попала третья пуля. Сержант Мухаметдинов подбежал к командиру, чтобы оказать ему помощь. Жуков тихо промолвил: "Не надо, родной, я умираю. Идите дальше, вас там ждут..." Бойцы отомстили за смерть боевого товарища. В рукопашной схватке они истребили несколько десятков неприятельских солдат и офицеров.

Пример стойкости и мужества показали также комсомольцы Лебединский, Уваженкр, Селезнев и Пустовалов. Они занимали высоту, которая прикрывала фланг нашего подразделения. Перед вечером на них пошло до 30 немцев. Лебединский, Уваженко, Селезнев и Пустовалов не дрогнули. Они встретили противника дружным огнем и отбили его атаку. Гитлеровцы три раза пытались овладеть этой позицией, но она осталась неприступной.

Дерзкий налет на оккупантов совершили 10 разведчиков 558-го стрелкового полка во главе с коммунистом Морозом. Они ворвались в населенный пункт и решительными действиями

вынудили находившихся там фашистов сложить оружие. Советские бойцы доставили в штаб части 12 пленных, в их числе 2 офицера.

В дни боев заметно выросло число коммунистов. Только за первый месяц в партию вступило свыше 400 бойцов, сержантов и офицеров, доказавших в боях свою преданность Родине.

Рассказывая о людях дивизии, Галим Ханфиевич Акбердинов вспомнил о Федоре Саютине. На фронт он приехал из Сибири. До войны мечтал стать инженером-механиком, но с заветной мечтой пришлось временно расстаться и взяться за оружие.

Через несколько дней, не успев истребить ни одного фашиста, Федор был ранен. Молодой воин понял, что воевать - не дичь на заре стрелять. Он настоял, чтобы из госпиталя его выписали досрочно - уж очень велика была его ненависть к врагу. С настойчивостью, достойной похвалы, Федор начал постигать солдатскую науку. Особенно хорошую боевую школу прошел он под Ржевом во время нашего первого наступления. Саютин участвовал во многих боях и уложил немало гитлеровцев. Но и сам опять попал под пулю.

Оправившись от второго ранения, Саютин получил назначение в 20-ю отдельную стрелковую бригаду. Когда атаковали деревню Ольховец, Федор отличился как решительный и меткий автоматчик.

Вскоре командир батальона капитан Андреев взял Саютина к себе связным. Подразделение глубоко вклинилось в неприятельскую оборону, и его сообщение со штабом бригады было затруднено. Единственная дорога протяжением в полтора-два километра беспрерывно обстреливалась. По этому "коридору смерти" связному доводилось ходить несколько раз в день.

Однажды Саютина вызвал комбат и вручил ему пакет с донесением в штаб бригады.

- Надо доставить во что бы то ни стало, - сказал капитан Андреев.

- Есть! - ответил Саютин.

Заправив шинель и взяв автомат, он четко повернулся и вышел из блиндажа.

В эту ночь тучи заволокли все небо. Но на дороге по светло как днем. Противник беспрерывно освещал ракетами, обстреливал из автоматов и пулеметов. Пришлось пробираться по-пластунски. Саютин передвигался быстро, уверенно.

На командный пункт соединения прибыл благополучно. Сдав донесение и получив пакет для комбата, Саютин направился в обратный путь. На полдороге он был оглушен разрывом мины. Сколько пролежал контуженный, не помнит, в сознание привела

острая боль. Саютин первым делом проверил, цел ли конверт. Он был на месте. Саютин поднялся на ноги, прошел несколько шагов, снова упал. Отдышавшись, пополз.

Перед входом в блиндаж Андреева Федор оправил шинель, густо вымазанную в грязи, потом вошел в помещение и доложил:

- Товарищ капитан, ваше приказание выполнил. И от комбрига есть...

Саютин расстегнул гимнастерку, полез за пазуху.

- Ты ранен, Саютин? - спросил Андреев, указав на руку, по которой струйкой стекала кровь.

Только теперь Саютин почувствовал боль пониже плеча. Он закрыл глаза и пошатнулся.

- Чуть царапнуло... На обратном пути... Разрешите быть свободным?..

Это было третье ранение Саютина, да еще с контузией. Но солдат не ушел в санроту, остался в батальоне, который продолжал наступать. Его наградили медалью "За отвагу".

Таких, как Саютин, в дивизии было немало. Взять хотя бы сапера Виктора Ступина. О нем я тоже услышал очень подробный рассказ.

Близилась полночь. В гильзе из-под снаряда тускло горел огонек, бросая слабый свет на стены и потолок жарко натопленной землянки. В углу на нарах дремали четыре минера. Один из них - Виктор Ступин - то и дело вскакивал, смотрел на часы. Он боялся проспать. С 11 часов вечера до 5 часов утра им надо сделать проходы в проволочных заграждениях, разминировать лощину, по которой пойдут в наступление пехотинцы. Старший сержант Ступин был уверен, что со своими боевыми товарищами Шумейко, Никишевым и Крючковым с заданием справится. Не было еще такого случая, чтобы по их вине что-то срывалось. И все же его одолевало беспокойство. Но вот ровно в 11 вечера из землянки вышли четыре человека в белых маскировочных халатах. Глубокий мартовский снег был рыхлым, и ноги проваливались выше колен. Несмотря на кромешную тьму, минеры быстро отыскали заграждение. Вынув ножницы, Ступин начал разрезать проволоку, а Шумейко, Никишев и Крючков принялись растаскивать ее по сторонам.

Через некоторое время немцы заметили наших бойцов и открыли по ним огонь. Но они продолжали работу.

Проходы сделаны. Теперь надо найти и обезвредить мины.

Ступин пополз вперед, прощупывая снег. Обстрел усиливался. Мины падали очень близко. Однако воины упорно двигались дальше. Наконец щуп коснулся чего-то твердого. Смертоносные "сюрпризы" врага обнаружены. С великой

осторожностью Ступин стал голыми руками разгребать снег. Пальцы стыли, коченели. Он согревал их дыханием и снова работал, работал.

Вскоре Ступин нащупал крышку на верхнем взрывателе, снял ее, а затем вынул взрыватель. После этого начал обводить пальцами холодные бока мины. Едва прикоснувшись к тонкой проволоке, Виктор замер, свободной рукой достал из кармана ножницы и плавно перекусил металлический волосок, тянувшийся к боковому взрывателю. Затем Ступин тихонько запустил руку под дно мины и там обнаружил еще один взрыватель. Обезвредил и его.

Теперь круглая, как сковорода, мина была не опасна, и Ступин изо всех сил швырнул ее в сторону.

В ту ночь он обнаружил и обезвредил около двухсот мин.

К пяти утра путь для пехоты был очищен.

Старший сержант Виктор Прокофьевич Ступин не только сам обезопасил множество вражеских мин. Он обучил этому трудному и тонкому искусству 50 молодых воинов.

Бои за освобождение Смоленщины и Белоруссии были упорными.

На заранее подготовленном рубеже по правому берегу Мереи противник сопротивлялся особенно яростно. В отдельные дни он предпринимал по пять - семь контратак. Но наши бойцы отбивали их.

В ночь на 5 октября подразделения 491-го стрелкового полка овладели деревней Кринки, а 631-й полк достиг западной окраины деревни Редьки.

Дивизия наконец вступила на белорусскую землю и очистила от оккупантов ряд населенных пунктов. В этих боях многие воины заслужили славу героев.

Бессмертный подвиг совершил в те дни старший лейтенант Михаил Веселов. Во время одной вражеской контратаки вышел из строя весь расчет противотанковой душки. Но она не замолчала. Оставшись один, раненый Веселов продолжал вести огонь, расстреливая в упор неприятельскую пехоту, уже в четвертый раз подымавшуюся в контратаку. Немцам удалось ворваться на наши позиции. Они попытались живьем захватить отважного офицера. К Веселову подскочил здоровенный фашист, и, сцепившись, они повалились на землю. В это время другой гитлеровец ударил Веселова ножом в спину. Смертельно раненный, старший лейтенант собрал последние силы и зубами впился в горло фашиста. Умирая, Михаил Веселов уничтожил еще одного гитлеровского выродка.

В дивизии было широко известно имя молодого коммуниста,

кавалера двух орденов Славы Василия Малышева. Только в одном бою на Белорусской земле он уничтожил пятнадцать фашистов. Когда командир подразделения выбыл из строя, Малышев взял командование на себя. Бойцы, возглавляемые им, отбросили противника.

Во время освобождения родной Белоруссии прославился снайпер коммунист Митрофанов. Он истребил 98 гитлеровцев.

В наступлении воины соединения проявляли массовый героизм. Только правительственных наград были удостоены 5520 рядовых, сержантов и офицеров. Среди них павшие смертью храбрых старший лейтенант Поддубов и лейтенант Филимонов, награжденные орденом Александра Невского. Два ордена Славы заслужил коммунист Наргуж Кутайбергенов. Эти люди - гордость и слава дивизии.

За год вновь сформированное соединение приобрело немалый боевой опыт.

В состав дивизии входили полки: 631-й стрелковый, которым командовал подполковник К. Д. Дмитриев, 491-й стрелковый во главе с майором Г. Н. Петиным, 558-й стрелковый под командованием подполковника М. Е. Волкова, 597-й артиллерийский - командир полковник С. В. Кунцевич, 136-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион, 185-й саперный батальон и другие специальные части и подразделения. Моим заместителем по строевой части являлся полковник Михаил Дмитриевич Горылев, начальником политотдела был подполковник Дмитрий Михайлович Костюк и артиллерией командовал подполковник Александр Андреевич Гоша.

631-й и 491-й стрелковые полки занимали оборону в первом эшелоне, а 558-й - во втором.

Нам противостояли части 256-й пехотной дивизии, 550-го штрафного батальона и 256-го саперного батальона противника.

Глубоко эшелонированная оборона его была заранее подготовлена и все время совершенствовалась. Первая позиция глубиною 2,5-3 километра состояла из трех траншей полного профиля с большим количеством огневых точек, связанных ходами сообщения.

Передний край немцев проходил по юго-западному берегу Суходровки на участке Маредново, Осетки, Шельмино и высоты 153.9. Перед ним было проволочное заграждение в три ряда, а в 20-30 метрах от кольев тянулись сплошные минные поля глубиною 30-40 метров. Кроме того, скрытые подступы к траншеям прикрывались мало заметными препятствиями с "сюрпризами". Минные участки и различные заграждения имелись также в глубине между линиями окопов.

В двух-трех километрах от первой проходила вторая позиция, состоявшая из двух траншей. Между этими позициями были промежуточные и отсечные.

Неприятельская оборона прикрывалась труднодоступной местностью.

С 5 июня 1944 года фашистское командование начало усиленно пополнять части на этом участке. Если раньше, по данным нашей разведки, они были укомплектованы на 50-60 процентов, то к 15 июня их численность уже доходила до 80-90 процентов. Состояли подразделения из немцев в возрасте преимущественно от 30 до 45 лет, в большинстве членов нацистской партии и участвовавших ранее в боях на Восточном фронте.

Среди штрафников имелось много преступников, приговоренных к пожизненной каторге и смертной казни. После победы в Белоруссии им обещали амнистию.

Вот этих-то головорезов нам и предстояло разгромить. Соотношение сил в полосе дивизии было такое: мы превосходили неприятеля в живой силе, автоматическом оружии и минометах, он нас - в танках, артиллерии и станковых пулеметах.

Подготовка к наступлению шла полным ходом. Саперы построили для переправы через реку Суходровку 3 моста для танков и артиллерии и 6 мостов для пехоты. В проволочных заграждениях проделали 12 проходов шириной 4-6 метров - по одному на роту первого эшелона, в минных полях - 4 прохода, выделены саперы-проводники.

Для преодоления своих траншей заготовили перекидные мостики.

Всю артиллерию - свою и поддерживающую - разделили на группы разрушения, поддержки, сопровождения пехоты и танков. Группам поддержки, сопровождения пехоты и танков предстояло действовать по плану дивизии, группе разрушения по плану корпуса. Каждая батарея знала, кого она обязана поддерживать, а расчеты орудий прямой наводки - какие цели уничтожать и кого сопровождать. Командиры батарей и рот расположились в совместных наблюдательных пунктах, а командиры дивизионов с командирами батальонов. Так было согласовано взаимодействие между пехотой, артиллерией и танками.

На четвертый день после прибытия в дивизию я поближе познакомился с частями, изучил обстановку и полученную задачу.

В ночь на 20 июня на совещании командного состава заслушал доклады своих заместителей, начальников служб и командиров частей о готовности к наступлению. Здесь же отдал

приказ. Дивизия должна была прорвать оборону противника, нанося главный удар правым флангом в направлении Шельмино, Рыжики, и уничтожить противника в районе Марьяново, Осетки, Соловьево, выйти на рубеж Сосновая - Наспа - Кимбари 1-е. В последующем форсировать реку Лучеса на участке Макеево, отметка 170.6 и овладеть рубежом Мурашки - отметка 170.6. В дальнейшем развивать наступление в направлении Девин, Богушевка.

Правофланговому 631-му стрелковому полку с 144-й отдельной армейской штрафной ротой и батареей самоходных орудий предстояло взломать неприятельскую оборону на участке высота 167.1, Осетки и наносить удар в направлении Осетки, Лешино, Новый Стан.

491-му стрелковому полку с 234-й отдельной армейской штрафной ротой батареей самоходных орудий опрокинуть гитлеровцев на участке высота 153.4, излучина реки Суходровка и наступать в направлении Шельмино, Бастон, Соловьеве.

558-му стрелковому полку надлежало сменить части 338-й стрелковой дивизии и занять оборону на семикилометровом фронте, огнем сковать и отвлечь как можно больше сил немцев. А после успеха на направлении главного удара свернуться в сторону правого фланга и, оставив на прежних позициях прикрытие, двигаться на Казимиров, Бабино, Кумбари. Маневр 558-го полка по моему замыслу дал бы возможность расширить прорыв и обеспечить левый фланг дивизии.

На артиллерию возлагалось уничтожение живой силы и огневых средств фашистов на переднем крае и в ближайшей глубине, а также в случае необходимости отразить контратаки со стороны Марьяново, Задни, Задвинки, Кароли.

Особое внимание всех командиров я обратил на взаимодействие в глубине обороны противника с конно-механизированной группой генерала Н. С. Осельковского, которая вводилась в полосе 5-й армии в направлении Богушевска.

Настроение у всех было приподнятое, все понимали важность операции.

Наступление намечалось на 22 июня.

Накануне по всему фронту велась разведка боем. Мы тоже выделили для этой цели от каждого полка по одной стрелковой роте. Командирам этих подразделений была поставлена задача вскрыть огневую систему врага. А если удастся, то овладеть первой траншеей.

21 июня в 6 часов 30 минут после короткого артиллерийско-минометного налета роты атаковали гитлеровцев в районе Осетки, Шельмино, но перед проволочным заграждением залегли,

прижатые сильным ружейно-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем.

Немцы ждали нашего наступления и вылазку рот, видимо, приняли за начало его. Только этим и можно было объяснить то, что они открыли ураганную стрельбу из всех видов оружия. Нам оставалось только внимательно наблюдать.

Под прикрытием артиллерии наши роты отошли. Повторять атаку не было смысла: все равно такими силами траншею не захватить, а необходимые сведения мы и так уже получили. Состоялся краткий разбор действий подразделений. Пришлось признать, что одной из причин неудачи явилась некоторая медлительность стрелков после переноса нашего артогня в глубину вражеской обороны. Это дало возможность фашистам успеть выскочить из укрытий, занять свои места и организованно отразить натиск наступающих. Промах этот учли.

Неприятель ждал повторных атак. Мы решили запутать его ложными попытками захватить занимаемые им позиции. Когда эта цель была достигнута, мы, усилив сводный батальон ротой из 491-го полка, глубокой ночью нанесли настоящий удар. Он был проведен без артиллерийской подготовки и настолько внезапно для противника, что последний не успел опомниться, как наши бойцы уже ворвались в траншею. Завязался ожесточенный рукопашный бой.

К 2 часам ночи первую траншею удалось полностью очистить от фашистов. В ней закрепились воины капитана П. Г. Меленцова и капитана Г. М. Русанова.

В 4 часа утра гитлеровцы предприняли контратаку.

Совершив мощный артиллерийско-минометный налет, они бросили против подразделений капитана П. Г. Меленцова до двух батальонов пехоты в сопровождении 20 танков.

По вражеским машинам открыли огонь орудия прямой наводки, не подпуская их к траншее. Часть сил Меленцов повел в обход по ходам сообщения контратакующих.

Потеряв танки, немцы повернули обратно. В этот момент во фланг и тыл им ударили бойцы Меленцова. Снова началась рукопашная.

Противник пытался помочь своим, но ему воспрепятствовали. К 5 часам утра бой закончился.

За ночь подразделения дивизии уничтожили более 300 неприятельских солдат и офицеров, сожгли 12 танков.

Этот успех воодушевил личный состав соединения. Во всех частях состоялись митинги.

В 9 часов мне позвонил командующий 5-й армией генерал-полковник Н. И. Крылов.

- Ну как, Николай Васильевич, все готово?

- Так точно, товарищ командующий!

- Уверен, что перекопцы меня не подведут, - сказал Николай Иванович. Желаю вам успехов. Передайте это всем командирам и бойцам.

- Есть! - ответил я, тронутый вниманием командарма. - Доверие оправдаем!

До сигнала было еще достаточно времени, и я решил проехать в части. Побывав на командном пункте 631-го стрелкового полка, направился в один из его батальонов. Проезжая мимо ручья, заметил купающегося солдата. Смыв мыло, он выскочил на берег и стал надевать чистое белье, новое обмундирование. Увидев меня, доложил:

- Красноармеец Чебуров, товарищ генерал! Готовлюсь к бою.

Я не совсем понял смысл такого рода подготовки.

- Праздник для меня, - пояснил Чебуров. - Я родом из Богушевска.

Только теперь мне все стало ясно. Я подошел к воину и пожал ему руку.

- Правильно. Освобождение родного края - это очень большой праздник. Кто-нибудь ждет?

- Жена, дети, мать.

- Ну вот завтра и будешь дома.

- Обязательно буду! - воскликнул Чебуров.

После обеда я вернулся на свой наблюдательный пункт, находившийся в двухстах метрах от переднего края.

В 16 часов 10 минут началась артиллерийская подготовка. Через некоторое время в воздухе появилась наша авиация. Она также обрушила свои удары на врага. Затем артиллеристы перенесли огонь в глубину немецкой обороны. Подразделения и части поднялись в атаку. Бойцы преодолели проволочные заграждения, минные поля, ворвались во вторую траншею...

Как мне потом доложили, первым в нее спрыгнул сержант Стефан Смолин. За ним последовали другие. Смолин подбежал к блиндажу, ногой выбил дверь и очередью из автомата уничтожил одного офицера и двух солдат. В это время Другая часть воинов, не задерживаясь, устремилась вслед за самоходчиками вперед и с ходу выбила фашистов из третьей траншеи.

В разгар этого боя осколком снаряда был ранен командир минометного расчета из 491-го стрелкового полка коммунист Амиров. Ему предложили идти в медпункт, но он остался в строю.

Когда взводу лейтенанта А. Ф. Тухтарова преградило путь минное поле, а саперов вблизи не оказалось, то проделать проход в нем вызвался коммунист сержант В. П. Брагин. Под вражеским

огнем он обезвредил 16 мин и благополучно провел подразделение через опасный участок.

Умело используя местность, Брагин вместе со своим отделением первым достиг третьей линии окопов, уничтожил трех гитлеровцев, затем ликвидировал огневую точку, захватив станковый пулемет и пленив трех пулеметчиков.

Василий Петрович Брагин не раз отличался и в последующих боях. За решительность и отвагу он удостоен звания Героя Советского Союза.

Хорошо проявили себя в этой операции 25 девушек-снайперов. Они прибыли в дивизию из подмосковного города Подольска. Комсомолки ни в чем не уступали ребятам. За время наступления по белорусской земле они истребили более 400 вражеских солдат и офицеров. Наибольший личный счет был у Веры Шерстневой, Вали Соломоновой и Дуси Олениной. Впоследствии многие из девчат были награждены орденами.

В жарких боях большинство девушек-снайперов получили ранения. Как сложилась их дальнейшая судьба, мне неизвестно. Знаю лишь, что до Восточной Пруссии из 25 дошли только семеро.

Но это я уже забежал несколько вперед. А пока части дивизии успешно продолжали наступать.

В 20 часов из района Казимировки противник предпринял контратаку. Однако 491-й полк отразил ее, уничтожив до 300 солдат и офицеров.

К исходу дня 159-я стрелковая дивизия прорвала две позиции, вывела из строя до 2000 фашистов, уничтожила 12 танков и 4 самоходки, 8 орудий, 12 минометов, 18 пулеметов, взяла 82 пленных, захватила 4 миномета, 6 орудий, 150 автоматов и винтовок, 8 пулеметов, 7000 снарядов, мин, гранат и 2500 патронов.

Мы потеряли 84 человека убитыми и 123 ранеными, а также 2 самоходки, 5 орудий, 8 пулеметов.

С утра следующего дня соединение продолжало наступление. Неприятель изо всех сил цеплялся за промежуточные рубежи, чтобы выиграть время и создать надежную оборону на реке Лужа. Но все его старания не достигали цели.

24 июня части на подручных средствах с ходу форсировали реку Лужу и оседлали шоссейную дорогу Витебск - Орша.

Перед Богушевском нас встретили белорусские партизаны. Мы договорились с ними о порядке взаимодействия. Они нам крепко помогли.

26 июня мы вошли в Богушевск.

В тот же день пришел приказ Верховного Главнокомандующего, в котором за Витебскую операцию дивизии объявлялась благодарность и присваивалось почетное наименование Витебской.

По этому поводу состоялся митинг. Он проходил на месте городского парка, дотла сожженного немцами.

- Фашисты погубили много ни в чем не повинных советских людей, - сказал я, обращаясь к воинам. - Долг каждого из нас - отомстить за кровь наших соотечественников новыми боевыми подвигами, ответить на благодарность Верховного Главнокомандования.

Меня сменил начальник политотдела соединения Дмитрий Михайлович Костюк. Он поздравил воинов с победой и призвал всех еще злее бить ненавистного врага, чтобы поскорее освободить родную землю от коричневой чумы.

Боец Яцук с гневом говорил о злодеяниях врага:

- В нашем районе они живьем сожгли жителей целого села. За

такие дела им нет прощения, только одна кара этим извергам - смерть.

Лейтенанты Гершонок и Филоненко от имени своих подразделений заверили командование, что их теперь не остановит никакая сила.

- Мы дойдем до логова фашистского зверя, - сказал Гершонок.

После выступления я вручил героям последних боев правительственные награды. Орденов удостоились капитаны Белов, Зиновьев, старшина Третьяков, сержанты Утин и Машков, красноармеец Гладышев и другие товарищи.

Прямо с митинга они снова пошли в бой.

Сопротивление противника значительно ослабло. Теперь у него хватало сил держаться только на отдельных рубежах. Дивизия стремительно продвигалась вперед.

За 12 дней она прошла более 300 километров. До Вильнюса оставалось 52 километра.

Мы выслали в сторону города передовой отряд, в который включили кавалерийский эскадрон, артиллерийскую батарею, роту станковых пулеметов на тачанках и батарею самоходных орудий.

Этой группе была поставлена задача вместе с передовым отрядом танкового корпуса ворваться в город, занять телеграф, телефонную станцию, железнодорожный вокзал и обеспечить удержание этих пунктов до подхода дивизии.

В течение ночи и дня отряд прошел около 60 километров и к исходу 7 июля завязал бой на окраине Вильнюса. Сломив сопротивление оборонявшихся, конная разведка вскоре овладела кладбищем, перерезала железную дорогу и атаковала станцию. Однако отставшие стрелки не успели быстро поддержать действия кавалеристов, и немцам удалось восстановить разорванное звено. Конники оказались в окружении. Возглавлял их мой заместитель по строевой части полковник М. Д. Горылев. Он решил вырваться из вражеского кольца собственными силами. 20 бойцов были разделены на две группы. Одну повел М. Д. Горылев, вторую - лейтенант В. Г. Иванченко.

Под старшиной Фарякиным убило лошадь. Очутившись на земле, он с двумя автоматами залез в воронку и один стал сдерживать целое подразделение гитлеровцев. Фарякин отбивался более двух часов, пока не погиб в перестрелке.

Так же трагически сложилась судьба старшего сержанта Погожева и сержанта Увялкова. Они вступили в схватку с 25 автоматчиками и более трех часов отражали их натиск. Оба героя пали от вражеских пуль.

Положение эскадрона еще больше ухудшилось. Кольцо вокруг

него все время сужалось, уже было слышно, как фашисты кричали:

- Рус, сдавайся!

В этот момент тяжело ранило полковника Горылева. Лейтенант Иванченко взвалил его себе на плечи и под огнем понес к бетонной водосточной трубе, проложенной под железнодорожной насыпью. Но там оказались немцы. Увидев лейтенанта, они стали бросать в него гранаты. Иванченко, опустив раненого на землю, взбежал на полотно и открыл из автомата ответный огонь. Гитлеровцы рассыпались.

На помощь Иванченко пришли бойцы Якимовский, Частников, Дусенев и Тутаев. Михаил Дмитриевич Горылев и уцелевшие конники были спасены.

Мне тоже пришлось пережить несколько драматических минут. Узнав, что мой заместитель в тяжелом положении и находится совсем рядом, я, прихватив с собой всех, кто оказался в этот момент под рукой, бросился к нему на выручку. Вместе с капитаном Дорониным, автоматчиком старшим сержантом Петровым, радистом старшим сержантом Осиповым и шофером Терентьевым я пробился к насыпи, только намного дальше от моста, где находился Горылев. Здесь мы неожиданно наткнулись на неприятельских солдат. Их было человек тридцать. Увидев перед собой советского генерала, они растерялись. Некоторые вскинули автоматы, кое-кто схватился за гранаты. Но выстрелов не последовало. Гитлеровцы чего-то выжидали.

Я почувствовал, как по лицу потекли струйки холодного пота, но внешне сохранял полное спокойствие. Жестами поманил солдат к себе. В недоумении они начали переглядываться.

Осмелев, я еще настойчивее стал требовать, чтобы группа приблизилась. Из всех лишь двое, держа наготове автоматы, сделали несколько шагов в мою сторону. Знаком я приказал им опустить оружие и сам заложил руки назад. После этого ко мне медленно подошли остальные. Я приказал автоматчику Петрову отвести их в тыл и там уже обезоружить.

Если бы я сам не участвовал в этом эпизоде, то никогда бы не поверил никаким рассказам о чем-либо подобном.

С наступлением темноты 8 июля к Вильнюсу подтянулись все наши части. В это время в штаб дивизии примчался офицер связи старший лейтенант Кобец и доложил, что войска 5-й армии получили задачу обойти город с юга. С востока и севера вильнюсскую группировку окружают соединения 3-го гвардейского механизированного и 29-го танкового корпусов.

Выполняя эту задачу, я поддержал передовой отряд одним батальоном 558-го стрелкового полка, а остальные силы нацелил

на станцию Ландорово. После упорною боя мы овладели ею. Противник потерял здесь более 200 человек убитыми. Примерно столько же сдались в плен. Нам удалось отбить 15 вагонов с имуществом, награбленным немцами в Литве и приготовленным к or-правке в Германию, 20 повозок с военными грузами и много оружия.

13 июля 1944 года войска 5-й армии полностью очистили от фашистов столицу Литовской ССР город Вильнюс, окружив при этом и ликвидировав крупную группировку врага.

Население восторженно встречало своих освободителей. Люди обнимали бойцов, преподносили цветы, приветливо махали руками.

За успешное выполнение боевой задачи при освобождении Вильнюса дивизию наградили орденом Красного Знамени. Правительственных наград удостоились также многие бойцы и офицеры соединения. Мне вручили орден Богдана Хмельницкого.

Войска 3-го Белорусского фронта продолжали стремительно наступать.

К 14 июля 159-я стрелковая дивизия вышла в район Рудвишки, Высокий двор, Бутриманды. Впереди открывался Неман. Мы знали, что фашистское командование любой ценой попытается задержать нас на этом рубеже, и внутренне были настроены на это. Из-за высокого темпа наступления мы не могли своевременно получить дополнение и боеприпасы, сделать остановку для подготовки к форсированию - в этот момент выигрыш времени решал успех операции. Преодолевать Неман предстояло с ходу.

Мы выслали к реке группу саперов во главе с дивизионным инженером Могилевским. Разведчики отправились на грузовой машине. В Аукштадварисе они сделали остановку. В городе царила тишина, на улицах - ни души. Вокруг валялись различные брошенные вещи. Могилевский вышел из автомобиля, расстелил на опрокинутом шкафу карту и, позвав к себе командира взвода инженерной разведки лейтенанта Василия Григорьевича Чернова, начал уточнять с ним, как должны действовать саперы на дальнейшем участке пути.

Старший адъютант 185-го отдельного саперного батальона капитан Сергей Иванович Батаров тем временем приказал старшим сержантам Гуляеву, Кочеткову и рядовому Ахмадишину осмотреть прилегающие улицы, а сам вместе с капитаном Корешковым стал рассматривать здания.

Батаров увлекался архитектурой. До войны он работал на многих стройках. И теперь не забывал о своей профессии. Если ему попадалось на глаза что-то красивое, он говорил:

- Будет время, и я построю нечто подобное.

Вернувшиеся Гуляев, Кочетков и Ахмадишин доложили: немцы из Аукштадвариса исчезли вчера вечером, жители города, предполагая, что здесь развернутся сильные бои, разъехались по селам. На месте остались в основном старые люди. Они и сообщили эти сведения.

Разведчики двинулись дальше.

За бортом полуторки замелькали сады, неубранные поля, дорожные указатели. Они вели к небольшому литовскому городку Пуни. Вот уже показались его разноцветные, островерхие крыши. На полном ходу машина влетела в узкую окраинную улицу.

- Эй, малый! - окликнул лейтенант Чернов оказавшегося неподалеку паренька. - Немцы здесь есть?

- Нету, ночью удрали.

- А ты кто?

- Русский, из Пскова, угнали меня...

К псковичу подошли еще несколько человек.

- А эти тоже русские? - спросил Чернов.

- Нет, литовцы. Комсомольцы.

- Это совсем хорошо! Вот что, друзья, нам нужны лодки. Много. И ребята покрепче. Поняли?

- Ясно!

- Действуйте.

Молодые люди бросились выполнять поручение. Как только они добыли несколько лодок, Чернов повел разведчиков к Неману. Чешуйчатая поверхность реки серебрилась бесчисленными бликами. Казалось, что это не вода, а мрамор цвета воды и неба.

Румяный, крепкий Василий Чернов окинул быстрым взглядом "совет национальностей", как он называл иногда свое подразделение, состоявшее из русских, украинцев, белорусов, башкир, татар, литовцев, мордвинов, и, показывая на противоположный берег Немана, сказал:

- Мы должны переправиться туда и закрепиться.

Десять человек молча кивнули головой в знак того, что они задачу уяснили.

Гуляев, Ахмадишин и Баландин подогнали две рыбачьи лодки. В это время с той стороны послышалось что-то похожее на крик ишака, затем какой-то визг, и на поверхности Немана вздыбилось двенадцать водяных столбов.

Все замерли, ожидая нового залпа. Но его не последовало.

Разведчики разделились на две группы. В меньшую вошли Чернов, Гуляев, Ахмадишин и Баландин. Они плыли первыми. Остальные заняли оборону, чтобы, если потребуется, прикрыть

товарищей огнем.

Десант разместился в одной лодке, другую на всякий случай взяли на буксир. Бесшумно заскользили по водной глади, не торопились, чутко прислушивались к каждому звуку. Как будто все спокойно.

Когда преодолели середину реки, неожиданно ударил крупнокалиберный пулемет. Волжанин Гуляев подналег на весла. Обстрел усиливался. Одна из очередей повредила борт лодки. Пришлось двоим пересесть в запасную. Теперь гребли во всю силу.

И вот - резкий толчок, саперы мигом выскочили на твердь. Рывок вперед - и Чернов подает команду закрепиться.

А с той стороны уже спешила вторая группа...

За разведчиками в качестве передового отряда шел 558-й стрелковый полк. Я с оперативной группой двигался вместе с ним, чтобы, выйдя к реке, быстро принять решение и поставить задачи на форсирование частям, находящимся на марше.

Связи со штабом армии и корпусом у нас не было. Но на выполнение приказа это пока не влияло.

О том, что наши саперы переправились через Неман в районе Пуни и зацепились за берег, я узнал 14 июля в 2 часа дня. Немедленно туда был направлен передовой отряд. Используя рыбацкие лодки и другие подручные средства, он к исходу дня высадился на захваченный "пятачок" и расширил его до двух километров по фронту и в глубину. Ночью начали переправу остальные силы дивизии.

16 июля противник бросил в контратаку до полка пехоты с десятью танками и шестью самоходными установками. Но успеха не добился.

В этом бою отличился командир 45-мм орудия 491-го стрелкового полка младший сержант Алексей Сергеевич Андреев. Его расчет подбил один танк и два бронетранспортера.

В этот же день части дивизии овладели Понимониками и вышли в тыл неприятельской группировки, оборонявшей берег.

В борьбе за Понимоники решительно и находчиво действовал заместитель командира 2-го батальона 631-го стрелкового полка капитан Иван Леонович Белов. Форсировав Неман с 6-й ротой, он после трехчасового боя сломил сопротивление врага. Умело используя огневые средства и маневр на местности, Белов повел подразделение на Понимоники, ворвался в них и захватил несколько домов на окраине. Немцы пытались выбить их оттуда, по рота Белова отбила все контратаки. Капитан лично подбил вражескую самоходку. Получив ранение, Белов продолжал командовать до подхода главных сил. За совершенный подвиг ему

присвоили звание Героя Советского Союза.

К этому времени появилась связь с корпусом, и я доложил о действиях дивизии. В ответ получил радиограмму. Из нее следовало, что наш успех будет развивать 138-я стрелковая дивизия. На нас же возлагалось принять удар танков противника из района Бальвержишки.

19 июля вместе с частями 138-й дивизии, которой командовал полковник В. Е. Васильев, мы заняли этот населенный пункт. Однако неприятель не захотел смириться с потерей Бальвержишек. Он попытался отбросить нас за Неман, и надо сказать, основательно прижал к реке.

С наступлением темноты я решил выдвинуть 558-й стрелковый полк в район Прен. С ним представителем от штаба дивизии пошел начальник связи майор Дмитрий Петрович Софонов. Где-то недалеко от Прен он погиб. Связь с 558-м полком прекратилась. Тогда с остальными силами я двинулся в направлении Прен. Когда мы подходили к этому селению, нас встретили пулеметным огнем. Один из дозорных был убит, остальные вернулись и доложили мне о случившемся.

Оказалось, что Прены находились в руках фашистов. Для меня это явилось неожиданностью. Ведь в армейских и корпусных приказах значилось, что Прены заняты частями 138-й и 184-й дивизий. Пришлось заночевать в лесу.

Утром, бросив автомашину - все дороги простреливались противником, - мы с радистом и группой штабных командиров отправились искать 138-ю дивизию.

К рассвету нашли ее. Там же оказался и наш 558-й полк. Полковник Васильев сказал нам, что его соединение сейчас наступать не в состоянии - нет боеприпасов.

Связавшись по рации со штабами корпуса и армии, я узнал, что к нам выехал командующий артиллерией корпуса. Мне предложили высказать соображения о том, целесообразно ли сейчас продолжать наступление пли лучше снова переправиться на восточный берег Немана и выйти в район Езно.

Положение было таково: 184-я стрелковая дивизия под давлением большого количества танков противника частично уже отошла за реку, а 138-я - осталась без снарядов и патронов. Я считал, что в такой обстановке разумнее отойти за Неман. Такое мнение, видимо, было у большинства. Поэтому 22 июля мы вернулись в Еяно. Затем вышли в район Крони и заняли там оборону.

24 июля снова поступил приказ форсировать Неман и овладеть селением Годлево, расположенным южнее Каунаса. Несмотря на сильное сопротивление неприятеля, эту задачу мы

решили к 31 июля.

Другие соединения 5-й армии освободили Каунас.

С каждым днем продвигаться вперед становилось все труднее. Чем ближе подходили мы к вражеской границе, тем яростнее гитлеровцы огрызались.

7 августа 2-й батальон 491-го стрелкового полка, наступавший на острие главного удара дивизии, при преодолении противотанкового рва наткнулся на такой плотный огонь, что вынужден был залечь. Следовавший позади артиллерийский дивизион быстро развернулся. Его пушки выкатили на прямую наводку. Однако и эта поддержка не позволила стрелкам сдвинуться с места. Жестокий бой длился до темноты.

Глубокой ночью из-за переднего края долгое время слышался гул моторов. Я понимал, что немцы на рассвете будут контратаковать нас, поэтому отдал штабу необходимые распоряжения. Мое предположение оправдалось. Как только развиднелось, на наши позиции пошли танки и неприятельская пехота. Первыми в бой с ними вступили артиллеристы. Здесь, как и при форсировании Немана, снова отличился старший сержант Мингас Хайрутдинов. Природный охотник и наездник, он и из орудия стрелял по-снайперски.

Метко разили врага и другие расчеты.

Не менее жарко пришлось стрелкам. Фашистской пехоте удалось просочиться в ров, там началась рукопашная схватка.

Лишь потеряв 17 машин, противник наконец не выдержал и откатился.

Теперь до границы оставалось всего каких-нибудь 15 километров.

12 августа 159-я стрелковая дивизия вышла к Шешупе. Река эта, особенно если через нее переправляться под огнем, - препятствие довольно серьезное. К тому же гитлеровцы основательно укрепили этот рубеж. От Мариянполя на юг и север в несколько рядов тянулись глубокие выемки, ширина которых достигала семи метров. Пространство между рвами было густо изрыто траншеями, опутано проволочными заграждениями, местами заминировано.

Утром 15 августа немцы снова нанесли ряд ударов в разных местах, чтобы захватить более выгодные рубежи для обороны своих пограничных районов.

Под один из них попала и 159-я дивизия. На наши позиции надвигалось десятка два "тигров". За ними следовала пехота. Танки на ходу вели огонь. Но эффект от него был больше моральный. Дивизион майора В. А. Снегирева начал бить по

неприятельским танкам лишь тогда, когда машины приблизились на расстояние прямого выстрела.

Старший сержант Мингас Хайрутдинов, как всегда, цель выбирал не торопясь. Вот он обратил внимание на "тигра", вырвавшегося вперед. Его и взял на прицел расчет Хайрутдинова. Раздалась команда:

- Огонь!

Пушка дернулась и отскочила немного назад. Слева и справа тоже загремели выстрелы. Артиллеристы торжествовали. 5 танков, словно споткнувшись, застыли на месте. 3 из них запылали, один взорвался, и листы брони, как фанера, разлетелись в стороны. Остальные 15 свернули на пшеничное поле, где стояли батареи. Не успели "тигры" пройти и полсотни метров, как еще 2 из них окутались дымом. Теперь в борьбу с ними включились и пехотинцы. Они ставили на пути машин мины, бросали под гусеницы связки гранат, отсекали бежавших за ними вражеских солдат.

Молодой боец Козырев старался не глядеть на надвигавшиеся танки, на перевернутые соседние пушки, на убитых...

Страшно было не одному ему. Ветеран части Мингас Хайрутдинов после рассказывал:

- Не могу сказать, что во время схватки с противником я был абсолютно спокоен. Особенно неприятное чувство владело мной до первого подбитого "тигра". А когда услышал радостные крики: "Давай, Мингас, еще! Так их!" - на сердце сразу стало веселее...

В этом бою расчет старшего сержанта Мингаса Хайрутдинова уничтожил пять фашистских танков и около роты автоматчиков. Хайрутдинову было присвоено звание Героя Советского Союза.

И еще об одном русском богатыре услышал я тогда от его товарищей - это о сержанте Иване Никитовиче Самохине. Внешне он ничем не отличался от многих других деревенских парней. До войны Самохин работал счетоводом в колхозе "Красный ударник", Боровского района, Московской области. В наше соединение он прибыл в июне 1944 года. Мастерство артиллериста совершенствовал в ходе наступления.

И вот перед самой границей Иван Самохин совершил подвиг.

На его орудие, стреляя, мчалось шесть танков. Иван, прильнув к панораме, неотрывно следил за головной машиной. Выстрел - и она загорелась.

Самохин выбирает новую цель. В это время совсем рядом раздается взрыв. Из строя выходят командир расчета и замковый, осколком сносится панорама. Оставшийся в одиночестве комсомолец Самохин открывает замок и наводит орудие через ствол. Потом быстро досылает снаряд в казенник и дергает за

ремешок. Попадание - прямо в башню. Неприятельская машина дымит.

27 выстрелов сделал из пушки наводчик Иван Самохин. Для одного человека это адский труд. Но он выдержал. Атаку танков артиллеристы и пехотинцы отбили. Но на не сжатом поле вдруг появились фашистские автоматчики. Они устремились на огневую позицию, где находился Самохин. Сержант взял автомат и, укрывшись за орудийным щитом, короткими прицельными очередями ударил по цепи. 26 гитлеровцев полегли от его пуль.

Впереди слышится дружное "ура". Постепенно оно отдаляется, приглушаются расстоянием выстрелы. Затем наступает тишина-Иван Самохин рукавом гимнастерки вытирает с лица обильный пот и устало падает на горячую землю...

Ночь на 17 августа запомнилась мне до мельчайших подробностей. Мы готовились к выходу на государственную границу. Подписав приказ о наступлении, я встал из-за стола, накинул на плечи кожаное пальто и взволнованно зашагал по комнате.

Подобное состояние, видимо, переживал и начальник политотдела подполковник Д. М. Костюк, хотя и сидел неподвижно.

- Вы, Николай Васильевич, - сказал он, - отдохнули бы. Мы ведь с вами на ногах от самого Немана.

Я слышал и не слышал его слов: в мыслях уже был на границе.

- Понимаешь, Дмитрий Михайлович, что это значит? - обратился я к Костюку.

Неожиданно до слуха доносится вой снаряда. На мгновение наступает мертвая тишина. Потом раздается оглушительный треск. Это зажигательный снаряд попадает в угол нашего дома, и строение охватывает пламенем.

Не спеша выхожу из помещения, Костюк - вслед за мной. Но, вспомнив, что оставил на столе записную книжку, он возвращается.

Ко мне подбегает штабной радист.

- Товарищ генерал, вас семнадцатый просит.

- Я уже с ним говорил. Передайте, пусть выполняет поставленную задачу.

Появляется Костюк. Вместе идем к машине. Я говорю ему:

- Командиров частей жалко. В самом пекле находятся, а их еще и ругать приходится. Вон Волков сегодня... отбивался от противника, который раз в десять сильнее его... Петин тоже попал в переплет - танки неприятельские в тыл зашли. Попросили помочь, а у меня нет ничего. Накричал на них, чтобы выходили из

положения своими силами. Прошу, поговори с ними помягче, объясни, почему так приходится поступать.

- Да они, Николай Васильевич, и сами понимают.

- Сами одно, а ты - другое...

- Хорошо, скажу.

У самого автомобиля нас догнал радист.

- Товарищ генерал, снова Петин... Голос у него почти плачущий. Я подошел к рации. Командир 491-го стрелкового полка доложил о тяжелом положении. Я сухо ответил:

- Подбросить ничего не могу. А если полк не выполнит задачу, будем судить. Расстроенный иду к Костюку.

- Опять Петину угрожал... Дмитрий Михайлович молчит. Прибегает боец:

- Товарищ генерал, вас командующий спрашивает... Молча иду вслед за посыльным, беру наушники, микрофон. Голос у командарма сдержанный, строгий.

- Срочно поезжайте в части, - приказывает он. - Я прибуду к вам через час. Если застану на старом месте, пеняйте на себя!

До государственной границы уже рукой подать.

558-й стрелковый полк под прикрытием темноты вплотную прошел к шоссе, тянущемуся вдоль восточного берега Шешупы, 491-й и 631-й стрелковые полки штурмовали последний вражеский рубеж на своей земле.

К утру их положение ухудшилось. В 5 часов утра противник предпринял контратаку. Около сотни его, танков навалились на левый фланг 558-го полка. До двух батальонов немецкой пехоты при поддержке самоходных орудий и бронетранспортеров нанесли удар по позициям 631-го полка. Открыла огонь тяжелая артиллерия гитлеровцев, находившаяся далеко за рекой Шешупой.

Я поехал в 558-й полк к подполковнику М. Е. Волкову. У него в этот момент положение было, пожалуй, самое трудное. На позиции, занимаемые подразделениями части, надвигалась новая танковая волна. Казалось, еще немного - и они своими тяжелыми гусеницами подомнут нашу пехоту, раздавят расположенную за нею артиллерию, разметают тылы.

Но вот подала голос 2-я батарея 1-го дивизиона 597-го артиллерийского полка.

- Есть! - воскликнул я, увидев, как немецкий танк сначала вздрогнул, потом осел назад и окутался черным дымом. Перепрыгнув через какую-то яму, поспешил к отличившемуся артиллеристу.

- Молодец! - похвалил я его и расцеловал.

- Командир орудия старший сержант Попов! -

отрекомендовался он, продолжая стрелять.

На моих глазах расчет Андрея Андреевича Попова подбил еще две вражеские машины. А четвертую будто кто заколдовал. Семь снарядов выпустил по ней Попов - и все мимо.

- Такого со мной еще никогда не было! - сказал он.

Только восьмым выстрелом удалось перебить гусеницу.

На этом участке сложилась своеобразная ситуация. Стрелковые батальоны, отразив натиск гитлеровцев с фронта, погнали их к границе. В то же время 36 фашистских танков прорвались в тыл 558-го полка, угрожая огневым позициям артиллерии.

Без пехоты они были не так опасны, и я приказал вырвавшимся вперед подразделениям продолжать движение на запад, а ликвидацию пробившихся через передний край неприятельских машин возложил на артиллеристов и тыловые подразделения.

После этого направился в 631-й стрелковый полк. Подполковника К. Д. Дмитриева в штабе не застал, он находился в одном из батальонов. Я поднялся на небольшой холм. С него хорошо были видны ведущие бой подразделения, а еще чуть подальше уже просматривалась река Шешупа.

Теперь до границы оставалось метров четыреста.

Когда наши бойцы подошли к ней почти вплотную, противник снова поднялся в контратаку. На берегу Шешупы завязалась рукопашная схватка.

1-й батальон 558-го стрелкового полка под командованием старшего лейтенанта Григория Даниловича Галутвы, уничтожив на западной окраине деревни Войтишки до 300 вражеских солдат и офицеров, подбив 2 самоходных орудия и 4 танка, сбросил остатки разбитого немецкого подразделения в Шешупу.

В числе первых границы достигли красноармейцы Сурин, Рябцевич, Серафимович, Шевалда, Борковский. Выкрикивая проклятия в адрес фашистов, они на бегу стреляли из автоматов, бросали гранаты, били не успевших удрать гитлеровцев прикладами.

Солдаты 3-го взвода 631-го стрелкового полка под командованием старшего сержанта Ивана Игнатьевича Новикова прижали у реки группу неприятельских пехотинцев и полностью ее уничтожили.

Несмотря на сильный огонь из-за Шешупы, радостно возбужденные бойцы обнимались и целовались. На месте пограничных знаков устанавливали красные флаги.

Запомнился такой эпизод. Сержант Рзаев был ранен в ногу буквально за несколько десятков метров до границы. Санитары

подхватили его, чтобы унести в тыл. Но Рзаев отстранил их и пополз к заветному рубежу. Лишь окропив его собственной кровью, он успокоился.

- Теперь можно и в госпиталь, - прошептал он.

Его увезли.

Я понимаю порыв сержанта Рзаева. Он так хотел видеть родную землю полностью освобожденной от фашистской нечисти, что нашел в себе силы проползти последний отрезок, который ему не суждено было пройти!

В этот день части и подразделения вели бой с исключительным подъемом. Невозможно перечислить всех отличившихся. Но некоторых из них я все же назову. Это прежде всего командир 558-го стрелкового полка подполковник Михаил Евдокимович Волков, комсорг 491-го стрелкового полка старший лейтенант Николай Афанасьевич Мокридов, заместитель командира 2-го батальона 631-го стрелкового полка капитан Иван Леонович Белов, командир стрелкового взвода младший лейтенант Николай Васильевич Серов, помощник командира взвода отдельной учебной роты сержант Михаил Николаевич Колобов. командир стрелкового отделения младший сержант Василий Петрович Брагин, командиры орудий 597-го артиллерийского полка старший сержант Тимофей Яковлевич Горнов, рядовой Алексей Владимирович Вильдиманов, командир орудия батареи 45-мм пушек 491-го стрелкового полка младший сержант Алексей Сергеевич Андреев, стрелок Мартын Акимович Сурин.

Но многим героям не довелось дойти до заветного рубежа. В схватках с гитлеровцами сложили голову командир 597-го артиллерийского полка подполковник Савелий Васильевич Кунцевич, командир батареи полковых орудий 558-го стрелкового полка старший лейтенант Иван Федорович Чумахин, командир роты автоматчиков этого же полка старший лейтенант Василий Карпович Дедков и другие.

В 12 часов 05 минут 17 августа 1944 года я доложил Военному совету 5-й армии о том, что 159-я стрелковая дивизия вышла на государственную границу. В честь этого события все части начали салютовать. Стреляли из всех видов оружия, начиная от пистолета и кончая орудием.

Еще больше обрадовались мы, узнав, что одновременно с нами государственного рубежа достигли наши соседи - подразделения 184-й стрелковой дивизии.

Забегая несколько вперед, скажу, что за эти бои 159-я стрелковая дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени.

Бойцам и командирам не терпелось поскорее ступить на землю врага. Не дожидаясь приказа, некоторые смельчаки переплывали реку на свой страх и риск Сержант учебной роты Михаил Николаевич Коробов взял с собой красный флаг и, переплыв под сильным автоматным огнем Шешупу, водрузил его на том берегу. Под прикрытием артиллерии курсанты учебной роты начали преодолевать бурную реку. Горстка храбрецов захватила узкую прибрежную полоску. Командовал ими сержант Коробов. Фашисты четыре раза пытались сбросить их в воду. Но не смогли этого сделать.

К вечеру за Шешупой реяло уже несколько советские флагов. Они звали солдат туда, где еще томились в неволе их соотечественники, где ждали освобождения от фашистской тирании порабощенные народы Европы.

В фашистском логове

18 августа 159-я стрелковая дивизия перешла к обороне захваченного рубежа. Приводя в порядок части и подразделения, постепенно пополняя их и обучая, мы в то же время вели непрерывную разведку, предпринимали вылазки, в которых иногда участвовали целые батальоны и даже полк.

Когда перед фронтом соединения появились части 549-й пехотной дивизии противника, укомплектованной в основном юнцами, наш политотдел развернул работу по их распропагандированию. При помощи мин в расположение врага было заброшено 12 тыс. листовок различного содержанка. Среди них было и обращение 17 пленных немецких генералов к солдатам германской армии.

Несмотря на строжайший запрет, нижние чины подбирали наши листовки.

Красноармеец 1-го батальона 631-го стрелкового полка Королев лично наблюдал, как после разрыва агитационного снаряда неприятельские пехотинцы выскочили из траншеи и начали ловить опускающиеся листки. Солдат загнали обратно в укрытие пулеметным огнем.

Помимо печатной пропаганды политработники широко использовали и звуковещательные установки. Только за первые три дня пребывания 549-й пехотной дивизии на передовой нами проведено 17 передач. В последующем еще 40 вещаний было адресовано охранникам 611-го полка.

Результаты этой работы скоро стали сказываться: с той стороны появились перебежчики. В частности, 6 сентября в районе Дворжики к нам перешел фельдфебель. Он заявил, что наши передачи очень интересуют солдат. Когда говорит русское

радио, они не стреляют, а внимательно слушают. Об обстановке на фронтах им ничего не сообщают. С июля не дают никаких газет.

В ночь на 8 сентября пленный выступил перед микрофоном. Он обратился к своим сослуживцам по роте, рассказал, как его у нас приняли, и посоветовал кончать воевать.

И надо сказать, последователи у него нашлись...

17 сентября я побывал в медсанбате, навестил раненых. Некоторым из них вручил правительственные награды. Первым, кого я поздравил с орденом Красной Звезды, был автоматчик 491-го стрелкового полка Сергей Косточко.

Рядом с ним лежал рядовой Николай Мариничев. В бою, в котором он участвовал 1 сентября, на него бросились сразу пять гитлеровцев. Один из них полоснул Мариничева очередью из автомата. Николай упал. Но и раненный, продолжал отбиваться. Гитлеровцы хотели взять его живым. Подпустив их поближе, Мариничев швырнул в них ручную гранату. Троих сразил. Остальные кинулись бежать. Превозмогая боль, Мариничев встал на колени и поднял автомат. Фашисты не ушли...

Больше двух суток Николай Мариничев пролежал на нейтральной полосе. Кричать нельзя - в тридцати метрах немцы, а отползти не хватило сил. Лишь на третий день он как-то добрался к своим. Ему оказали первую помощь и отправили в медсанбат.

Николай Мариничев также удостоился ордена Красной Звезды.

Подхожу к стрелку 3-й роты 1-го батальона 491-го полка Дмитрию Сатманову. Он был ранен 6 сентября, когда прикрывал огнем разведчиков, бравших "языка". Нашим бойцам удалось пленить двух немецких солдат. Сатманов во время перестрелки уложил двух гитлеровцев, третьего ранил. Но вражеская пуля нашла и его.

- Ну, Дмитрий Денисович, как себя чувствуем? - обратился я к Сатманову.

- Спасибо,- расплылся он в улыбке.- На поправку пошло.

- Ну выздоравливай,- пожелал я Сатманову и обратился к дежурной сестре: А как дела у Андреева?

Пулеметчик 2-го батальона Иван Иванович Андреев находился в боевом охранении, когда неприятельская разведка переправилась через Шешупу и пыталась незаметно проникнуть в нашу траншею. Андреев открыл огонь. Фашисты стали отстреливаться. Они тяжело ранили Ивана Ивановича. Однако он не выпустил из рук оружие и продолжал короткими очередями бить по врагу, пока не обратил его в бегство. Санитары подобрали Андреева в бессознательном состоянии, все эти дни ему было

очень плохо. А сегодня наступило улучшение.

Андреев выразил большую признательность врачу Нине Константиновне Ерохиной и сестре старшему сержанту Татьяне Новиковой за спасение жизни.

Раненые были довольны, что их не отправили в тыл.

- Почему? - поинтересовался я.

- Здесь как дома,- ответил Андреев,- и раны быстрее заживают.

Весь сентябрь и первую половину октября мы продолжали совершенствовать оборону, сколачивали подразделения, создавали запасы боеприпасов, горючего, продовольствия и других материальных средств, необходимых для обеспечения наступления.

19 октября дивизии было приказано активизировать разведку, чтобы отвлечь внимание противника от готовящегося прорыва на участке Швиргаллен Доблендженан. Туда была переброшена и вся артиллерия дивизии.

Силами 631-го полка в районе Раджеиа и 558-го - в районе Гудавайтена мы нанесли два демонстративных удара. Второй из них оказался перспективным. Подразделения 558-го стрелкового полка, которым теперь командовал подполковник К. В. Чапаев вместо выбывшего из строя по ранению М. Е. Волкова, форсировали реку Шервинта и заняли две линии траншей. Я незамедлительно донес об этом командующему 5-й армией генерал-полковнику Н. И. Крылову. Он, видимо, сообщил командующему фронтом. Через некоторое время генерал армии И. Д. Черняховский позвонил мне. Выслушав мой доклад о сложившейся обстановке, он сказал:

- Товарищ Калинин, что вам нужно, чтобы развить успех?

- Танки, - ответил я.

- Подбросим! - пообещал Черняховский.

Разговор получился коротким. Но в нем было и одобрение действий дивизии, и новая боевая задача.

Слово свое Иван Данилович сдержал. Нам на помощь сразу же была послана танковая бригада. До ее подхода 558-му стрелковому полку пришлось одному отражать атаку частей 376-й пехотной дивизии немцев.

С прибытием танков часть снова перешла к активным действиям и к исходу дня. овладела Гудавайтеном. Продвинулся и 631-й стрелковый полк. Он овладел Ваббеланом. Но теперь уже темп наступления в нашей полосе снизился. Танковую бригаду командующий фронтом перебросил на другой участок. Мы продолжали выполнять поставленную задачу в основном стрелковыми подразделениями. В тот же день я ввел в бой второй

эшелон дивизии - 491-й полк в направлении Тарнупенеи. 20 октября этот населенный пункт был взят.

Неприятель беспрерывно контратаковал. Несмотря на это, соединение к 25 октября овладело рубежом Йукнишкен-Вилепишен. На этом и закончилась частная операция по захвату плацдарма в Восточной Пруссии. Мы перешли к обороне...

Войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов готовились к Восточно-Прусской операции, главной целью которой было прижать армии "центра" к морю и при содействии Балтийского флота по частям их уничтожить.

Наша 5-я армия входила в состав фронтовой ударной группировав. Наступление первоначально намечалось на вторую половину января. Но потом по просьбе союзников начало его было перенесено на 13 число. Штаб 159-й стрелковой дивизии во главе с полковником Александром Петровичем Соколовым в тесном контакте с командующим артиллерией подполковником Алексеем Евгеньевичем Трунинным и моим заместителем по тылу подполковником Виктором Петровичем Новиковым разрабатывали детальный план прорыва вражеской обороны в полосе соединения, Много вопросов приходилось решать нам в эти дни: какими силами и в каких направлениях вести разведку, как сосредоточить на исходном рубеже части, чтобы гитлеровцы ни о чем не догадались, где и сколько проделать проходов в заграждениях и минных полях, какой продолжительности и какими средствами провести артиллерийскую подготовку, определить способы и пути подвоза, эвакуации и много, много других.

К нам прибывали новые люди. На должность заместителя командира дивизии был назначен генерал-майор Рахим Сагиб Гареевич Максутов. Начальником политотдела стал полковник Василий Александрович Белов. От майора Григория Никитовича Петина 491-й стрелковый полк принял подполковник Яков Ирмович Гофштейн, а в командование артиллерийским полком с января вступил Герой Советского Союза подполковник Кирилл Никифорович Осипов. Все они быстро вошли в наш коллектив.

Наконец подошел и назначенный срок.

С вечера 12 января 1945 года части дивизии заняли исходное положение. За ночь местность окуталась густым туманом. С точки зрения маскировки наших приготовлений это было даже на руку нам. А вот для ведения боевых действий сплошная серая пелена являлась серьезным препятствием.

Выйдя из штабного блиндажа, я попытался определить, надолго ли такая погода. Никаких признаков, что туман скоро рассеется, не усмотрел. Взяв с собой помощника начальника

оперативного отделения майора В. Г. Доронина и порученца, направился на наблюдательный пункт. Там с группой штабных офицеров находился командующий артиллерией дивизии подполковник А. Е. Трунин. Он доложил, что артиллеристы к наступлению готовы.

- Видимости вот только почти никакой,- добавил Трунив,- Это скажется на результатах стрельбы.

НП был оборудовав на скатах высоты, расположенной в двух километрах южнее Швиргаллена. В хорошую погоду отсюда просматривалась почти вся первая позиция неприятеля. Дальше начинался лес. На правом фланге через прогалину виднелась дорога на Радшен. Но сейчас уже за 10-15 метров ничего нельзя было различить.

В 9 часов 13 января началась артподготовка. Мощные залпы сотрясали воздух, под ногами задрожала земля. Куда ложатся снаряды, наблюдатели не видели. О том, что какая-то часть их все же достигала цели, можно было судить лишь по косвенным признакам.

Когда огонь орудий и минометов был перенесен в глубину обороны немцев, полки первого эшелона пошли в атаку.

Через некоторое время начальник разведки майор Н. П. Максимов доложил, что захвачены первые пленные.

Одного из них старшина Елисеев доставил к нам на НП. Мы попытались его допросить. Однако из этого ничего не вышло: то ли гитлеровца контузило, то ли он так испугался, что слова сказать не мог. Его отправили на сборный пункт военнопленных.

От нашего соединения впереди были пока только разведчики. Они действовали вместе с подразделениями 184-й стрелковой дивизии. От них я получал самую первую информацию о ходе наступления.

Прогрызание вражеских позиций шло медленно. Это объяснялось тем, что противник в общем-то ждал нашего удара и подготовился к нему. Упорная борьба велась за каждую траншею, каждый окоп. Из-за тумана мы не могли широко использовать авиацию, артиллерию. Да и танки непосредственной поддержки вынуждены были держаться поближе к своим стрелковым подразделениям. Ограниченная видимость позволила гитлеровцам подтянуть резервы и провести ряд контратак.

К вечеру 184-я дивизия сумела дойти лишь до второй позиции. В этой обстановке командир 45-го стрелкового корпуса генерал Н. И. Иванов решил с утра 14 января ввести в бой нашу дивизию. Мы должны были овладеть второй позицией и, развивая наступление в направлении Радшен, завершить прорыв главной полосы обороны противника, обеспечить ввод танковой группы.

Сразу же после получения приказа соединение выдвинулось на рубеж Швиргаллен-Волляйкинен. Ночью была проведена разведка, а на рассвете дивизия вступила в соприкосновение с неприятелем.

631-му Витебскому ордена Александра Невского стрелковому полку была поставлена задача на участке Швиргаллен, Волляйкинен захватить вторую и третью линии траншей, населенные пункты Волляйкинен, Айминшпкен и совместно с 491-м и 558-м полками наступать в направлении на Радшен. 631-му полку придавались 144-я отдельная штрафная рота, отдельная батарея самоходных орудий, 1-й и 3-й дивизионы 597-го артиллерийского полка.

1-й стрелковый батальон под командованием капитана Афонина вместе со 144-й отдельной штрафной ротой под прикрытием 82-мм батальонных и 120-мм полковых минометов начал штурм вражеских траншей.

К 6 часам 14 января из обеих линий противник был выбит. 631-й полк тремя батальонами, расположенными в линию, повел наступление на Волляйкинен. На подступах и Волляйкияену предстояло взять еще высоту 62.8- один из наиболее сильных опорных пунктов врага.

Здесь гитлеровцы оказали упорнейшее сопротивление. Батальоны первого эшелона несли большие потери. Фашистская пехота при поддержке танков и самоходных орудий "фердинанд" предприняла несколько контратак. Всю тяжесть их удара приняла на себя 8-" стрелковая рота под командованием старшего лейтенанта Колесникова. "Фердинанды" били по ее боевым порядкам прямой наводкой. Однако бойцы не дрогнули и успешно отражали натиск фашистов. Особенно отличился в этом бою командир отделения истребителей танков комсомолец сержант Абдурахманов. Когда две самоходки направились прямо на него, Абдурахманов со связкой гранат бросился им навстречу. Из-под гусеницы одного из "фердинандов" вырвался сноп огня, и он остановился.

Сержант Абдурахманов погиб. Его подвиг мобилизовал бойцов, и они стали бить фашистов с еще большим ожесточением.

В 9-й стрелковой роте героем дня стал помощник командира взвода комсомолец сержант Гончарук. В самый напряженный момент, когда на стрелков навалилось восемь немецких танков, из строя вышел взводный. Сержант Степан Гончарук взял командование подразделением на себя. Он действовал решительно и смело.

Получив ранение, Гончарук не покинул поля боя. Истекая кровью, он продолжал командовать взводом. В этой схватке

сержант лично уничтожил восемь гитлеровцев. Контратака противника была отбита.

В 11 часов я перенес свой командный пункт в район второй неприятельской позиции. Разместились в добротном и просторном блиндаже, оставленном отступившими. В нем мы нашли приказ Гитлера, в котором предписывалось Восточную Пруссию удержать любой ценой. Всех, кто оставит позиции,расстреливать. Семьи сдавшихся в плен направлять в концлагеря.

Немецкое командование беспрерывно бросало против нас подтянутые из глубины части. Отразив все контратаки противника, дивизия завершила прорыв второй позиции.

Утром 15 января туман рассеялся. Это дало нам возможность перед штурмом третьей позиции хорошо разведать цели для артиллерии.

Мне позвонил командир корпуса и предупредил, что в полосе дивизии будет вводиться танковая группа. Я вышел из блиндажа. После двухдневного тумана как-то непривычно было смотреть в чистое голубое небо, на искрящийся под солнцем снег.

Неожиданно со стороны Радшена на бреющем полете вынырнул вражеский самолет. Зенитчики открыли огонь и подбили его. Но летчик успел сбросить кассету с мелкими бомбами. Огневая позиция артиллеристов покрылась воронками. Мне доложили, что тяжело ранен командир стрелявшей батареи.

Я приказал улучшить маскировку, убрать все лишние машины, скопившиеся в роще вокруг КП.

Часов в одиннадцать прибыл офицер наведения авиации. Через два часа мы должны были начать атаку. Еще с рассвета части дивизии на некоторых участках провели бои с целью улучшения своих позиций. Противник продолжал обстреливать нас из пулеметов и минометов, вел усиленную авиационную разведку. Он, конечно, чувствовал, что наше наступление должно возобновиться, и с воздуха пытался установить, куда мы выдвигаем танки.

Но вот наступило время, и в небо поднялись краснозвездные бомбардировщики, штурмовики, заговорила дивизионная и корпусная артиллерия. На неприятельскую оборону обрушился град бомб и снарядов.

На мой КП позвонил командир 558-го стрелкового полка подполковник К. В. Чапаев. Он попросил, чтобы авиация наносила удары чуть поглубже, а то осколки долетают до выдвинувшегося вперед батальона.

Сказал об этом офицеру наведения. Он передал команду летчикам.

В это время начала выдвигаться на рубеж развертывания 120-я танковая бригада. Она шла тремя колоннами. Каждую из них возглавляли машины с тралами. Им предстояло проделать проходы в минных полях.

Танки протаранили гитлеровскую оборону. За ними устремилась наша пехота. Наступающие части захватили высоту 82.8, Волляикинен, а затем и Айменишкен. Но полностью завершить прорыв позиции дивизии не удалось. Юго-западнее Радшена немцы сосредоточили крупные танковые силы для проведения контратаки во фланг, чтобы отрезать вклинившиеся в их оборону танки.

159-я стрелковая дивизия приняла удар неприятеля на себя.

Я перешел на наблюдательный пункт, расположенный южнее Аймешппкена. С него хорошо просматривались подступи к сильно укрепленному Радшену.

Под вечер на НП приехал начальник штаба 5-й армии генерал Н. Я. Прихитько. Я доложил ему обстановку и свое решение отражать контратаку одним полком и противотанковым резервом, а остальными силами развивать наступление на Радшен, обходя его с северо-востока.

Николай Яковлевич изучил положение частей соединения и связался с командующим 5-й армией. Генерал-полковник Н. И. Крылов утвердил мое решение, затем предупредил, что со мной будет говорить И. Д. Черняховский.

Я взял трубку. Через несколько секунд услышал голос Ивана Даниловича. Он поздоровался, сказал, что знает, какая напряженная у нас сейчас ситуация.

- Но нужно сделать все, чтобы не отвлечь соседа от выполнения основной задачи,- приказал командующий фронтом.- От этого зависит общий успех. Вы поняли меня? Чем вам помочь?

- Понял, - ответил я. - Сделаем все, что от нас требуется. Если есть возможность, прошу усилить танками.

В наш разговор вплелись голоса телефонистов. Черняховского вызывала Москва.

- Ну, желаю успеха! - успел сказать Иван Данилович, и нас разъединили.

В штабе 2-го гвардейского танкового корпуса, действовавшего севернее Радшена, находился наш офицер связи. Я немедленно выслал туда оперативного работника для согласования неотложных вопросов. Затем переговорил по телефону со всеми командирами полков, разъяснив, какая ответственная задача на нас возложена.

Всю ночь дивизия отбивала контратаки противника.

Николай Яковлевич Прихитько пробыл на моем НП почти до

рассвета. Он помогал мне советами и держал в курсе обстановки на фронте армии.

Убедившись, что мы приняли все меры, чтобы выполнить приказ, он уехал. На прощание Прихитько сказал:

- Лучшей помощью соседу было бы ваше продвижение вперед.

Я учел его совет.

В ночь на 16 января 631-й стрелковый полк завязал бой за Буржен - один из наиболее укрепленных опорных пунктов немцев, стоящий на пути к Радшену. Под покровом темноты часть скрытно сосредоточилась в 70- 100 метрах от неприятельских траншей. Однако с помощью осветительных ракет враг все же обнаружил наши подразделения и обрушился на них всеми своими огневыми средствами. Несмотря на губительный огонь, полк на рассвете атаковал Буржен, ворвался в него и, истребив оборонявшийся там гарнизон, овладел селением.

Одновременно с Бурженом был занят и Айменишкен. Противник отошел на заранее подготовленный рубеж, проходивший через Радшен, являвшийся мощным заслоном на пути к Инстербургу. Отсюда было удобно контролировать дороги, связывающие восток и запад. Радшен оборонял батальон пехоты, поддерживаемый 12 танками и самоходными орудиями. Помимо этого противник имел здесь 75-мм орудия и тяжелые 119-мм минометы. Пушки его располагались в районе Поджек, Плимпален, а минометы на высотах с отметками 61.4 и 66.2. С них гитлеровцы могли просматривать наши боевые порядки.

Артиллерия врага точно била по видимым целям. Подразделения 631-го полка вынуждены были окопаться. Радшен опоясывали две линии глубоких траншей с сильно развитыми ходами сообщения, сеть проволочных заграждений и препятствий. Передний край был заминирован. Траншеи прикрывались также надолбами и стальными ежами. Вправо от них тянулся широкий противотанковый ров.

16 января в 14 часов командир 631-го полка подполковник К. Д. Дмитриев созвал командиров батальонов, батарей и приданных подразделений, провел с ними рекогносцировку местности и поставил боевые задачи.

1-му стрелковому батальону вместе с приданной штрафной ротой он приказал сосредоточиться на юго-западной окраине Айменишкена и при поддержке 1-го дивизиона 597-го артиллерийского полка наступать на юго-западную окраину Радшена. 3-му стрелковому батальону с приданной полковой артиллерией, заняв исходное положение на северо-западной окраине Айменишкена, овладеть северо-восточной частью Радшена. 2-му батальону занять исходное положение правее 3-го

батальона и при поддержке 3-го артдивизиона наступать на высоты с отметками 64.0 и 66.0, перерезать дорогу, идущую из Куссена на Гумбинен, и выйти в тыл радшенской группировке противника.

После уничтожения фашистов в Радшене подразделения части должны занять рубеж по западному берегу реки Айменис.

После сорокаминутной артиллерийской подготовки 631-й стрелковый полк пошел в наступление на Радшен. Рота старшего лейтенанта И. М. Бескаравайного, скрытно выдвинутая перед этим на дорогу Айменишкен - Радшен, стремительной атакой сбила боевое охранение противника и устремилась к Радшену. За нею последовали 1-й и 3-й батальоны. Находившаяся в их боевых порядках батарея 45-мм орудий под командованием капитана В. А. Рогожина подавляла оживавшие вражеские огневые точки.

1-й стрелковый батальон во главе с капитаном Афониным наступал вдоль реки Айменис. Его третья рота (командир старший лейтенант М. С. Митин) быстро достигла южной окраины Радшена, охватив правый фланг гитлеровцев.

Считая свой левый фланг, где у неприятеля был противотанковый ров, надежно защищенным, фашисты все внимание сосредоточили на обороне дорог Айменишкен-Радшен и Буржен-Радшен.

Этим воспользовался командир 3-го стрелкового батальона старший лейтенант А. М. Максимов. Он вывел подразделение к противотанковому рву, сбил имевшийся там заслон, перерезал дорогу Буржен-Радшен и вышел на трассу Радшен-Куссен, обходя Радшен с северо-востока.

Немцы открыли сильный пулеметный и минометный огонь и вынудили наших бойцов залечь. Здесь отличилась рота лейтенанта Вениамина Александровича Тараканова. Вместе с парторгом сержантом Нарышкиным и агитатором сержантом Савченко командир сумел поднять людей и повести в атаку.

Встав во весь рост, лейтенант крикнул:

- За Родину - вперед!..

Почти одновременно с Таракановым вскочили Нарышкин и Савченко, а за ними и все остальные. Фашисты усилили огонь.

- Не робей, ребята,- подбадривал солдат ротный,- за мной!..

Рядом с Таракановым разорвалась мина. Осколок сразил лейтенанта. Находившийся рядом с ним парторг Нарышкин был тяжело контужен, а агитатор Савченко ранен. Но несмотря на это они остались в строю. Мужеством и презрением к смерти они воодушевили бойцов. Стремительным броском подразделение достигло Радшена и ворвалось на его окраину.

Решительно действовали также роты старшего лейтенанта И.

Ф. Мирского и лейтенанта В. И. Шупикова. Перерезав дорогу, идущую из Куссена на Гумбинен, они зашли в тыл радшенскому гарнизону. Их удар был неожиданным для противника, однако он продолжал упорно сопротивляться. Во время этой схватки командир 6-й роты Владимир Иванович Шупиков получил тяжелое ранение. Но он не покинул поля боя до тех пор, пока 6-я и 4-я роты не ворвались на улицы Радшена.

Здесь большое личное мужество проявил командир взвода автоматчиков лейтенант Дмитрий Николаевич Караващенко. Подразделение окружило большой каменный дом, в котором засела группа немцев, но овладеть им никак не могло. Фашисты отбивались с упорством обреченных. Время шло, а взвод продолжал топтаться на одном месте. Тогда Дмитрий Караващенко взял связку гранат и пополз к постройке. Приблизившись к ней вплотную, вскочил и бросился в помещение. Через несколько мгновений раздался оглушительный взрыв. Из окон полетели рамы, повалил дым, с крыши посыпалась черепица.

Когда автоматчики, последовавшие за командиром, вбежали в просторную комнату, то увидели в ней семь трупов гитлеровцев.

Мертв был и лейтенант Караващенко...

Меньше часа длился уличный бой в Радшене. Его гарнизон был полностью разбит.

С падением этого населенного пункта, по сути, завершился прорыв гумбиненского рубежа.

В этот же день, вечером, я встретился с командиром 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса генерал-лейтенантом А. С. Бурдейным. Это произошло на северо-восточной окраине Радшена. Алексей Семенович подъехал в крытой машине типа летучки. Когда я вошел в нее, Бурдейный сидел за столом, склонившись над картой. Рядом с ним стояло несколько офицеров. Я представился. Бурдейный встал. Высокий, крепко сложенный, он напоминал былинного богатыря. По утомленному яйцу было видно, что он провел не одну бессонную ночь.

- Рад видеть соседа, - радушно сказал он, пожимая руку. - Как идут. дела?

Я кратко проинформировал Алексея Семеновича об обстановке в полосе дивизии и о полученной задаче. Он в свою очередь рассказал о положении корпусных частей и соединений. Его беспокоил левый фланг, против которого противник сосредоточил значительное количество танков. Мы договорились о порядке взаимодействия на случай вражеских контратак и при дальнейшем наступлении в северо-восточном направлении.

Все вопросы решили быстро, в я тотчас же вернулся на

командный пункт, который к атому времени переместился в Радшен.

Ночью гитлеровцы попытались выбить нас из городка. До утра 17 января на окраинах Радшена шли бои. Так ничего и не добившись, неприятель отошел в Йоджен.

Теперь 159-я стрелковая дивизия в тесном взаимодействии с соседями должна была развивать наступление в направлении Инстербурга.

Я собрал командиров полков и перед каждым поставил конкретные задачи.

В это время к нам приехал командующий артиллерией 3-го Белорусского фронта генерал М. М, Барсуков. Я пошел его встречать. Прервав жестом, мой доклад, он начал расспрашивать о проведенных боях, о том, как в них использовалась артиллерия. Выслушав меня и подполковника А. Е. Трунина, Барсуков заметил, что необходимо смелее использовать орудия сопровождения.

- Надо, чтобы они действовали совместно с танками и танковыми десантами, посоветовал он. - А если местность непроходима для артиллерийских тягачей, то цеплять орудия за боевые машины, а расчеты сажать на броню.

После беседы на командном пункте генерал Барсуков вместе с подполковником А. Е. Труниным выехал в район огневых позиций дивизионного артиллерийского полка.

На подготовку к новым боям времени было крайне мало. Поэтому спешили сделать самое неотложное.

Наступать пришлось через Тцулкиненский лес, раскинувшийся почти до самого Инстербурга. На всех дорогах и просеках немцы устраивали завалы, ставили мины, оставляли отряды прикрытия. Все это, безусловно, влияло на тема нашего продвижения.

21 января, после полудня, части дивизии вышли к реке Штриус. Здесь повернули на юг. К вечеру достигли опушки леса Айхвальд. Отсюда просматривалось шоссе, идущее из Гумбинена на Инстербург. По нему бесконечным потоком тянулись отступавшие колонны фашистов. У всех нас было большое желание ударить по ним. Но слишком небольшие силы были пока под рукой. Танки, артиллерия и многие стрелковые подразделения еще только подходили, растянувшись по тесным лесным путям. Ничего больше не оставалось, как подождать их.

Подтянув все части и развернув артиллерию, дивизия ночью атаковала противника. В лоб пошел 558-й стрелковый полк. Командир его подполковник К. В. Чапаев был ранен, вышли из строя и многие офицеры из подразделений. Тяжелые потери нес

также рядовой состав. В батальоне, которым командовал капитан Василий Георгиевич Чернов, осталось всего человек шестьдесят - семьдесят. Несмотря на это, бойцы отбивали у врага траншею за траншеей, преодолевали проволочные заграждения, уничтожали засады.

В 5-ю роту, которая выдвинулась вперед, пришел заместитель командира батальона по строевой части старший лейтенант Иван Григорьевич Лукин. Он всегда был с бойцами - там, где опаснее. Его любили и уважали за смелость, за то, что умел для всех найти душевное слово, подбодрить, своевременно предостеречь от ошибки, непродуманного шага. С удовольствием с ним советовался по всем вопросам и командир роты младший лейтенант Колпаков.

В очередную атаку они повели подразделение вместе. Первым поднялся взвод младшего лейтенанта Постришнего. Противник оказывал сильное огневое сопротивление. Но солдаты продолжали наступать. Даже раненые не покидали строя. Мне рассказывали потом, как автоматчики Федор Ольховский и Николай Радюк, которых зацепило одного в руку, другого в ногу, помогая друг другу, все-таки добрались до окопов, куда уже ворвалось отделение младшего сержанта Егора Батальонникова, в приняли участие в схватке с гитлеровцами.

Пока 5-я рота очищала захваченные укрепления, воины 6-й роты во главе с лейтенантом В. Н. Руденко устремились в глубь вражеской обороны. Второй траншеи первым достиг взвод младшего лейтенанта Болышева, раньше всех в рукопашную вступил младший сержант Гаяз Ахтямов. В ход были пущены штыки, приклады, гранаты. Неприятельские солдаты пытались было отбиваться, но не выдержали натиска и начали спасаться бегством. Некоторые сдались в плен.

На какое-то время бой утих. Однако это была лишь небольшая пауза. Подразделениям предстояло преодолеть еще одну линию проволочных заграждений, окопов, бетонированных огневых точек. А людей осталось совсем мало, кончались боеприпасы.

В это время подошли 631-й и 491-й полки. Саперы младшего лейтенанта Аксенова проделали в заграждениях проходы, и части решительным ударом опрокинули врага.

Дорога Гумбинен-Инстербург была перерезана.

Дивизия с ходу приступила к форсированию Писсы, чтобы закрыть немцам южные пути отхода.

Ночью части овладели Нойштебингеном, Таммевишкеном и с юга ворвались в Инстербург. С востока в город вошли подразделения других соединений. Противник поспешно

отступил.

Командир 45-го стрелкового корпуса генерал Н. И. Иванов по радио приказал нам закрепиться на юго-западной окраине и быть готовыми к отражению контратак.

Соединение заняло оборону и начало приводить себя в порядок. Наш командный пункт расположился в дачном поселке Танненхоф.

Вскоре в дивизию приехал командир корпуса. Он выразил удовлетворение нашими действиями, осмотрел части и поставил новую задачу. Суть ее заключалась в том, что мы должны были совершить марш до Вилау, а потом повернуть на юг и наступать в направлении Аленбург, Ундерваген.

Вызвал командиров полков на опушку леса. Они доложили о положении своих полков. Я заметил, что Дмитриев, Чапаев, Гофштейн и Осипов как-то странно переглядываются. Я пригласил их сесть на бревна и спросил:

- Что случилось?

Все устремили взгляды на Дмитриева. Он некоторое время молчал, потом сказал:

- Предложение у вас есть. Правда, в деталях мы его еще не продумали, а в принципе оно такое: людей нет подразделениях. Вот мы и думаем: не сделать ли в дивизии один полнокровный сводный полк?

- Ну что же, идея предельно ясна, - ответил я после некоторого раздумья. Но есть у меня к вам, товарищи командиры, один вопрос: под чьим знаменем будет воевать сводный полк? И опять-таки, куда девать штабы частей?

Офицеры молчали. Я продолжал:

- Нам приказано сегодня начать наступление. А чтобы сформировать сводный полк, нужно время - сутки или двое. Потом вновь созданные подразделения надо сколотить. А представьте: вдруг к вам завтра прибудет пополнение. Что же, тогда снова все перестраивать? Я понимаю ваше беспокойство: трудно выполнять задачи, которые ставятся перед полками, если в них бойцов лишь на один батальон. Но ведь легче изменить задачу, чем проводить переформирования. Кроме того, не забывайте и о таких вещах: мы воюем не первый год. Каждый полк имеет свои традиции. А это очень важно для воспитания личного состава. Так я думаю, Василий Александрович?

Я обратился к начальнику политотдела полковнику Белову,

- Конечно, - согласился он.

- Ну что ж, пожалуй, вы нас убедили, - сказал Дмитриев.

Я порекомендовал командирам частей пока сократить численность людей в тылах. И за счет их пополнить роты.

После этого поставил им задачи на наступление.

За Кройцбург бои шли уже два дня. Город упорно обороняли 1093-й пехотный полк и танковое подразделение. Используя господствующее положение Кройцбурга над окружающей местностью и туман, сковывающий действия нашей авиации, немцы изо всех сил держались за этот населенный пункт.

И все же в ночь на 7 февраля 558-й стрелковый полк сумел овладеть маслозаводом, расположенным на южной окраине Кройцбурга, а 631-й и 491-й полки прорвались в центр и на северную окраину. В тяжелых уличных боях остатки фашистского гарнизона вскоре были полностью уничтожены. Противник дважды контратаковал. Во второй раз он бросил на наши позиции до батальона пехоты с 12 танками. Я приказал развернуть 136-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион. Артиллеристы, поддерживаемые стрелками, действовали самоотверженно. Они подбили 4 танка, а остальные заставили повернуть обратно.

В этом бою погиб наш замечательный товарищ командир противотанковой батареи капитан Рубен Джавидович Геворкян.

Потери были и среди рядового состава.

Измотанные беспрерывными маршами, схватками с врагом, сильно поредевшие подразделения дивизии нуждались в отдыхе, пополнении. Но обстановка требовала продолжать наступление, чтобы не дать неприятелю зацепиться на новом рубеже, привести себя в порядок и подготовить оборону.

Полки первого эшелона - 558-й и 631-й - буквально на плечах гитлеровцев подошли к Кляйн Тифенталю и вскоре овладела им. 10 февраля они заняли господский двор Глаутинев и перерезали шоссе Цинтен-Кенигсберг.

Когда эти части окончательно выдохлись, я задействовал 491-й стрелковый полк, находившийся во втором эшелоне, и приказал с утра 11 февраля во взаимодействии с остальными силами соединения взять Клаусситтен.

Задача эта была выполнена.

В это время слева от нас войска 28-й армии завязали бои за Цинтен, справа 184-я стрелковая дивизия дралась за Немриттен.

Фашисты попытались отбить Клаусситтен. Несколько их контратак мы отразили. Однако враг не унимался. Собрав в кулак все свои резервы, он нанес удар по 184-й стрелковой дивизии и несколько потеснил ее, угрожая теперь нашему правофланговому 558-му полку.

Я узнал об этом из донесения, переданного по радио, когда возвращался к себе от командира корпуса. Надо было срочно отдать распоряжение артиллеристам, чтобы они открыли

заградительный огонь. Но связи с ними но было. Что делать? До командного пункта ехать еще минут двадцать - тридцать. За это время все может произойти.

Вдруг мимо машины мелькнула огневая позиция гаубичной батареи. Я приказал водителю Геннадию Васильеву свернуть туда. На огневой меня встретил старший офицер батареи лейтенант Апенько.

- В каком направлении ведете огонь? - спросил я его.

- Буссоль 44-00, - быстро ответил он.

- Некогда мне расчетами заниматься, - рассердился я. - Покажите по карте!

Лейтенант достал целлулоидный круг и линейку, приложил к точке на- карте, где мы находились, и показал, куда стреляет батарея. Она прикрывала западную окраину Клаусситтена.

- Связь с кем есть? - спросил я Апенько.

- С командиром батареи и дивизионом,- доложил он.

- Тогда передайте командиру дивизиона мой приказ немедленно перенести огонь вот сюда. - И я провел на карте линию.

Апенько начал высчитывать доворот и прицел. Я велел ему кроме цифр сообщить словами, чтобы заградительный огонь дивизион поставил на рубеже два километра северо-западнее Клаусситтена.

- А то еще шарахнет по своим.

- Ясно, товарищ генерал, все будет сделано!..-заверил Апенько и побежал к телефону.

Мы поехали дальше. Васильев гнал машину на предельной скорости. Когда подъехали к командному пункту, увидели разрывы наших снарядов перед правым флангом. Я облегченно вздохнул: успели!

Подполковник А. Е. Трунин доложил, что огонь ведется двумя дивизионами.

12 февраля обстановка осложнилась. Немцы подтянули свежие силы и возобновили контратаки. Наши же полки не пополнялись ни людьми, ни боеприпасами. Особенно острая нехватка ощущалась в снарядах.

Гитлеровцы все время меняли направление своих ударов, прощупывали, где у нас послабее. Приходилось маневрировать огнем артиллерии и минометов. В ход пустили и минометы 631-го стрелкового полка, выведенного во второй эшелон.

Вечером противник на узком участке пробился к западной окраине Клаусситтена, а потом захватил почти все селение. Связь с оборонявшимся там 491-м полком прервалась как раз в то время, когда подполковник Гофштейн докладывал о том, что

противник атакует его командный пункт. Посланные туда телефонисты сообщили, что дом, где находился КП части, захвачен фашистами.

Я ввел в бой 631-й полк с задачей восстановить положение. Зенитно-пулеметную батарею поставил на прямую наводку, чтобы закрыть образовавшуюся брешь.

О сложившейся обстановке и принятом решении доложил командиру корпуса генералу Иванову, попросил у него помощи. Николай Иванович обещал прислать самоходный дивизион, но только через два-три часа.

Бой в Клаусситтене продолжался. Сильная стрельба слышалась в центре и на восточной окраине. Теплилась надежда, что Гофштенн со своим штабом цел. С одним из батальонов его полка удалось восстановить связь. Вызвал начальника разведки Н. П. Максимова и приказал ему пробиться на командный пункт 491-го полка. В это время оттуда прибыл ординарец Гофштейна и доложил, что штаб во главе с командиром части ведет бой в окружении. Вырваться из кольца нет возможности - мало сил. Да и нельзя бросить тяжелораненых. Размещен КП в большом доме с надежным подвалом.

Надо спешить на выручку. Конечно, целесообразнее было бы дождаться прихода самоходного артдивизиона. Но тогда можно опоздать. Отдаю распоряжение артиллеристам поставить заградительный огонь перед западной окраиной Клаусситтена, чтобы помешать противнику подбрасывать резервы, частью сил 491-го полка и подразделением дивизионных разведчиков под прикрытием огня зенитно-пулеметной батареи прорваться к окруженному штабу.

Вслед за этой группой пошел 631-й полк. Неприятель был выбит из центра Клаусситтена, и Гофштейн со своим штабом спасен.

Вскоре подошел и самоходный артиллерийский дивизион.

К утру 13 февраля положение было полностью восстановлено-.

Противник прекратил контратаки. Наступила небольшая передышка.

Однако через несколько дней мы получили приказ едать занимаемый рубеж соседу слева и перейти в район станции Эккер. Здесь мы наконец получили долгожданное пополнение.

Бои в районе Эккер носили местный характер. Они велись с целью улучшения позиций.

В течение двух дней, 22 и 23 февраля, мы сдавали свою полосу 96-й гвардейской дивизии. В это время к нам прибыло еще 1700 человек - народ обстрелянный, вернулись в строй после

лечения в госпиталях. Теперь полки у нас снова стали трехбатальонного состава.

23 февраля соединение торжественно отметило 27-ю годовщину Красной Армии и Военно-Морского Флота. На состоявшемся по этому поводу митинге выступил командир 45-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. И. Иванов. Он поздравил личный состав с праздником, поблагодарил за успешные действия дивизии в недавних боях, пожелал скорейшей победы над врагом.

Затем состоялся концерт художественной самодеятельности. В лесу восточное Эккера звучали советские песни, стихи любимых поэтов, слышался перестук каблуков танцоров.

15 марта дивизия вышла на рубеж фольварк Грюнвизе-Плессен. 16 марта перешла в наступление.

Подготовка к нему велась в пожарном порядке. Погода не благоприятствовала: наступила весна, и вокруг царила непролазная грязь. Машины могли ходить только по дорогам с твердым покрытием, а они не всегда совпадали с нашими маршрутами. Орудия часто приходилось выкатывать на огневые позиции на руках.

Накануне наступления из строя выбыл командир 631-го стрелкового полка полковник Кирилл Дмитриевич Дмитриев - ветеран дивизии, волевой и опытный офицер. Он шел на командный пункт дивизии и попал под минометный обстрел. Его отправили в тыловой госпиталь, и с тех пор я больше не встречался с ним.

Почти за две недели боев мы продвинулись ненамного. Но напряжение пришлось испытать огромное. Понимая, что это последний их рубеж, гитлеровцы сопротивлялись с упорством обреченных. Фашистское командование беспощадно расстреливало всех, кто оставлял позиции.

Все же нам удалось перерезать автостраду Кенигсберг-Эльбинг, а 17 марта мы овладели Виндкаймом. Противник контратаковал и кое-где имел успех. Критическое положение создалось на участке 558-го стрелкового полка. Неприятель вышел к деревне, на окраине которой находился штаб части. Его встретили пулеметным и автоматным огнем. Но в самый напряженный момент пулемет вдруг замолчал. Командир полка Константин Васильевич Чапаев, видя, что расчет не может устранить. задержку, выскочил в окно и побежал к нему на помощь. Быстро ликвидировав неисправность, Чапаев сам лег за пулемет. Противник был отбит, но последней очередью в обе ноги ранило Константина Васильевича. Его хотели эвакуировать в тыл, однако он категорически отказался от этого. Мне тоже не хотелось отпускать боевого командира, и я согласился, чтобы

Чапаева лечили в медсанбате.

Медленно, но уверенно наша дивизия продолжала продвигаться в направлении Феддерау. В частях снова осталось совсем мало людей. Распутица затрудняла переброску техники. Поэтому пехоте приходилось пробиваться вперед только при поддержке артиллерийского и минометного огня с закрытых позиций.

20 марта мы захватили Феддерау. Затем, тесня врага к морю, наши подразделения вышли к заливу Фриш-Гаф. Фашистские войска оказались рассеченными на несколько групп. Больше всего гитлеровцев скопилось на мысе Каль-Хольц в районе Волитта. Они яростно сопротивлялись. На наше предложение сложить оружие командование блокированных частей ответило отказом. Несмотря на это, отдельные группы неприятельских солдат вняли нашему призыву и сдались в плен. От них мы узнали, что прекращению боевых действий препятствуют отряды войск СС. Они все еще надеются на помощь с моря.

Людей и танков у противника было больше, чем у нас, но мы его, как говорится, загнали в угол.

Чтобы у неприятеля не оставалось никаких иллюзий на спасение, я решил наступать вдоль берега, чтобы отрезать его и от моря. Идти пришлось по узкой дамбе. Немцы открыли шлюзы, пытаясь остановить нас. На тоненькой, как нитка, полоске суши они поставили бетонированные колпаки, врыли в землю танки. Подавить их артиллерией с закрытых позиций было очень трудно - слишком мелкие цели. Тут требовалось бить прямой наводкой.

Командир 136-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона капитан Александр Николаевич Макаров выдвинул два орудия прямо на дамбу. Артиллеристы уничтожили вражескую самоходку, а затем подавили огневую точку, мешавшую продвижению наших стрелков. В этой схватке Макаров погиб.

..Неширокая трехкилометровая полоска земли к 28 марта наконец полностью перешла в наши руки, и противник в районе мыса Каль-Хольп оказался в полном окружении.

Нами здесь было пленено несколько тысяч фашистских солдат и офицеров, захвачено много боевой техники и оружия.

А сколько людей, насильно пригнанных сюда со всей Европы на оборонительные работы, получило свободу.

Это была большая победа!

29 марта 159-я стрелковая дивизия вышла из боя.

На смену нам прибыла 97-я стрелковая дивизия. Нашему соединению предстояло совершить марш в Глаутинен.

Теперь мы шли уже по знакомым дорогам. Вот Виндкайм,

имение барона фон Гласова, ответвление ни Модвичсорт, поворот на юго-запад к Цинтену и наконец Глаутинен.

Двухдневная остановка. Затем движение на северо-восток.

К концу дня 4 апреля дивизия сосредоточилась в 15 километрах северо-западнее Кенигсберга. Здесь мы два дня приводили в порядок части и готовились к новым боям,

К нам прибыли 73 офицера и 188 солдат и сержантов на пополнение подразделений. Все они были направлены в 491-й и 558-й стрелковые полки.

6 апреля мы сменили части 182-й стрелковой дивизии.

Окруженная в районе Кенигсберга и Земландского полуострова крупная немецко-фашистская группировка, несмотря на безнадежность своею положения, продолжала упорно сопротивляться.

В полосе 159-й стрелковой дивизии неприятельская оборона была глубоко эшелонирована и усовершенствована. На переднем крае и в глубине имелось много дзотов, траншей и ходов сообщения. А на подступах к ним путь преграждали проволочные заграждения и минные поля. На километр фронта тут приходилось более тысячи мин.

Соотношение в силах было почти равное. Противник превосходил нас в людях, а мы его в артиллерии.

Нам противостояли части 58-й пехотной дивизии.

Всю ночь на 7 апреля наши саперы под руководством дивизионного инженера капитана М. Э. Могилевского проделывали проходы в минных полях. В это время другие соединения фронта уже штурмовали Кенигсберг.

7 апреля в 9 часов после короткой артподготовки полки первого эшелона 491-й и 558-й - пошли в атаку. Враг цеплялся за каждый метр, и, несмотря на большие усилия, нам удалось занять лишь две траншеи и опушку леса. В 14 часов фашисты контратаковали нас, пытаясь восстановить положение. Однако успеха не имели.

Продвигаясь вперед, мы овладели рубежом господский двор Пентекинее Реессен. На нем закрепились и начали подготовку к завершающему удару.

9 апреля Кенигсберг был взят. У неприятеля оставалась еще южная часть Земландского полуострова.

11 апреля наше соединение получило приказ сменить 157-ю стрелковую дивизию и наступать в направлении высоты 63.8, Шинкенхефен, Каргау, Фишхаузен. Для выполнения этой задачи нам были приданы 336-я отдельная армейская штрафная рота и отдельный огнеметный батальон.

Перед тем как принять решение, я пригласил к себе в

блиндаж начальника штаба дивизии А. П. Соколова, начальника политотдела В. А. Белова и командующего артиллерией дивизии А. Е. Трунина.

- Александр Петрович, - спросил я Соколова, - что будем делать с огнеметчиками? Для боя в городе они незаменимы, а вот в открытом поле, когда к траншее противника близко не подойдешь, им придется трудно.

- И тут пригодятся, - ответил начальник штаба. - У них кроме огнеметов есть станковые пулеметы.

Решили огнеметчиков поротно придать полкам первого эшелона.

13 апреля утро выдалось холодное, хмурое. Солнце то чуть проглянет, то опять спрячется. Облака низкие. На земле иней. Ветрено и холодно, как в декабре.

На передовой тишина. Но вот туман поредел, и в воздух поднялись наши бомбардировщики, штурмовики, истребители. Они обрушили удары на вражескую оборону. Вся лежащая впереди местность затянулась густым дымом.

Ровно в 7 часов заговорила артиллерия. Потом поднялись 491-й и 558-й полки. Они захватили первую траншею и развернули бои за рощи Квадратная и Треугольная, хорошо подготовленные к обороне. Квадратная, например, была вся изрезана траншеями полного профиля.

На опушке проволочный частокол. На тропах и дорогах - рогатки, огневые точки. Повсюду очень много мин. Ими начинен каждый клочок земли.

И через все это прошли наши солдаты. Когда я приехал в 491-й полк, который овладел рощей Квадратная, то глазам моим представилась такая картина. Земля была вся изрыта, взорвана, деревья посечены, изломаны, всюду валялись изуродованные, окровавленные трупы.

"Вот оно, возмездие! - невольно подумалось мне. - Что посеяли, то и жать приходится".

На рощу Треугольная наступали 336-я отдельная армейская штрафная рота и огнеметный батальон. На опушке стрелки неожиданно наткнулись на проволочную сетку, растянутую между деревьями и достигавшую двухметровой высоты. Гитлеровцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь, и атака роты захлебнулась. Поддержать подразделение артиллерией не было возможности: она не могла бить по огневым точкам, от которых рота находилась в 70-100 метрах.

Несколько часов штрафники вынуждены были лежать перед сеткой, пока 491-й и 558-й полки не ворвались в рощу с других направлений.

При поддержке артиллерии и минометов немцы ротой автоматчиков с пулеметами проводят контратаку. Наши части отбивают ее.

Ночью к нам перебежало 15 вражеских солдат во главе с ефрейтором. Они рассказали, что в их роте имеется четыре пулемета МГ-42 и шесть автоматов. Остальные вооружены винтовками и карабинами. За последние дни их подразделение понесло большие потери.

Весь день 13 апреля противник беспрерывно контратаковал. На этот участок он подбросил еще до батальона пехоты на бронетранспортерах, затем перед нами появились подразделения 5-й танковой дивизии, 270-го пехотного полка 93-й пехотной дивизии и батальон фольксштурма. До наступления темноты мы отражали натиск противника. 136-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион стрелял по танкам, огнеметчики и стрелки уничтожали вражескую пехоту.

Ночь прошла тихо...

А в 3 часа 40 минут 14 апреля наша разведка донесла о начавшемся отходе неприятеля. Части дивизии немедленно перешли к преследованию. Вечером наступаем на Крагау и с ходу занимаем две траншей. Здесь обнаруживаем церковные и кладбищенские ограды, сетки, какими обычно окружаются спортивные площадки. Все это немцы теперь использовали для устройства заграждений.

После полудня начался сильный ветер, пошел дождь. Окрестность утонула в белесой дымке. Одежда на бойцах промокла, ноги вязли в грязи.

Стрельба то затухала, то возобновлялась с новой силой. Противник сопротивлялся отчаянно...

Мы с начальником штаба А. П. Соколовым, начальником политотдела В. А. Беловым, помощником начальника оперативного отделения В. П. Дорониным и другими размещаемся в Коонайтене. Подходы к этому господскому двору простреливаются. Отсюда до передовой несколько сот метров.

Из всех строений Коонайтена остался только одноэтажный дом. Он был набит людьми. Тут и штаб дивизии, и штаб артиллерии дивизии, и разведка, и связь...

Во двор то и дело залетали мины и снаряды. Время от времени раздавались возгласы, что кто-то убит, кто-то ранен, а кого-то присыпало.

С рассветом 15 апреля части ведут бой за третью траншею. Трудно даются каждый холм, каждый окоп. Но все же и этот рубеж преодолеваем. Теперь перед нами Крагау. Он расположен на автомагистрали. Как только мы его возьмем, откроется

широкая возможность рокадного маневра. Под непосредственной угрозой окажется и порт Фишхаузен.

Северо-восточнее Крагау расположена прикрывающая его высота Безымянная. Она вытянулась по фронту метров на 200-300 и сильно укреплена. На ней - три линии траншей полного профиля, две отсечные траншеи, являвшиеся одновременно ходами сообщения, проволочные заграждения, блиндажи с бойницами, различные укрытия.

Овладеть высотой было приказано командиру 1-го батальона 558-го стрелкового полка старшему лейтенанту Виктору Алексеевичу Валяеву. Его батальон накануне вел напряженные бои, и в строю насчитывалось всего 13 активных бойцов.

Валяев присел на ящик, сощурил левый глаз и стал прикидывать, как лучше выполнить задачу.

Через некоторое время позвонил телефон. Заместитель командира батальона по политчасти капитан Литвинов взял трубку, послушно и молча передал ее Валяеву.

Говорил командир 558-го стрелкового полка Константин Васильевич Чапаев.

- Сорок третий слушает, - отозвался Валяев

- Слышали новости? В 21 час транта дает концерт.

- Объявлю желающим...

- С тещей встречались?

- Да, недавно.

- Ну хорошо, в добрый час!

Этот диалог означал: личный состав поужинал и отдыхает. В 21 час состоится артналет.

В блиндаже стало так тихо, что вопрос в телефонной трубке "Переговорили?" услышал Литвинов и невольно ответил:

- Да.

Щуплый, с быстрыми синими глазами старший сержант Шишкин примолк, ожидая распоряжений комбата или замполита.

Первым голос подал Валяев.

- Старшой! - так он называл Шишкина. - Скажи ребятам, пусть приготовятся. Скоро начнем.

- Есть! - старший сержант ушел, прошумев влажной плащ-палаткой.

- Хорош, стервец! - с восхищением сказал ему вслед старший лейтенант, видимо припомнив какой-то боевой эпизод, связанный с именем старшего сержанта. - Восемнадцать лет, а житейского опыта на двоих сорокалетних хватит...

До артподготовки оставалось минут десять. Валяев собрал бойцов и сказал:

- Берите гранат сколько донесете. Нужно создать

впечатление, что нас в десять раз больше. Только хитростью и сможем взять.

Начался артналет. Снаряды ложились точно на высоте.

Вскоре стрельба прекратилась, и 13 человек устремились к вражеским окопам. Ведя огонь на бегу, бросая гранаты, они быстро достигли первой траншеи и ворвались в нее. Темнота и дождь благоприятствовали им. Растекаясь по ходам сообщений, наши пехотинцы потеснили фашистов. Они почему-то сопротивлялись не так упорно, как накануне. Очевидно, немцев больше беспокоил их левый фланг, по которому основательно била артиллерия нашего соседа. Гитлеровцы откатились на последнюю линию окопов, защищенную проволочными препятствиями, и оттуда открыли сильный огонь из автоматов, пулеметов и минометов.

Батальон Валяева залег в полусотне метров от проволоки. Старший лейтенант решил задействовать свой резерв и приданные средства. Взводу огнеметчиков (два станковых пулемета) и шести автоматчикам он приказал прикрыть правый фланг, а расчету станкового пулемета из пульроты приготовиться к отражению контратаки. Роте 82-мм минометов - обработать участок стыка хода сообщения, идущего с нашей стороны под проволоку немцев.

Кроме того, поддержать батальон было приказано дивизиону полковых орудий, батарее тяжелых минометов и крупнокалиберным пулеметам.

Приближался рассвет. Над высотой ползли низкие свинцовые тучи, все вокруг окутала синяя утренняя дымка, сквозь которую едва проступали силуэты деревьев.

Противник пошел в контратаку. Бойцы Валяева встретили его в наспех оборудованных ячейках. Они хладнокровно били по гитлеровцам из автоматов, из их же пулеметов. А когда немцы подошли совсем близко, в ход были пущены гранаты.

Неприятельских солдат на высоте оказалось больше сотни. А может быть, и около двух... Только в контратаке участвовало свыше тридцати человек.

Но горстка бойцов во главе с Валяевым и Литвиновым не дрогнула и остановила фашистов. А как только те повернули назад, старший лейтенант Валяев скомандовал:

- Вперед, товарищи!

- Добьем гитлеровских выкормышей! - подхватил замполит Литвинов.

Воины дружно поднялись с земли и с возгласами "ура" далеко отбросили врага.

Валяев быстро переставил артиллерию, выбрал НП, связался с

тылом, готовясь полностью овладеть высотой. Из штаба дивизии к нему прибыл капитан Борисенко. Он проинформировал комбата об обстановке в полосе дивизии, о наступлении правого соседа и поторопил Валяева с выполнением задачи.

У старшего лейтенанта созрело решение: по ходу сообщения выйти на левый фланг, обойти траншею и проволочное заграждение и, проскочив немного вперед, ударить по гитлеровцам с тыла.

Валяев собрал всех уцелевших солдат и командиров и обстоятельно разъяснил, кому как предстоит действовать.

Коротким огневым налетом артиллерия, поддерживавшая батальон Валяева, отвлекла внимание немцев, и старший лейтенант незаметно провел подразделение на обратный скат высоты.

Появление наших пехотинцев за спиной противника окончательно дезориентировало его. Фашисты решила, что их окружили, и прекратили сопротивление.

Так горстка наших смельчаков захватила важный опорный пункт, уничтожив несколько десятков неприятельских солдат и офицеров и свыше семидесяти человек взяв в плен.

Во вражеской обороне была пробита брешь. Мы это немедленно использовали и развили наступление на Крагау. Вскоре этот населенный пункт был взят. А уже к утру 16 апреля части дивизии вышли на северную окраину Каллена. Здесь и закончилась для нас война.

Войска 3-го Белорусского фронта, в состав которого входило наш" соединение, еще доколачивали остатки восточнопрусской группировки гитлеровцев, засевших в Фишхаузене и особенно в морской крепости Пиллау. Этот последний опорный пункт врага в Восточной Пруссии был сокрушен лишь 25 апреля.

А мы 17 апреля вышли из боя. По приказу командования 159-я Витебская Краснознаменная ордена Суворова 2-й степени стрелковая дивизия направлялась на восток. То, о чем каждый из нас так мечтал четыре долгих года, наконец свершилось. Мы праздновали великую Победу.

Правда, на западе еще гремели орудия, но конец войны был у всех на виду. И то, что соединение направили на восток, а не на запад, означало: наша армия настолько сильна и могущественна, что там, у Берлина, добьет фашистского зверя и без нас.

Вскоре я был уже в Москве. 9 мая меня вместе со многими другими участниками войны пригласили в Кремль для вручения наград.

В этот день я видел ликующую столицу, слышал чеканную поступь победителей на Красной площади, радовался

разноцветным огням победного салюта.

А несколько дней спустя снова был в пути. 159-я стрелковая дивизия срочно перебрасывалась на Дальний Восток...